

Веснік

Брэсцкага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з снежня 1997 года

Выходзіць чатыры разы ў год

Галоўны рэдактар:

М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:

Г.М. Сэндзер

Намеснік галоўнага рэдактара

на серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Гарбацкі

Рэдакцыйны савет па серыі

гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Высоцкі

Б.М. Ляпешка

Л.Г. Лысюк

Міжнародны савет

па серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

Я. Дэмбоўскі (Польшча)

Ежы Нікітаровіч (Польшча)

Л.А. Рапацкая (Расія)

Н.М. Цымбалюк (Украіна)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст

(адказны рэдактар)

В.Ф. Байнёў

В.М. Ватэль

А.В. Брэскі

М.А. Дабрынін

Г.А. Зорын

У.П. Люкевіч

М.С. Кавалевіч

Т.А. Кавальчук

Ч.С. Кірвель

Л.Я. Крештаповіч

У.Ф. Мартынаў

С.В. Рашэтнікаў

Д.Г. Ротман

А.У. Рубанаў

Я.У. Скакун

А.С. Сляповіч

А.І. Смолік

В.А. Сцепановіч

У.М. Хоміч

А.В. Чарнавалаў

А.І. Шыкун

Т.І. Якавук

Пасведчанне аб рэгістрацыі ў Дзяржаўным

камітэце Рэспублікі Беларусь па друку

№ 1084 ад 24 снежня 1997 г.

Адрас рэдакцыі:

224665, г. Брэст,

бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-66-16, 21-47-63

e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

Серыя гуманітарных і грамадскіх навук

ГІСТОРЫЯ

КУЛЬТУРАЛОГІЯ

ПЕДАГОГІКА

ПРАВА

САЦЫЯЛОГІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

Заснавальнік –

**Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны
універсітэт імя А.С. Пушкіна»**

№ 2(33)/2008

У адпаведнасці з загадамі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 18.01.2006 № 8, 31.01.2008 № 28 часопіс «Веснік Брэсцкага універсітэта» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па культуралогіі, гістарычных, палітычных, педагагічных, псіхалагічных, сацыялагічных, філасофскіх, эканамічных і юрыдычных навук

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Крывашэй Д.А. Механізмы рэалізацыі культурнай палітыкі краін Еўропы.....	3
Сугако Л.А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны	10
Косов А.П. Европа во внешнеполитической стратегии США: российская историография проблемы.....	22
Аляксейчыкава Н.М. Матрыманіяльнасць беларускіх гараджан у XVI – XVIII стагоддзях (гістарыяграфічны аспект)	28

КУЛЬТУРАЛОГІЯ

Чернявская Ю.В. Этнос и габитус как формы организации и трансляции смысловых содержаний этнической культуры: к проблеме преемственности и развития.....	36
Крыштофик Э. Значение этнической культуры в современной европейской цивилизации.....	42

ПЕДАГОГІКА

Шукевич Л.В., Зданевич А.А., Будовец И.В. Скоростные и скоростно-силовые способности и их оценка в практике физического воспитания в общеобразовательных учреждениях.....	51
Якуш Е.И. Оценочная деятельность мастера производственного обучения как средство формирования профессиональной направленности учащихся на разных этапах вхождения в профессию	59
Ковалевич И.В. Старость как один из этапов развития личности	69

ПРАВА

Бреский О.В. Локальность и публичный дискурс	77
Храмов С.М. Методы выявления латентной преступности в Республике Беларусь.....	86
Корзик С.В. Становление конституционных основ регулирования отношений по поводу свободы совести, вероисповедания и религиозных организаций в постсоветской Беларуси.....	93
Галимов К.Г. Некоторые теоретические и практические аспекты кодификации законодательства в сфере образования	102

САЦЫЯЛОГІЯ

Яковук Т.И. Вклад ордена тамплиеров в практику организации обслуживания туристического движения.	109
Гриценко Д.В. Миграция населения между Республикой Беларусь, приграничными государствами СНГ и странами Балтии: региональный анализ	116

ПАЛІТАЛОГІЯ

Антанович Н.А. Становление политического анализа как отрасли профессиональных исследований и деятельности	124
Лысюк А.И. Объективные детерминанты политического лидерства: концептуальные основания.....	131
Гринёва О.Н. Глобализация и политика нейтралитета: перспективы развития	138

НАВУКОВЫЯ ПАВЕДАМЛЕННІ

Лепешко Б.М., Займист А.Ф. Некоторые проблемы развития и конкретизации положений законов в подзаконных нормативных правовых актах.....	146
---	-----

Звесткі аб аўтарах	150
---------------------------------	-----

ГІСТОРЫЯ

УДК 351.85

Д.А. Кривашэй

МЕХАНІЗМЫ РЭАЛІЗАЦЫІ КУЛЬТУРНАЙ ПАЛІТЫКІ КРАІН ЕЎРОПЫ

Артыкул прысвечаны аналізу магчымасцей асноўных механізмаў рэалізацыі культурнай палітыкі. Разглядаюцца асноўныя падыходы, якія выкарыстоўваюцца ў краінах Еўропы. Асноўнымі механізмамі здзяйснення культурнай палітыкі з'яўляюцца: прававы, адміністрацыйны (арганізацыйна-структурны), эканамічны (фінансавы), кадравы, інфармацыйны. Аўтар робіць вывад аб тым, што механізмы рэалізацыі культурнай палітыкі ўяўляюць сабой адносна цэласнае адзінства мэтаў, функцый і сродкаў, эфектыўнае выкарыстанне якіх дазваляе ў поўнай меры рэалізоўваць культурную палітыку. Рэальны і дзейны вынік можа быць атрыманы толькі пры комплексным выкарыстанні ўсіх пералічаных метадаў, калі яны дапаўняюць і падмацоўваюць адзін аднаго.

Уводзіны

Дынаміка развіцця грамадства гаворыць аб неабходнасці пастаяннага ўдасканалення працэсаў, накіраваных на забеспячэнне сацыяльна-культурнага жыцця. Апошнім часам сярод навукоўцаў і практыкаў Беларусі ўмацоўваецца ўяўленне аб культуры як асобай сферы грамадскага жыцця – актыўнай сістэме, якая самаразвіваецца, выніку ўзаемадзеяння множнасці працэсаў і сілаў, іх раўнавагі. Культурная палітыка яшчэ не існуе як дакладна вызначаная навуковая галіна з узгодненымі парадыгмамі даследавання і метадалагічнымі падыходамі. Сярод існуючых праблем знаходзіцца і акрэсленне асноўных механізмаў рэалізацыі культурнай палітыкі. Дакладнае выкарыстанне магчымасцей культурнай палітыкі і распрацоўка эфектыўнай сістэмы яе рэалізацыі, стварэнне ўмоваў для фарміравання якаснай культурнай прапановы патрабуе навукова абгрунтаваных кіраўнічых рашэнняў.

У дадзеным артыкуле аналізуюцца магчымасці асноўных механізмаў рэалізацыі культурнай палітыкі. Пры гэтым даецца агляд асноўных падыходаў, якія выкарыстоўваюцца ў краінах Еўропы.

У сярэдзіне 90-х гадоў тэарэтыкі і практыкі культурнай галіны актыўна абмяркоўвалі шляхі распрацоўкі і рэалізацыі новай культурнай палітыкі ў новых сацыяльна-эканамічных умовах. Акрэсленай праблеме прысвечаны працы П.Р. Ігнатовіча [1], А.І. Сцепанцова [2], А. Фліера [3], Л. Іоніна [4], Е.В. Мамедавай [5], А. Карпухіна [6; 7] і інш. Аднак адсутнічаюць працы, якія б грунтаваліся на абагульненні існуючых у розных краінах мадэляў, форм і метадаў рэалізацыі культурнай палітыкі.

Асноўная частка

Асноўнымі механізмамі здзяйснення культурнай палітыкі з'яўляюцца: прававы, адміністрацыйны (арганізацыйна-структурны), эканамічны (фінансавы), кадравы, інфармацыйны.

Шырока распаўсюджаны **прававы механізм**. У шэрагу краін Еўропы прыняты законы, якія датычаць як сферы культуры ў цэлым, так і асобных яе галін і інстытуцый у прыватнасці. Закон – інструмент дзяржаўнага рэгулявання, які акрэслівае пэўную мадэль арганізацыі культурнага жыцця, кампетэнцыі асобных суб'ектаў і ўстаноў

культуры, накіраваны на забеспячэнне рэалізацыі культурных правоў асобы, забеспячэнне абароны і падтрымкі разнастайных сектараў культуры.

Абавязкі дзяржавы, якія датычаць грамадскай сферы, у тым ліку і культуры, звычайна замацаваны ў канстытуцыях, у той час як палітычная воля тых, хто знаходзіцца ва ўладзе, ясна акрэслена ў дакументах, якія зацвярджае парламент і ўрад. Распрацоўка дакументаў, якія фармальна рэгулююць умовы культурнай палітыкі дзяржавы, набывае ў Еўропе сістэматыўнасць. Гэтыя дакументы звычайна маюць характар доўгатэрміновых праграм. Пазней на іх падставе ствараюцца сярэдне-ці кароткатэрміновыя праграмы.

Распрацоўка дакументаў, якія акрэсліваюць асновы культурнай палітыкі дзяржавы, звычайна не выклікае хваляванняў. Так робіцца нават у Вялікабрытаніі, якая, стварыўшы ў 1998 г. дакумент з назвай «Новыя падыходы да інвестыцый у культуру», перарвала традыцыйнае брытанскае нежаданне праводзіць якую-небудзь палітыку ў галіне культуры.

Для большасці посткамуністычных краінаў большай праблемай, чым фармуляванне прынцыпаў культурнай палітыкі, з'яўляецца іх рэалізацыя і нават спробы канкрэтызацыі. Напрыклад, клопатам латышоў з'яўляецца адсутнасць канкрэтнага акрэслення спосабаў рэалізацыі асноўных прынцыпаў культурнай палітыкі, ці адпаведных выканаўчых актаў. Яны не хочуць мірыцца са становішчам, калі закон з'яўляецца ня ясным і яго інтэрпрэтацыя застаецца ў руках прадстаўніка ўлады, тым больш што ўсё часцей адкрыта вядуцца размовы аб карупцыі ўлады. Дарэчы, не мае рацыі празмерная вера ў тое, што прававыя палажэнні вырашаць усе праблемы, а адсутнасць прававога рэгулявання апраўдвае кожнае парушэнне. Належыць таксама асцерагацца вельмі вялікай колькасці асобных інструкцый, якія парушаюць свабоду дзейнасці і абмяжоўваюць ініцыятыву.

Адміністрацыйны механізм уключае ў сябе распрацаваную арганізацыйную структуру кіравання сферай культуры. Галоўным у ім з'яўляецца сістэма распрацоўкі паўнамоцтваў розных суб'ектаў. Адною з асноўных форм рэалізацыі культурнай палітыкі з'яўляецца дзяржаўнае кіраванне. «У выпадку з кіраўнічым уздзеяннем на культуру размова ідзе аб дзейнасці дзяржавы па забеспячэнні ўнутранага парадку ў культуры, якім для яе з'яўляецца самаарганізацыя» [5, с. 167], – заўважае А. Мамедава. У функцыі дзяржаўнай адміністрацыі ўваходзяць рэгламентацыйна-ўпарадкаўваючая і арганізатарская-выканаўчая [8, р. 7].

У сувязі з тым, што культура як аб'ект кіравання ў кожнай краіне мае свой (часам значна шырокі) змест, то і адміністрацыйныя структуры, якія павінны садзейнічаць культурнаму развіццю, у кожнай краіне розныя. Да вырашэння задач культурнай палітыкі прыцягваюцца адміністрацыйныя органы сферы адукацыі, сродкаў масавай інфармацыі, турызму, сацыяльнага абслугоўвання, выхавання моладзі, сельскай гаспадаркі і інш.

Важным элементам эфектыўнага функцыянавання дадзенага механізма з'яўляецца забеспячэнне заснаваны на прынцыпах партнёрства вертыкальных і гарызантальных сувязей паміж зацікаўленымі бакамі.

Польскі даследчык В. Давідовіч прапаноўвае наступныя тыпы падзелу кампетэнцыі, якія звязаны з пазіцыяй цэнтральнай улады адносна сферы культуры:

- цэнтралізаваная сістэма (Францыя, Грэцыя, Партугалія);
- сістэма ўскоснага ўздзеяння дзяржавы праз GUANGOs (quasi-autonomous non-government organizations) (Вялікабрытанія, Ірландыя);
- змешаная сістэма органаў цэнтральнага кіравання і дарадчых структур у форме камітэтаў ці саветаў (Швецыя, Галандыя, Фінляндыя, Данія, Нарвегія);
- федэральная сістэма (Германія, Швейцарыя, Аўстрыя);

– спалучэнне цэнтральнага і рэгіянальнага кіравання (Іспанія, Італія) [9, s.10] .

Незалежна ад таго, як падзелена ўлада, неабходна памятаць аб асноўных прынцыпах паспяховай палітыкі, якія звязаны менавіта з адміністрацыйным механізмам. Асноўным з іх з'яўляецца ўмова субсідыярнасці, адпаведна якой рашэнне прымаецца тымі, каго яно ў большай ступені датычыць. Цэнтр не можа прымаць рашэнняў у рэгіянальных справах замест органаў самакіравання, хіба толькі было дадзена спецыяльнае даручэнне.

Гэты прынцып дапаўняецца прынцыпам галоснасці ў прыняцці рашэнняў і большай прысутнасці грамадства ў працэсе прыняцця рашэнняў праз прыцягненне экспертных і дарадчых груп, ініцыяванне грамадскіх дыскусій, прысвечаных вырашэнню ключавых праблем, і да т.п. Па меркаванню С. Мандзі, «заўсёды павінна існаваць магчымасць паспрабаваць аспрэчыць рашэнне аднаго органа ўлады на другім узроўні, дзе праблема бачна ў больш шырокім кантэксце агульнаацыянальнай палітыкі... Палітыка нараджаецца ў рамках механізма прыняцця рашэнняў з сутыкнення пунктаў погляду, якія часам дыяметральна супрацьлеглыя» [10, p. 32].

Вызначаюцца тры катэгорыі адміністратараў культуры:

– дзяржаўныя служачыя, якія забяспечваюць выпрацоўку і выкананне канцэпцый развіцця культуры, законаў і рэгламентацый;

– навуковыя супрацоўнікі, якія даследуюць і рэкамендуюць мадэлі аптымальнага развіцця інфраструктуры культуры, культурнай палітыкі і механізмаў яе рэалізацыі;

– практыкі, кіраўнікі ўстаноў і арганізацый, дырэктары фестываляў і г.д., якіх звычайна называюць «арт-менеджэрамі». Асноўнай іх задачай з'яўляецца стварэнне ўмоваў як для плённай працы мастака, так і для адэкватнага ўспрымання яго публікай.

Паспяховасць дзеяння адміністрацыйнага механізма залежыць ад паспяховасці вырашэння пытання кампетэнцыі і грамадскай афіцыйных асобаў, якія займаюцца рэалізацыяй задач культурнай палітыкі, а таксама арт-менеджэраў.

Не менш важным з'яўляецца **эканамічны (фінансавы) механізм** як сістэма фінансавання культуры на аснове спалучэння розных крыніц (дзяржаўны бюджэт, камерцыйныя і дабрачынныя ўстановы і фонды), распрацаванай структуры падаткаабкладання, ганарарнай палітыкі і палітыкі аплаты працы, цэнаўтварэння і г.д.

У кожнай краіне існуе сваё бачанне праблемы фінансавання сферы культуры – ад амаль поўнага дзяржаўнага рэгулявання да стварэння ўмоў для самастойнага існавання творцаў і творчых інстытуцый.

Асноўным пытаннем з'яўляецца забеспячэнне неабходнага дадзенаму грамадству ўзроўню развіцця культурнай дзейнасці, які забяспечвае неабходную якасць жыцця і службыць сацыяльнаму прагрэсу. Пры гэтым пытанне аб эфектыўнасці выкарыстання сродкаў, якія ўкладзены ў сферу культуры, не заўсёды звязана з эканамічнымі паказчыкамі рэнтабельнасці.

Напрыклад, адной з асноўных задач культурнай палітыкі такіх краін, як Венгрыя, Беларусь, Украіна, з'яўляецца стварэнне ўмоваў для развіцця культуры ў сельскай мясцовасці. Зразумела, што вырашэнне дадзенай задачы звязана з вялікімі капіталаўкладаннямі менавіта з дзяржаўнага бюджэту. Пра акупнасць такіх праграм размова можа ісці толькі ў напрамку разваг аб сацыяльнай стабільнасці.

Як і адміністрацыйны, фінансавы механізм таксама звязаны з пытаннем дэцэнтралізацыі, у дадзеным выпадку суадносін выдаткаў цэнтральных, рэгіянальных і лакальных органаў улады. Гэтыя паказчыкі для кожнай краіны свае. У Аўстрыі на долю цэнтра ў 2000 г. прыпадала 33,3%, Балгарыі ў 1999 г. – 63,7%, Беларусі ў 2000 г. – 26,3%.

Дэцэнтралізацыя звязана і з існаваннем розных мадэляў фінансавання. У некаторых дзяржавах назіраецца тэндэнцыя аддаліцца ад працэдуры размеркавання

вызеленых сродкаў. Для гэтай мэты ствараюцца спецыяльныя арганізацыйныя структуры і прыцягваюцца эксперты.

адпаведнасці вызначанымі прыярытэтамі развіцця асобных сфер культурнай галіны, назіраецца вялікае адрозненне ў дзяржаўнай падтрымцы пэўнага сектара ў розных краінах. Напрыклад, найбольш сродкаў у кінавытворчасць (у адсотках усіх дзяржаўных выдаткаў на культуру) у 2003 г. накіроўвала Харватыя (10,5%). Урад Эстоніі асноўную ўвагу ў гэтым жа годзе аказваў развіццю выканальніцкага мастацтва (музыкі і тэатра) – 29,7% выдаткаў дзяржбюджэту на культуру [11, р. 210].

Акрамя непасрэднай фінансавай дапамогі, існуюць і іншыя формы дзяржаўнай падтрымкі культуры. Найбольш вядомая – ільготнае падаткаабкладанне асобных сфер культуры, творчых арганізацый і творцаў.

Асобнай крыніцай дадатковага фінансавання з'яўляецца дабрачыннасць (мецэнацтва і спонсарства). Праз падатковую палітыку і сістэму льгот дзяржава стымулюе прыватную падтрымку культуры. Краінамі, у якіх удзел прыватных сродкаў у фінансаванні культуры найбольшы, з'яўляюцца Швейцарыя (13%), Грэцыя (20%), Партугалія (26%). Але гэта выключэнні. Сярэдні памер такой падтрымкі ў Еўропе складае ад 0,5% да 2%. Таму ўскладваць вялікія надзеі на гэты від фінансавання культуры немагчыма.

Распаўсюджана меркаванне, што ў краінах, якія знаходзяцца ў стадыі трансфармацыі, бракуе мецэнатаў і спонсараў. У развітых краінах яны паходзяць звычайна з сярэдняга класа, які ў першых яшчэ недастаткова развіты. Яшчэ адной перашкодай з'яўляецца неэфектыўнасць падатковай сістэмы, якая не спрыяе пашырэнню спонсарства.

Адной з крыніц дыверсіфікацыі крыніц фінансавання культурнага жыцця з'яўляецца прыватызацыя. Пры гэтым кожная краіна па-свойму вырашае, якія прадпрыемствы і якая дзейнасць можа быць прыватызавана. Шквал прыватызацыі ахапіў постсавецкія краіны ў пачатку 90-х гадоў. У хуткім часе стала зразумела, што чакаемых вынікаў яна не прынесла. Прыватызацыя без вялікіх цяжкасцей адбылася ў сферы індустрыі культуры: музыка, кіно, СМІ, кнігавыданне і да т.п. Разам з гэтым прыватызацыя закранула і сферу так званай высокай культуры. На постсавецкай прасторы з'явіліся прыватныя галерэі, музеі і тэатры. У большасці сваёй яны з'яўляюцца прыкладам прыватнай ініцыятывы асобных людзей і ствараюцца не шляхам змены формы ўласнасці, а «з нуля» (з'яўленне калектыву аднадумцаў, пошук, арэнда ці набыццё памяшкання і г.д.).

Кадровы механізм. Ён ахоплівае разгалінаваную сістэму культурнай адукацыі, мастацкага навучання, падтрымкі творцаў і дзеячаў мастацтва, падрыхтоўкі прафесіяналаў для патрэбаў арганізацыйнай інфраструктуры культуры. Менавіта прафесіяналы ад культуры ажыццяўляюць важнейшую функцыю культуры – вытворчасць яе каштоўнасцей, іх зберажэнне, назапашванне і перадачу.

Найбольш важным у дадзеным механізме з'яўляецца пытанне адукацыі і прафесійнай падрыхтоўкі. Яно ў сваю чаргу мае два аспекты. Першы накіраваны на арганізацыю сістэмы адукацыі насельніцтва з мэтай развіцця іх магчымасцей атрымліваць задавальненне ад удзелу ў культурным жыцці і здольнасці ўдзельнічаць у ім у поўнай меры. Другі мае сваёй мэтай развіццё адукацыі тых людзей, прафесія якіх звязана са сферай культуры. Пры гэтым чым больш будуць сустракацца прафесіяналы з насельніцтвам, тым больш паспяховымі будуць вынікі двух працэсаў.

Праграма культурнай адукацыі пачынаецца з дашкольных устаноў і працягваецца ў школе. Дзеці атрымліваюць асновы мастацка-культурных ведаў і навыкаў, вучацца ўспрымаць і разумець мастацтва. З самага малага ўзросту чалавек вучыцца паважаць мастацкую творчасць, адкрывае для сябе свет мастацтва.

Пачынаючы з 70-х гадоў мінулага стагоддзя становіцца папулярнай канцэпцыя «сацыяльна-культурнай анімацыі». Асновы дадзенай канцэпцыі зыходзяць з ўзаемазалежнасці вольнага часу, шырокага ахопу сістэмы адукацыі, выхавання і культуры. Асноўнымі элементамі дадзенай структуры з'яўляюцца аб'яднанні зацікаўленых грамадзян: таварыствы, клубы, грамадскія рухі, аб'яднанні, арганізацыі і г.д. Галоўнай яе мэтай з'яўляецца адукацыя, выхаванне творчых людзей.

Сістэма спецыяльнай адукацыі накіравана на тых, хто імкнецца падрыхтавацца да прафесійнай дзейнасці ў сферы мастацтва і ў далейшым распачаць прафесійную кар'еру. На першым этапе яна ўключае базавую падрыхтоўку ў галіне музыкі, танца, жывапісу і г.д. праз сістэму спецыялізаваных школ. У далейшым жадаючыя атрымліваюць спецыяльныя веды праз сетку прафесійнай адукацыі, якая ў большасці краін Еўропы мае сярэдняю і вышэйшую ступені адукацыі.

Паспяховасць рэалізацыі кадраванага механізма сутыкаецца са шматлікімі праблемамі. Сярод іх – якасць базавай мастацкай адукацыі ў школе, вырашэнне праблемы працаўладкавання прафесіяналаў. Краіны, якія знаходзяцца на этапе трансфармацыі, перажылі значны адток педагогаў па мастацтву, што адбілася на зніжэнні ўзроўню дадатковай і прафесійнай адукацыі.

Перавытворчасць прафесійных кадраў прымушае па-новаму ставіцца да іх падрыхтоўкі. У сучасных умовах узнікла неабходнасць у навучанні іх асновам менеджмента, мастацтву фанрайзінгу, самапрэзентацыі, прадпрымальніцтва, пошуку працы і г.д.

Творчыя работнікі аб'ядноўваюцца ў творчыя саюзы, якія атрымліваюць фінансавую дапамогу ад дзяржавы. Напрыклад, у Беларусі, Венгрыі, Латвіі, Літве, на Украіне дзяржаўная падтрымка даволі значная. Творчыя саюзы адыгрываюць ролю прафесійных саюзаў, якія выступаюць абаронцамі сацыяльных правоў сваіх сяброў.

Адной з галоўных задач кадраванага механізма з'яўляецца павышэнне і абарона статуса творчага работніка. Еўрапейскія краіны прымаюць меры для таго, каб творчыя работнікі карысталіся такімі ж правамі, як і іншыя катэгорыі асобаў, якія працуюць па найму ці самастойна, у адносінах найму на працу і ўмоваў жыцця і працы. Асабліва ўвага надаецца таму, каб творчым работнікам, якія працуюць не па найму, была ў разумных межах забяспечана абарона ў выглядзе гарантый даходаў і сацыяльнага забеспячэння. Вырашаецца гэтае пытанне ў розных краінах па-рознаму. У Эстоніі заканадаўча замацавана сацыяльная абароненасць толькі тых «вольных мастакоў», хто з'яўляецца сябрам адпаведнага творчага саюза. Яны плацяць такія ж падаткі, як і прадпрымальнікі, і ім гарантаваны мінімальны заробак, сацыяльнае страхаванне і страхаванне здароўя на пэўны перыяд. Схему гарантый заробку распрацоўваюць творчыя саюзы. На яе рэалізацыю апошнія атрымліваюць субсідыі ў адпаведнасці з колькасцю зарэгістраваных сяброў [12, р. 304–306]. У адпаведнасці з заканадаўствам Украіны і Беларусі, «свабодныя мастакі» прыраўноўваюцца ў сваім статусе да прадпрымальнікаў.

Значнай праблемай з'яўляецца беспрацоўе сярод прадстаўнікоў творчых прафесій. Некаторыя з еўрапейскіх краін маюць станоўчы вопыт яе вырашэння шляхам перакваліфікацыі беспрацоўнай моладзі і асобаў, якія вяртаюцца да прафесійнай дзейнасці пасля перапынку. Напрыклад, з 1999 г. у Вялікабрытаніі рэалізуецца праграма «Новая дамова для музыкантаў». Яна накіравана на аказанне падтрымкі беспрацоўным музыкантам ці маладым людзям, якія хочуць працаваць у сферы музыкі. У адпаведнасці з праграмай, шмат людзей сталі працаваць па сумежных спецыяльнасцях, напрыклад менеджэрамі ці спецыялістамі па абслугоўванню сцэны [13, с. 91].

Адным са складнікаў арганізацыі працы з творчымі кадрамі з'яўляецца наяўнасць у многіх краінах сістэмы дзяржаўнай і прыватнай падтрымкі талентаў, распрацаванай сістэмы ўзнагарод, конкурсаў і творчых стыпендыяў, незалежнай і кампетэнтнай мастацкай крытыкі і г.д.

Паспяхова рэалізацыя культурнай палітыкі, эфектыўнае ўзаемадзеянне згаданых вышэй механізмаў немагчыма без інфармацыйнага забеспячэння. **Інфармацыйны механізм** – сукупнасць разнастайных інстытутаў, якія забяспечваюць збор, захаванне, апрацоўку і перадачу інфармацыі. Асноўнымі яго элементамі з'яўляюцца ўлік, планаванне, справаздачнасць, кантроль, доступ да інфармацыі.

Права на атрыманне, захаванне і распаўсюджанне поўнай, дакладнай і своечасовай інфармацыі аб культурным жыцці заканадаўча замацавана ў Рэспубліцы Беларусь (арт. 17 Закона аб культуры).

Збор інфармацыі заключаецца як у вызначэнні комплексу дакументаў, якія ствараюцца ў дзейнасці разнастайных суб'ектаў культурнай палітыкі, што падлягаюць абавязковай рэгістрацыі і захаванню, так і ў правядзенні мерапрыемстваў па вывучэнню сацыякультурнай сітуацыі пэўнай краіны, рэгіёна, супольнасці і да т.п., правядзенні маніторынгу культурных запытаў насельніцтва, даследаванні актуальных праблем культурнага жыцця. На падставе атрыманай інфармацыі распрацоўваюцца нарматыўна-прававыя акты ў галіне культуры, разнастайныя комплексныя праграмы, мерапрыемствы па забеспячэнню развіцця галіны, уносяцца прапановы, рыхтуюцца аналітычныя матэрыялы, адбываецца планаванне.

Паспяховасць дадзенага механізма залежыць ад сістэматычнасці, апэратыўнасці, аб'ектыўнасці і дакладнай інтэрпрэтацыі атрыманай інфармацыі, колькасных і якасных паказчыкаў. Асновай яе апрацоўкі з'яўляецца сістэмны аналіз, вынікам – разнастайныя базы дадзеных (статыстычныя, нарматыўныя і г.д.), культуралагічныя інфармацыйныя сістэмы, якія ствараюцца з выкарыстаннем інфармацыйных тэхналогій, інфармацыйныя сеткі.

Інфармацыя з'яўляецца рэсурсам эфектыўнага кіравання. Апошняе дазваляе якасна выпрацоўваць рашэнні, рэалізаваць базавыя функцыі стратэгічнага і бягучага кіравання (аналіз і прагноз сітуацыі, абмен інфармацыяй, планаванне і каардынацыя дзейнасці, кантроль за выкананнем рашэнняў і да т.п.), здзяйсняць маніторынг сацыяльна-культурнага стану грамадства, эфектыўна рэалізоўваць задачу культурнай бяспекі. Празрыстасць і даступнасць інфармацыі аб выпрацоўцы і прыняцці рашэнняў дазваляе здзяйсняць кантроль за дзейнасцю органаў дзяржаўнага кіравання.

Часткай дадзенага механізма з'яўляецца сістэма камунікацыі – перадачы інфармацыі ад суб'екта (аб'екта) да суб'екта (аб'екта), спецыфічная форма зносін. Камунікацыя ляжыць у аснове грамадскіх сувязей – public relations. Яны накіраваны на фарміраванне спрыяльных мадэляў сацыяльных паводзін і кіравання імі, стварэнне і падтрымку рэпутацыі суб'ектаў дзяржаўнай і прыватнай сфераў дзейнасці [14, с. 138]. Кажучы прасцей, гэта кіраванне грамадскай свядомасцю ці грамадскай думкай.

Інфармацыйны механізм дазваляе рэалізаваць прынцып шырокага доступу грамадскасці да інфармацыі, развіццё дыстанцыйных сродкаў камунікацыі, інтэграцыі суб'ектаў культурнай палітыкі ў рэгіянальныя, нацыянальныя, міжнародныя інфармацыйныя сеткі, фарміраванне адзінай інфармацыйнай прасторы разнастайнай дзейнасці ў галіне культуры (навуковай, адукацыйнай, сацыяльнай, кіраўнічай, эканамічнай).

Заклучэнне

Такім чынам, механізмы рэалізацыі культурнай палітыкі ўяўляюць сабой адносна цэласнае адзінства мэтаў, функцый і сродкаў, эфектыўнае выкарыстанне якіх дазваляе ў поўнай меры рэалізоўваць культурную палітыку. Рэальны і дзейсны вынік

мога быць атрыманы толькі пры комплексным выкарыстанні ўсіх пералічаных метадаў, калі яны дапаўняюць і падмацоўваюць адзін аднаго.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Ігнатовіч, П. Р. Культурная палітыка Рэспублікі Беларусь на этапе трансфармацыі грамадства / П. Р. Ігнатовіч // *Культура Беларусі: стан і перспектывы развіцця* : зб. арт. / Беларус. дзярж. ун-т культуры ; пад рэд. Я. Д. Грыгаровіч, П. Р. Ігнатовіча. – Мінск, 2001. – С. 11–22.
2. Сцепанцоў, А. І. Кадры – творцы мастацкай культуры / А. І. Сцепанцоў // *Культура Беларусі: стан і перспектывы развіцця* : зб. арт. / Беларус. дзярж. ун-т культуры ; пад рэд. Я. Д. Грыгаровіч, П. Р. Ігнатовіча. – Мінск, 2001. – С. 70–77.
3. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер – М. : Академический проект, 2000. – 207 с.
4. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М. : Логос, 1998. – 280 с.
5. Мамедова, Е. В. Культурная политика / Е. В. Мамедова // *Философские науки*. – 2000. – № 1. – С. 163–171.
6. Карпухин, О. И. Культурная политика / О. И. Карпухин. – М. : [б. и.], 1996. – 240 с.
7. Карпухин, О. И. Управление процессами формирования культурной политики государства / О. И. Карпухин // *Социально-гуманитарные знания*. – 1999. – № 4. – С. 60–73.
8. Kuta, T. *Funkcje współczesnej administracji* / T. Kuta. – Wrocław : Ossolineum, 1992. – 230 s.
9. Dawidowicz, W. *Miejsce kultury w gospodarce rynkowej* / W. Dawidowicz // *Kultura w gospodarce rynkowej* / W. Dawidowicz ; red. K. Mazurek-Łopacińska. – Wrocław : PWN, 2005. – 310 s.
10. Mandi, Sajmon. *Cultural policy – a short guide* / Sajmon Mandi. – Strasbourg : Council of Europe, 2000. – 92 p.
11. *Compendium of Cultural Policies and Trends in Europe*, 8th edition [Electronic resource] / Council of Europe / ERICarts, 2007. – Mode of access : <http://www.culturalpolicies.net>. – Date of access : 26.08.2007.
12. *Monitoring Government Action to Implement Social and Fiscal Measures for Self-Employment Artists* [Electronic resource] / Council of Europe / ERICarts, 2007. – Mode of access : http://www.culturalpolicies.net/web/files/29/en/MON_artistlegislation-100107.pdf. – Date of access : 26.08.2007.
13. Мир культуры. Международная мозаика : Сравнительный анализ культурной политики зарубежных стран / сост.: Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. – М. : ЛИБЕРЕЯ, 2003. – 264 с.
14. Борисов, Б. Л. Реклама и Паблик Рилейшинз : Алхимия власти / Б. Л. Борисов. – М. : РИП-Холдинг, 1998. – 138 с.

Kryvashei D.A. Mechanisms of realization of cultural policy of the countries of Europe

The opportunities of the basic mechanisms of realization of cultural policy are analyzed in the article. The basic practice and the approaches, which are used in the countries of Europe, are considered. The basic practice and the approaches, which are used in the countries of Europe, are considered. The basic mechanisms of realization of cultural policy are: legal, administrative, economic (financial), personnel, information. The author judges that the mechanisms of realization of cultural policy represent rather complete unity of the purposes, functions and means, which effective utilization allows to the full to realize cultural policy. The real and effective result can be achieved only at complex use of all listed methods, provided that they supplement and support each other.

УДК 94(476) «1941/1945»

Л.А. Сугако

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭВАКУАЦИИ В ЗАПАДНЫХ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются особенности проведения эвакуационных мероприятий в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны. Делается вывод об отсутствии в СССР заранее разработанных планов эвакуации, в связи с чем данный процесс приобрел в первые дни войны преимущественно стихийный характер. Тем не менее в крайне неблагоприятной обстановке в советский тыл эвакуировалась часть населения, были спасены некоторые материальные и культурные ценности. На основании архивных источников в научный оборот введены новые цифры и факты, характеризующие эвакуационный процесс.

Введение

Великая Отечественная война занимает особое место в истории белорусского народа, и исследование ее событий продолжает оставаться актуальной задачей отечественных историков. В последние годы внимание исследователей концентрируется на тех проблемах истории войны, которые не получили достаточного отражения в нашей исторической науке. К их числу относится и вопрос об эвакуации в советский тыл населения, материальных ресурсов и культурных ценностей из Белорусской ССР. Специальной, систематизированной и обобщающей работы по данной тематике в отечественной историографии пока нет, хотя те или иные аспекты эвакуационного процесса освещались во многих исследованиях. Однако почти все внимание уделялось эвакуационным мерам в восточных областях республики, в отношении же западных и центральных областей доминантой являлись утверждения о фактическом срыве эвакуации в этих регионах [2, с. 646; 4, с. 58; 18, с. 13]. Представляется, что данная точка зрения нуждается в корректировке. На наш взгляд, вполне уместно утверждать, что даже в исключительно тяжелой обстановке первых дней войны, при крайнем дефиците времени и общей неподготовленности к масштабной эвакуации, некоторые эвакуационные мероприятия на западе Беларуси носили достаточно планомерный и организованный характер и привели к определенным результатам. Цель данной статьи автор видит в аргументированном обосновании последнего утверждения. Опорой для выводов послужили результаты, полученные в ходе исследований по соответствующей проблематике.

Разработка эвакуационной программы и меры по ее реализации в западных и центральных областях БССР

Трагическое для Красной Армии начало Великой Отечественной войны поставило задачу организации эвакуации из прифронтовых районов Советского Союза, в том числе и БССР, в ряд самых неотложных. Необходимо было спасти население, промышленные предприятия и материальные ресурсы от угрозы уничтожения, захвата, эксплуатации и разграбления гитлеровскими захватчиками и использовать данный потенциал для укрепления военно-экономической мощи советского тыла.

Трудности решения этой сложной в организационно-техническом отношении проблемы усугублялись быстрыми темпами наступления противника, массированными ударами его авиации по коммуникациям в советском тылу, мобилизацией в части Красной Армии транспортных средств гражданских учреждений и организаций, перебоями в работе связи. Кроме того, есть серьезные основания считать, что в предвоенные годы в СССР эвакуационные мероприятия на случай возможного нападения врага

не разрабатывались. Данное утверждение обосновывается рядом аргументов. Во-первых, действовавшая на тот момент официальная военная доктрина нацеливала советские войска на быстрый перенос военных действий на территорию агрессора [19, с. 78], вследствие чего разработка эвакуационной программы вряд ли могла считаться необходимой. Во-вторых, осуществление эвакуационных мероприятий в первые дни войны тормозилось нередкими случаями растерянности местных властей, пассивным ожиданием ими директив сверху, противоречивыми распоряжениями [15, с. 62], что свидетельствует о неподготовленности к данному роду деятельности и отсутствию соответствующих инструкций. В-третьих, в известных автору работах научного или мемуарного характера, так или иначе касающихся «эвакуационного» вопроса, отсутствуют факты, документы либо ссылки на них, позволяющие констатировать наличие в СССР эвакуационных планов накануне Великой Отечественной войны. Более того, анализ некоторых документальных источников военной поры, в частности материалов к справке БШПД о боевой деятельности партизан в период с 22.06.1941 г. по 22.06.1943 г., свидетельствующих, что «в связи с вероломным вторжением немцев в Советскую Белоруссию ЦК КП(б) Белоруссии и СНК БССР был составлен и рассмотрен подробный план эвакуации промышленных предприятий, тракторов, скота, государственных ценностей и продуктов питания» [14, л. 68], подводит к иному выводу: к разработке эвакуационной программы руководство республики приступило в условиях начавшейся войны.

В первые дни агрессии гитлеровской Германии партийно-государственный аппарат западных областей Беларуси понес значительные кадровые потери. Погибли руководители многих районов: Семятичского – первый секретарь райкома Д.Е. Казаченок, второй секретарь райкома С.С. Максименко, председатель райисполкома Г.Ф. Ячменев; Малоритского – первый секретарь райкома С.И. Коломеец; Кобринского – первый секретарь райкома Г.Н. Аропов; Пружанского – первый секретарь райкома Н.М. Стулов; Домачевского – секретарь райкома Т.Ф. Кукреш; Августовского – первый секретарь райкома В.М. Дементьев; Домбровского – первый секретарь райкома Н.П. Гончаров; Кнышинского – первый секретарь райкома С.К. Мирончик; Ганцевичского – секретарь райкома З.М. Скитович; Сопоткинського – секретарь райкома Ф.Т. Ананич; Вороновского – председатель райисполкома С.С. Жариков; г. Бреста – секретарь горкома А.М. Коротков; г. Лиды – первый секретарь горкома А.И. Дружинин и председатель горисполкома Е.И. Гладышев; Вилейской области – второй секретарь обкома Б.Х. Перочинский. Погибли многие сотрудники среднего и низового звеньев партийно-государственного аппарата западных областей республики [22, с. 32].

Совокупность перечисленных обстоятельств позволяет охарактеризовать обстановку, сложившуюся в первые дни войны на западе Беларуси, как крайне неблагоприятную для организации масштабных эвакуационных мероприятий. Их необходимость стала очевидной уже 22 июня 1941 г. Так, в первые часы нападения германских войск состоялось три заседания бюро Брестского обкома КП(б)Б, на которых, в числе прочих, рассматривались и вопросы организации вывоза из областного центра населения и материальных ценностей [2, с. 93]. Однако быстрый захват противником города (за исключением крепости и вокзала) сорвал эвакуацию из Бреста, врагу достались продукция и оборудование промышленных предприятий, имущество военных складов и т. д. [15, с. 61–62]. Не удалось даже вывезти или уничтожить учетные партийные документы Брестских обкома, горкома и сельского райкома КП(б)Б. Сотрудники обкома успели, правда, уничтожить шифр, секретный код и наиболее секретные материалы особого сектора [13, л. 50]. Не были эвакуированы денежные знаки и ценности Брестского областного отделения Госбанка [13, л. 16]. Возможно, не без влияния брестских событий, бюро ЦК КП(б)Б уже вечером 22 июня обязало управляющего Госбанком БССР в су-

точный срок эвакуировать в Москву ценности, денежные знаки и архив банка [11, с. 64], а утром 23 июня дало указание всем обкомам, горкомам и райкомам КП(б)Б немедленно отправить в тыл учетные и другие партийные документы [13, л. 50].

Следует отметить, что 23 июня необходимость эвакуации начинает осознаваться на высшем уровне руководства. По словам первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, в телефонном разговоре со Сталиным он получает его согласие на вывоз из Минска детских учреждений, государственных ценностей и архивов [22, с. 35]. В 22 ч. 23 июня НКПС СССР отдает категорическое распоряжение приступить к эвакуации работников, подвижного состава и путевого хозяйства Брест-Литовской железной дороги, положив конец колебаниям ее руководства, сбитого с толку противоречивыми указаниями партийных и советских органов Барановичской и Минской областей, неадекватно оценивавших военную обстановку и все еще рассматривавших вопрос об эвакуации как создание паники, как нарушение государственной дисциплины [14, с. 62]. В этот же день нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия приказал немедленно эвакуировать заключенных из тюрем и колоний западных областей БССР [20, с. 21].

24 июня 1941 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации во главе с Л.М. Кагановичем. В соответствующем постановлении были обозначены, хотя и в довольно общей форме, критерии эвакуационной политики – вывоз «населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей...» [9, с. 201]. На следующий день, 25 июня, была образована Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР во главе с председателем СНК И.С. Былинским [2, с. 646]. Очевидно, осознавая расплывчатость критериев эвакуационной политики, обозначенных в постановлении от 24.06.1941 г., 27 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», являющееся более конкретным руководством к действию. В частности, были довольно четко определены приоритеты в осуществлении эвакуации. В первую очередь эвакуации подлежали «важнейшие промышленные ценности (оборудование – важнейшие станки и машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючее, хлеб)...», и население, а именно «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники» [9, с. 208]. Военные Советы фронтов обязывались уничтожать то ценное имущество, которое по тем или иным причинам невозможно было вывезти. Организация эвакуации возлагалась на местные органы власти, предоставление необходимых транспортных средств – на НКПС СССР [9, с. 208]. В известной директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. список приоритетных эвакуируемых ценностей дополнили и подвижной железнодорожный состав, и скот, который должны были угонять колхозники. Вновь прозвучало требование «не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего», а все ценное имущество, которое не может быть вывезено, должно «безусловно уничтожаться» [10, с. 220].

Таким образом, эвакуационная программа начала разрабатываться уже в ходе трагично начавшейся войны, в обстановке дефицита времени и посему вряд ли могла охватить все составляющие этой многогранной проблемы. В условиях быстрого наступления противника и частых срывов связи не удалось осуществить планомерную и масштабную эвакуацию в западных и центральных регионах Беларуси – Брестской, Белостокской, Барановичской, Вилейской, Минской, Пинской областях. Здесь эвакуационный процесс лишь фрагментами носил организованный характер, как правило, в тех сегментах государственной и общественной жизни, в которых распоряжения на вывоз материальных ресурсов и иных ценностей были даны уже 22–23 июня 1941 г. Напри-

мер, своевременное принятие решения об эвакуации отделений Госбанка БССР позволило сохранить для страны денежные фонды и ценности большинства данных учреждений западных и центральных областей республики, о чем свидетельствует таблица 1 (таблица составлена автором на основании данных [14, л. 71]).

Таблица 1 – Эвакуация отделений Госбанка БССР западных и центральных областей Беларуси в начале Великой Отечественной войны

Области	Отделения Госбанка БССР		
	Всего на 22.06.1941 г.	Эвакуировано	Не эвакуировано
Брестская	18	10	8
Белостокская	23	12	11
Барановичская	26	12	14
Вилейская	20	20	–
Минская	21	19	2
Пинская	11	9	2
Итого	119	82	37

Легко заметить, что в трех самых западных областях (Брестской, Белостокской, Барановичской) количество не эвакуированных банковских отделений, по понятным причинам, значительно больше, чем в остальных. Не вывезенные денежные знаки и ценности частично были уничтожены на месте, частично попали в руки захватчиков. В обстановке быстрого наступления противника и перебоев связи подобную участь могло бы разделить еще больше банковских учреждений, если бы не инициатива и решительность представителей местных властей, бравших на себя ответственность за сохранение денежных средств и ценностей. Так действовали, например, сотрудники милиции П.В. Семенчук и П.И. Косило, охранявшие Волковысское районное отделение Госбанка. Вечером 22 июня, так и не дождавшись никаких распоряжений сверху, они приняли решение действовать самостоятельно, погрузив на автомашину «ЗИС-5» 6 мешков с деньгами и направившись на восток. Из-за частых остановок и изменений маршрута в связи с бомбардировками и разрушением дорог и мостов в Минск смогли прибыть лишь вечером 26 июня. Город горел... Найти кого-либо, кто мог бы решить судьбу денег, милиционеры не смогли и потому решили добираться до Могилева. Транзитом через Могилев, Шклов, Фащевку П.В. Семенчук и П.И. Косило благополучно доставили свой груз в г. Орел, сдав в местный банк 3 млн. 68 тыс. рублей [16, с. 4].

Кроме денежных фондов были эвакуированы также архивы Белорусского республиканского, Минского городского, Белостокского, Барановичского, Вилейского, Пинского областных отделений Госбанка [13, л. 11].

Спасение документации и архивов партийных и государственных органов являлось, как уже отмечалось, одной из приоритетных задач при осуществлении эвакуационных мероприятий в первые дни войны. Недопустимо было оставлять врагу, к примеру, учетные документы партийных и комсомольских организаций как в целях обеспечения безопасности людей, так и исходя из необходимости развертывания подпольной и партизанской борьбы на оккупированной территории. Парторганы западных областей «всеми средствами – на машинах, подводах отправляли учетные карточки коммунистов, незаполненные бланки партдокументов и секретную переписку» [13, л. 51]. Эвакуируемая партийная документация направлялась в Москву, в ЦК ВКП(б), либо непосредственно с мест, либо через Минск и областные центры восточной части республики (в основном Могилев и Гомель). Итоги эвакуации учетных и других партийных до-

кументов из западных и центральных областей Беларуси характеризует таблица 2 (таблица составлена автором на основании данных [13, л. 51–56]).

Таблица 2 – Эвакуация документации партийных организаций западных и центральных областей БССР в начале Великой Отечественной войны

Области	Структура КП(б)Б (обкомы, горкомы, райкомы)			
	Всего на 22.06.1941 г.	Эвакуировали документацию	Уничтожили документацию	Не эвакуировали документацию
Брестская	20	15	–	5
Белостокская	29	24	1	4
Барановичская	29	26	–	3
Вилейская	19	19	–	–
Минская	26	26	–	–
Пинская	12	12	–	–
Итого	135	122	1	12

Как видно из таблицы, вся невывезенная документация принадлежала парторганизациям трех самых западных областей республики. Уже отмечалось, что не смогли эвакуировать большую часть своих документов брестские обком, горком и сельский райком КП(б)Б. Кроме того, оказалась утраченной документация Шерешевского и Домачевского райкомов Брестской области, Августовского, Едвабновского, Гродненского сельского, Белостокского сельского райкомов Белостокской области, Кореличского, Радуньского, Любчинского райкомов Барановичской области. Бельский райком Белостокской области свои документы уничтожил на месте [13, л. 51–53].

Что же касается документации и архивов центральных партийных и государственных органов, то подготовка к их эвакуации началась в Минске 23 июня в «связи с усиленной бомбардировкой...» [13, л. 50]. Тогда еще никто не думал, что уже через несколько дней столица Беларуси окажется под угрозой захвата гитлеровскими войсками. Вероятно, недооценка такого варианта развития событий способствовала тому, что не все необходимые меры по вывозу документации и архивов из Минска удалось осуществить своевременно и организованно. Красноречивую иллюстрацию эвакуации материалов и архивов ЦК КП(б)Б в ночь на 25 июня 1941 г. дает в своем дневнике корреспондент «Правды» П. Лидов: – «Звонок. Говорит Былинский (председатель СНК БССР – прим. автора). Он передает распоряжение эвакуироваться. Возле здания ЦК есть новые разрушения. Повреждена столовая, разбит автомобиль, есть убитые. Во дворе на грузовики складывают архивы. По темным лестницам и коридорам пробегают люди с запакрованными в мешки бумагами – мужчины и женщины, работники особого сектора, инструкторы ЦК, милиционеры... Машин не хватает. Эйдинов (секретарь ЦК КП(б)Б – прим. автора) распоряжается часть бумаг сжечь во дворе. Работающим на эвакуации архивов не хватает места на грузовиках. Они спрашивают, что им делать – «Женщин посадить, мужчинам – кончать работу и вливаться в отходящие части» [8, л. 59].

К 25 июня удалось полностью эвакуировать архивы республиканских НКГБ и НКВД. Президиум Верховного Совета БССР и ряд наркоматов свои секретные архивы уничтожили [13, л. 16].

Архивы СНК БССР и некоторых наркоматов не были вывезены либо уничтожены и достались захватчикам. П.К. Пономаренко в докладной от 17.08.1941 г. в ЦК ВКП(б) и СНК СССР вину за случившееся возложил на сотрудников СНК и его председателя И.С. Былинского, упрекая последних в «преступной растерянности», проявившейся в том, что работники «друг другу поручали вывезти или сжечь материалы и не проследили» [13, л. 17]. Если добавить, что, кроме архива, в правительственных по-

мещениях остались в качестве трофеев врагу Почетные знамена, награды, печати [12, с. 46], а глава правительства одновременно являлся председателем Центральной эвакуационной комиссии, то произошедшее вызывает немалое недоумение, даже с учетом сложившейся сложной обстановки. По словам П.К. Пономаренко, в Минск 27.06.1941 г. был послан специальный отряд для уничтожения архива СНК, но пробраться в город он уже не смог [13, л. 17]. В отношении И.С. Былинского репрессий не последовало, и он до 1944 г. продолжал возглавлять эвакуировавшееся в Москву правительство БССР.

Значительную часть банковских и архивных фондов, партийной документации удалось вывезти из западной части республики не только в силу важности и ценности этих материалов, но и потому, что данный груз отличался относительной компактностью и не требовал значительных затрат времени на погрузку. Гораздо сложнее, тем более в условиях крайнего дефицита времени, было с эвакуацией громоздкого промышленного оборудования и других материальных ценностей и ресурсов, требовавших много труда и времени на демонтаж, подбор соответствующих транспортных средств и погрузку. В силу своей специфики, в лучшем положении для осуществления эвакуационных мероприятий оказались подвижной состав, имущество и путевое хозяйство железнодорожных магистралей западной части Беларуси, даже несмотря на царившую в течение первых полутора суток войны нерешительность с принятием решения об эвакуации.

На Белостокской и Брест-Литовской железных дорогах пришлось на ходу, в спешке выработать план действий, принимать меры по спасению материальной части, людей, документов и т. д. Как следует из подписанной П.К. Пономаренко докладной «Итоги эвакуации в Белорусской ССР», адресованной в ЦК ВКП(б) и СНК СССР на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова, Н.А. Вознесенского, А.И. Микояна, «из Белостока отправлено 60 железнодорожных составов с населением, некоторые из составов были отправлены с двумя паровозами... Значительная часть паровозного и вагонного парка отправлена из Барановичского и Молодечненского узлов» [13, л. 17]. Коллектив Брест-Литовской железной дороги сумел спасти значительное количество паровозов и вагонов. В частности, из имевшихся на 22 июня 1941 г. 263 паровозов всех типов было эвакуировано 230, осталось на оккупированной территории 33; из 10 091 вагона всех типов было эвакуировано 5 675, осталось на оккупированной территории 4 416 [15, с. 50]. Кроме того, с узлов Барановичи-Полесские и Барановичи-Центральные удалось до подхода вражеских частей вывезти большую группу железнодорожников с семьями, некоторые документы и материальные ценности. На некоторых станциях Белостокской и Брест-Литовской дорог было частично демонтировано и вывезено путевое хозяйство [14, с. 62]. 24 июня 1941 г. гитлеровская авиация совершила на Минск несколько массированных налетов. Центр города был почти полностью разрушен, значительный урон понес и железнодорожный узел. В перерывах между бомбардировками минские железнодорожники отправили в тыл более 10 эшелонов с населением и материальными ценностями, в том числе с оборудованием строившегося авиазавода [2, с. 345]. Однако к вечеру 24 июня ситуация на железнодорожном узле стала критической – во многих местах повреждены подъездные пути, выведены из строя система водоснабжения, электросеть, уничтожена часть подвижного состава, повсеместно возникли пожары. Эвакуация из Минска по железной дороге стала невозможной.

В результате ожесточенных бомбардировок была уничтожена значительная часть промышленного оборудования, запасов готовой продукции и сырья на многих минских предприятиях. Эвакуация из белорусской столицы уцелевшего оборудования, сырья и продукции в период 25–28 июня становилась в ситуации утраты властями контроля над положением в городе невыполнимой задачей, дополнявшейся продолжавшимися авианалетами, прекращением железнодорожного сообщения, острой нехваткой

автотранспорта. В итоге большое количество материальных ценностей и ресурсов осталось в захваченном гитлеровцами Минске. Аналогичная картина наблюдалась и в других городах западной части республики, за исключением, в определенной мере, Пинска. Особенностью Пинского региона являлись сравнительно лучшие условия для проведения эвакуации, поскольку ударные танковые и механизированные группировки противника действовали севернее труднопроходимого Полесья, захват которого должны были обеспечить немецкие пехотные части. Поэтому темпы продвижения германских войск на пинско-лунинецком направлении были существенно ниже. Если Брестская, Белостокская, Барановичская, Вилейская области были оккупированы на четвертые сутки войны, а Минск – на седьмые, то Пинск был оставлен советскими войсками 4 июля, а Лунинец – 10 июля. Определенный запас времени позволил местным властям приступить к эвакуации Пинского судоремонтного и Микашевичского фанерного заводов, всего двух из 1 075 предприятий западных и центральных областей Беларуси, чье основное оборудование успели перебазировать на восток страны. Из Микашевич (Пинская область) «из-под носа передовых частей немцев» были полностью вывезены ценные пресса по производству дельта-древесины, применявшейся тогда в авиастроении [13, л. 10–11].

Еще одной особенностью эвакуации в Полесском регионе было использование возможностей Днепро-Двинского речного пароходства: Днепро-Бугский канал и протекавшая с запада на восток полноводная Припять являлись удобными коммуникациями для транспортировки грузов в советский тыл. К началу военных действий на водных участках Брест-Пинск, Пинск-Домонтово и др. находилось 70 тыс. тонн всевозможных грузов: хлебопродуктов, фуража, нефти и т. д. 27 тыс. тонн были благополучно вывезены в безопасные районы, 34 тыс. тонн переданы местным органам власти в тех пунктах, где транспортные суда и баржи, перевозившие эти грузы, застала война; 9 тыс. тонн досталось врагу [15, с. 60–61].

Базировавшаяся в Пинске военно-речная флотилия, наряду с ведением боевых действий, 28 июня 1941 г. начала продолжавшуюся до 4 июля эвакуацию наиболее ценного имущества своей главной базы в Наровлю. Оставшиеся на складах в Пинске запасы – обмундирование, мелкокалиберные винтовки, сумки, кобуры, белье и т. д. – были частично уничтожены личным составом флотилии [17, с. 61–63]. В особо сложных условиях, под вражескими бомбами, военные корабли и гражданские суда вывезли из Пинска 1 100 т. зерна [2, с. 61]. Зерно, как уже указывалось, являлось одним из приоритетов эвакуационной программы. Следует отметить, что из 6 западных и центральных областей республики только из Пинской удалось вывезти часть зернопродуктов вглубь страны. Сведения о судьбе хлебных запасов этих регионов содержит таблица 3.

Таблица 3 – Распределение зерновых запасов западных и центральных областей БССР в начале Великой Отечественной войны (в тоннах) [15, с. 48]

Области	Было зернопродуктов на 22.06.1941 г.	Вывезено в тыл страны	Передано Красной Армии	Использовано на местное снабжение	Уничтожено	Не установлена судьба
Брестская	4070	–	–	–	–	4070
Белостокская	8600	–	1000	1000	4500	2100
Барановичская	10130	–	–	600	5000	4530
Вилейская	5520	–	1000	500	3000	1020
Минская	26690	–	500	3000	15000	8190
Пинская	6115	1500	500	1500	1000	1615
Итого	61125	1500	3000	6600	28500	21525

Зерно, судьба которого точно не установлена, осталось на захваченной территории. По утверждению П.К. Пономаренко, оно было «в большей части разобрано населением» [14, л. 71]. Как следует из таблицы 3, 28 500 т., или 46,63% имевшегося в западных и центральных частях республики зерна, было уничтожено. Зерно сжигалось прямо на складах. Данные об уничтожении зернопродуктов содержит таблица 4 (таблица составлена автором на основании данных [14, л. 70]).

Таблица 4 – Уничтожение зернопродуктов в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны (в тоннах)

Области	Пункты уничтожения зерна	Всего уничтожено
Брестская	–	–
Белостокская	Белосток – 2000, Гродно – 1000, Волковыск – 1500	4500
Барановичская	Барановичи – 3000, Лида – 1500, Городок – 500	5000
Вилейская	Молодечно – 1500, Вилейка – 1000, Сморгонь – 500	3000
Минская	Минск – 7000, Борисов – 4000, Слуцк – 3000, Дзержинск – 500, Крупки – 500	15000
Пинская	Пинск – 1000	1000

Таким образом, в первые дни войны, несмотря на крайне тяжелую обстановку и дефицит времени, центральными и местными органами власти Беларуси предпринимались отчаянные попытки вывезти на восток либо уничтожить хотя бы часть материальных ценностей и ресурсов западных регионов республики.

Одновременно разворачивалась в основном стихийная эвакуация населения.

Особенности эвакуации населения из западных и центральных областей БССР

Первую волну устремившихся в советский тыл составляли преимущественно семьи военнослужащих, партийные и советские работники и их семьи, железнодорожники и их семьи, дети из детских учреждений в сопровождении педперсонала. Уже упоминавшийся корреспондент «Правды» П. Лидов, приехав в Могилев утром 25 июня, обнаружил в городе «...множество автомашин из Минска, Барановичей, Вильно, Ковно, Белостока и Бреста» [8, л. 4]. Занимавший в начале войны должность секретаря Могилевского обкома партии Д.С. Мовчанский вспоминал: «В Могилев в то время прибыло много партийных, советских, комсомольских работников, коммунистов и комсомольцев из западных областей: Брестской, Белостокской и Барановичской. Прибыло много детей из детских домов этих областей...» [7, л. 18]. Подобная ситуация сложилась и в Гомеле. Поскольку многие из прибывших не имели денег, нуждались в одежде и обуви, бюро Гомельского обкома КП(б)Б уже 24.06.1941 г. приняло решение о создании областной комиссии «по оказанию помощи и устройству эвакуированных из других областей» с предписанием «немедленно приступить к практической работе» [5, л. 36]. 27 июня прибывшим на автомашине в Гомель работникам Барановичского райкома партии П.М. Лабаторину, К.С. Прусу, Г.М. Гуревичу, З.И. Гуревичу, З.И. Шейн, С.В. Казаковой комиссия оказала единовременную помощь в размере 300 рублей (по 50 рублей на человека). В последующие дни денежная помощь была оказана первому секретарю Дятловского райкома КП(б)Б Х.М. Гершману, секретарям этого же райкома В.Т. Борисевичу и М.Н. Герасимову (по 100 рублей каждому), сотруднику Лидского райкома С.Г. Лыскову (100 рублей), инструктору Белостокского обкома А.А. Фальковичу (150 рублей), завотделом Кобринского райкома

А.А. Карташеву (50 рублей), заводделом Брестского райкома М.М. Фридману (50 рублей) и многим другим советским, партийным и хозяйственным работникам. Почти трафаретные формулировки заявлений об оказании помощи – «...в связи с эвакуацией остался без средств», «...эвакуируясь, не имел возможности получить зарплату», «...в связи с неожиданным выездом оказался совершенно без денег», «...с 22 июня 1941 г. нахожусь в дороге и остался без денег» и т. д. – отражают специфику эвакуации данной категории населения [6, л. 321–322, 325–328, 335–371].

После варварских бомбардировок Минска 24–26 июня 1941 г. начался массовый исход на восток жителей белорусской столицы. Большинство уходило пешком по шоссе и проселочным дорогам, часть населения воспользовалась попутками и крестьянскими телегами. И.Ф. Кудрявцев, в то время студент филфака БГУ (после войны – кандидат филологических наук, член Союза писателей БССР, литературный редактор многотомного издания «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі»), вспоминал: «Весть о начале войны услышал в читальном зале Ленинской библиотеки 22.06.41 г. в 12 часов дня. Готовился к экзамену по истории СССР, который должен был сдавать 23.06.41 г. На четвертый день войны с группой студентов и преподавателей университета покинул охваченный огнем Минск и пешком дошел до Могилева. Из Могилева в эшелоне с фабричным оборудованием добрался до Саранска...» [3, л. 2–3].

Накануне войны значительная часть минских детей находилась в пионерских лагерях, санаториях, дачах в окрестностях белорусской столицы. Их эвакуация требовала оперативного решения сложных организационных вопросов. Благополучная отправка детей в тыл стала возможной там, где персонал детских учреждений не стал дожидаться директив сверху, а начал действовать соответственно обстановке. Так, уже 22 июня, еще до получения официальной санкции на эвакуацию, заведующая находившимся на загородной даче минским детсадом № 58 Е.Е. Харевская распорядилась собрать детей в дорогу. При активном участии воспитательниц Б.А. Померанец, Я.И. Рымдейко, Н.П. Карачун, Э.И. Розиной более 100 малышей на двух автомашинах доставили в Минск, где их быстро посадили в отправлявшийся на восток поезд [1, с. 453]. Детский сад минского кожевенного завода «Большевик» война застала на пригородной даче в Красном Урочище. Как только начали бомбить Минск, дирекция и партийная организация предприятия приняли самые экстренные меры по эвакуации детсада. На седьмые сутки эшелон доставил детей на станцию Тапшаево Горьковской области [1, с. 453]. Своевременно была проведена эвакуация в Хвалынский Горьковской области детей с пригородных дач минских детсадов № 7, 15, 26, 38, 65, Ратомского, Дзержинского, Самохваловичского и минского № 1 детдомов. К слову, маленький Хвалынский, насчитывавший тогда 16 тысяч жителей, приютил в годы войны около 10 тысяч эвакуированных из разных регионов СССР детей [1, с. 453–454].

Работники детских яслей-изолятора № 43 г. Минска под руководством главврача П.В. Дыло, несмотря на бомбежки и массовые пожары, вывезли из города 60 больных малышей в возрасте от 1 до 4 лет. До Вязьмы их везли на грузовых автомобилях, а затем до Кургана – поездом [1, с. 454]. Эвакуация детей из охваченного огнем Минска – образец выполнения служебного и нравственного долга персоналом детских учреждений в экстремальных условиях войны.

Драматично, а порой трагично, осуществлялась эвакуация такой специфической категории населения, как заключенные. К началу войны в шести западных областях имелось 26 тюрем, в которых насчитывалось 19 836 заключенных. Кроме того, в 10 исправительно-трудовых колониях (ИТК) отбывало наказание около 4 тысяч человек [20, с. 5, 13].

В первый день войны всем начальникам тюрем Беларуси тюремное управление НКВД БССР дало распоряжение об усилении охраны тюрем и переводе надзорсостава на казарменное положение. Указаний об эвакуации заключенных управление, «не зная маневренности немецкой армии и не предполагая о быстром продвижении ее и захвате городов западных областей БССР», днем 22 июня не дало. Данные указания поступили по телефону лишь в ночь на 23 июня в тюрьмы Вилейской, Пинской и части Барановичской областей. С остальными тюрьмами западной части республики связаться уже не удалось [20, с. 49]. Полученный поздним вечером 23 июня приказ из Москвы об эвакуации тюрем западных областей БССР был явно запоздавшим. Администрации только 8 тюрем западной и центральной части республики – из Молодечно, Вилейки, Пинска, Столина, Дрогичина, Столбцов, Глубокого, Червеня – удалось эвакуировать свой контингент (около 3 тысяч заключенных) на восток. Остальные 18 тюрем не были эвакуированы. Заключенные либо были оставлены в тюрьмах при занятии городов немецкими войсками, либо разбежались в пути во время налетов авиации противника. Например, 120 заключенных Несвижской тюрьмы были направлены пешим строем на железнодорожную станцию Городея для посадки в вагоны. По дороге налетели немецкие самолеты, начали бомбить и обстреливать колонну. В результате заключенные разбежались, собрать их не удалось [20, с. 51].

Трагично сложилась судьба заключенных Минской тюрьмы и вывезенных 23 июня 1941 г. в Минск заключенных тюрьмы г. Каунаса. Они были направлены пешим порядком в Могилев в ночь на 25 июня. Часть арестантов погибла в результате налетов вражеской авиации, часть была направлена в Красную Армию (в штрафные батальоны), значительное количество расстреляно в лесу конвоем недалеко от Червеня 26–27 июня [20, с. 7]. Не менее трагична судьба заключенных Глубокской тюрьмы. Во время пешего перехода в Витебск, по словам начальника тюрьмы М.Н. Приемышева, часть арестантов стала выкрикивать: «Да здравствует Гитлер!». В итоге группа заключенных была расстреляна. За незаконные действия военная прокуратура Западного фронта арестовала Приемышева. По делу проводилось расследование, материалы которого были переданы П.К. Пономаренко. Действия Приемышева были признаны правильными, он был освобожден из-под стражи [20, с. 7].

Что же касается исправительно-трудовых колоний, то их эвакуация, согласно приказу № 001669 НКВД СССР от 07.12.1941 г., «проведена была крайне неорганизованно». Администрация ИТК растеряла при эвакуации «большую часть личного состава и заключенных, не вывезла и не уничтожила личные дела заключенных, документы, имущество и ценности». Начальник управления ИТК НКВД БССР старший лейтенант госбезопасности М.З. Раппе «за проявленную панику при эвакуации и безобразно халатное отношение к работе» был арестован на 20 суток и уволен из органов НКВД [20, с. 54–56].

Таким образом, в начале войны эвакуации лишь некоторых групп населения, да и то в отдельных случаях, удалось придать организованный характер. Учитывая стихийность процесса эвакуации, проблематично установить точно общую численность эвакуировавшихся из западных и центральных регионов республики. Только учтенное их количество, по данным Г.И. Олехнович, составляет 102 тыс. человек [15, с. 25]. Наплыв населения с запада обусловил создание в восточных областях БССР 17 эвакуационных пунктов, в задачи которых входило предоставление беженцам медпомощи, организация их питания и отправка в тыловые районы СССР [21, с. 13] (таблица составлена автором на основании данных [21, с.14]).

Таблица 5 – Количество и дислокация эвакуационных пунктов в восточных областях БССР в начале Великой Отечественной войны

Области	Количество эвакуационных пунктов	Дислокация эвакуационных пунктов
Витебская	4	Витебск, Орша, Полоцк, Лепель
Гомельская	5	Добруш, Новобелица, Лоев, Гомель, Светиловичи
Могилевская	5	Осиповичи, Могилев, Кричев, Климовичи, Костюковичи
Полесская	3	Брагин, Калинковичи, Наровля

С захватом германскими войсками западных и центральных областей Беларуси завершился первый этап эвакуации в республике. Анализ его особенностей позволяет сформулировать следующие выводы:

1. К разработке эвакуационной программы в республике приступили в условиях начавшихся военных действий, так как в предвоенный период соответствующие мероприятия, по всей видимости, не планировались.

2. Несмотря на вышеприведенное обстоятельство, объясняющее неподготовленность и общую стихийность эвакуации, некоторые мероприятия на западе республики носили вполне планомерный и организованный характер. Это касается эвакуации определенных категорий населения, денежных средств и ценностей отделений Госбанка, документации партийных организаций, подвижного состава Брест-Литовской железной дороги. Таким образом, можно говорить о срыве массовой планомерной эвакуации из западных областей БССР, но не о срыве эвакуации вообще.

3. Следует указать на особенности эвакуационного процесса в различных регионах западной части республики. Лучше всего эвакуация прошла в Полесье, чему способствовали некоторый запас времени, обусловленный спецификой развития здесь военной обстановки, а также наличие удобной водной коммуникации, дополнявшей сухопутные пути сообщения.

В начале июля 1941 г. эвакуационный процесс в БССР вышел на качественно новый этап – началось масштабное и планомерное перебазирование в глубокий тыл страны людских и материальных ресурсов восточных областей Беларуси. Всего, по официальным данным, за июль – август 1941 г. в тыловые регионы СССР было эвакуировано свыше 1,5 млн. человек, оборудование 124 крупных предприятий и 14 промышленных артелей, 36 МТС с полным оснащением (около 5 тыс. тракторов, более 600 комбайнов, молотилок, станков и другой техники), около 700 тыс. голов скота, 93,6 тыс. т. зерна, свыше 1 тыс. т. цветных металлов и т. д. [2, с. 646–647]. Вывезенные из республики население, промышленные предприятия и материальные ресурсы были спасены от угрозы уничтожения, эксплуатации и разграбления гитлеровскими захватчиками и сыграли достойную роль в укреплении военно-экономического потенциала советского тыла – важного фактора Победы в Великой Отечественной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, А. Г. Эвакуация дзяцей і дзіцячых устаноў у савецкі тыл / А. Г. Андреева // Народная адукацыя і педагогічная навука ў Беларусі (1917–1945). – Мінск, 1993.
2. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945: Энцыклапедыя. – Мінск, 1990.

3. Беларуский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Фонды. – Инв. № 8558.
4. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. – Т. 1. – Минск, 1983.
5. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1174. – Оп. 1. – Д. 38.
6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Фонд 144. – Оп. 1а. – Д. 153.
7. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Фонд 6115. – Оп. 1. – Д. 139.
8. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Фонд 6115. – Оп. 1. – Д. 166.
9. Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 6.
10. Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 6.
11. Костеров А. П. Проведение эвакуационных мероприятий на Могилевщине летом 1941 г. / А. П. Костеров // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. – Ч. 2. – Магілёў, 2003.
12. Купрэва, А. Пакінуты народ. / А. Купрэва // Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 2.
13. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 33а. – Д. 6.
14. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 33а. – Д. 302.
15. Олехнович, Г. И. Трудящиеся Белоруссии – фронту / Г. И. Олехнович. – Минск, 1972.
16. Павлов, В. П. Как спасали миллионы / В. П. Павлов // Человек и экономика. – 1991 – № 5.
17. Павлович, Р. К. Речные флотилии в Беларуси (1940–1951 гг.) / Р. К. Павлович. – Минск, 2001.
18. Памяць. Беларусь. Рэспубліканская кніга. – Мінск, 1995.
19. Пономаренко, П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 / П. К. Пономаренко. – М., 1986.
20. Приказано приступить. Эвакуация заключенных из Беларуси в 1941 г. : сб. документов. – Минск, 2005.
21. Советский тыл в Великой Отечественной войне. – М., 1974.
22. Солдатами были все. – Минск. 1972.

Sugako L.A. About Particular Qualities of Evacuation in Western and Central Regions of BSSR at the Beginning of the Great Patriotic War

Special details of evacuation activities in the western and central parts of Belarusian Soviet Socialist Republic at the beginning of the Great Patriotic War are being discussed in the article. A conclusion can be drawn that there was no predetermined plan of evacuation in the USSR, in the result of which the process of evacuation in the early days of the war was mainly spontaneous and disorganized. Nevertheless in an extremely unfavorable situation part of population was evacuated into the Soviet home front, some material and cultural values were saved. On the basis of archival sources new figures and facts characterizing the evacuation process have been put into scientific circulation.

УДК 930

А.П. Косов

ЕВРОПА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США: РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Американо-европейские отношения являются актуальной проблемой международных отношений после окончания «холодной войны». Российские исследователи уделяют пристальное внимание этой проблеме. В литературе освещаются различные стороны американо-европейских отношений. Данная статья посвящена изучению некоторых моментов европейской политики США в российской историографии. Автор попытался показать различные взгляды российских историков и политологов на проблемы американской политики после распада биполярности. Анализ российских работ показывает, что, несмотря на разные точки зрения по многим вопросам, большинство исследователей считает атлантическое направление одним из важнейших во внешней политике США. Кроме того, многие отмечают общность интересов Америки и Европы, что перевешивает все разногласия. Однако при этом целый ряд авторов подчеркивает в американо-европейских отношениях наблюдающуюся тенденцию к освобождению Европы от американской зависимости.

Введение

Современная европейская стратегия США представляет огромный интерес для исследователей всего мира. Большое внимание этой проблематике уделяют и российские специалисты. За последние пятнадцать лет российская историография пополнилась немалым количеством научных статей и монографий, подготовленных на высоком научном уровне. Историки и политологи стараются осветить все наиболее значимые вопросы и проблемы американо-европейских взаимоотношений. Известно, что окончание «холодной войны» коренным образом трансформировало отношения США и Европы, так как исчезла их концептообразующая основа – совместная борьба против коммунизма и Советского Союза. Сегодняшняя Россия пытается наладить партнерские отношения со странами Запада, а для этого чрезвычайно важно быть в курсе происходящих процессов в западном мире. Поэтому исследования российских специалистов-международников являются очень актуальными для выработки правильного внешнеполитического курса страны. Однако на сегодняшний день в историографии пока еще нет обобщающих работ, анализирующих российскую литературу по американо-европейским отношениям.

Целью данной статьи является анализ российской историографии европейской политики США на основе рассмотрения взглядов представителей российских политико-академических кругов по данной проблематике. В связи с невозможностью в рамках одного небольшого исследования осветить весь огромный спектр взглядов российских политико-академических кругов, представленный в многочисленных работах по американо-европейским отношениям, остановимся лишь на наиболее, с нашей точки зрения, заметных и значительных.

Основная часть

В российской литературе европейской политике США и американо-европейским взаимоотношениям после окончания «холодной войны» уделяется очень большое внимание. По мнению многих российских специалистов, Европа является регионом первостепенной важности для Соединенных Штатов. В своих исследованиях они исходят из

Научный руководитель – В.С. Кошелёв, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Белорусского государственного университета

того, что в политических кругах по обе стороны океана достаточно сильными остаются позиции приверженцев атлантизма, считающих, что только союз с Европой позволит США сохранить свои мировые позиции. Так, Ю.П. Давыдов из Института США и Канады в марте 2000 г. в журнале «США – Канада: экономика, политика, культура» в статье «Расширение зоны ответственности атлантического мира» отмечал, что, несмотря на окончание «холодной войны», Европа остается опорой (геополитическим плацдармом) американской международной деятельности. В том же журнале осенью 1999 г. о важности европейского континента для США писал и директор Центра международных исследований А.И. Уткин, указывая на то, что во второй половине 1990-х гг. в Вашингтоне победила точка зрения, согласно которой наличие контрольных рычагов в Европе – необходимая предпосылка создания монополярного мира.

Вообще следует отметить, что в российской историографии исследованию концепций атлантизма, его сущности, теоретическим и практическим аспектам придается большое значение. Во многих работах авторы пытаются показать целостную картину трансатлантических отношений и проследить эволюцию европейской политики США после окончания «холодной войны». Например, М.А. Троицкий выделяет американскую стратегию «программирующего лидерства». Согласно эксперту, стратегия «программирующего лидерства», сформировавшаяся в первый срок президентства Клинтона (1993–1996) и опробованная в ходе второго срока (1997–2000), состояла в действиях, направленных на выдвижение повестки дня, т. е. круга проблем, определяющих спектр и направленность совместных действий США с государствами – объектами данной стратегии, а затем в реализации заложенного в этой повестке потенциала в интересах Соединенных Штатов [1, с. 87]. Автор пишет, что для реализации этой стратегии нужно, чтобы внешнеполитические цели США преобладали над целями союзников, а в идеале были тождественны. По его мнению, такая конвергенция целей возможна благодаря сохранению в постбиполярную эпоху объективного совпадения в ряде областей интересов США и Западной Европы. Вместе с тем, согласно М.А. Троицкому, такая стратегия не предполагает безоговорочного подчинения западноевропейских держав интересам США. В условиях, когда ее концентрированные, быстро мобилизуемые в случае необходимости экономические возможности явно доминируют, становятся допустимыми торговые и валютно-финансовые разногласия, даже конкуренция между странами или компаниями США и ЕС на мировых рынках [1, с. 88].

Как подтверждают многочисленные исследования, по обе стороны океана в большом количестве имеются как сторонники атлантизма, так и противники. Ни для кого не секрет, что между Соединенными Штатами и Европой имеются серьезные противоречия. Проблемы и противоречия между ними, имеющая место неопределенность в двусторонних отношениях зачастую констатируются уже в самих названиях работ. Например, «Кризис атлантизма или смена традиционной модели?», «США – Западная Европа: трудное партнерство», «США и Европа в меняющемся мире: конфликт или взаимодополняемость стратегических культур?» и т. д. [2; 3, с. 39–52].

В последнее время российские ученые вслед за своими западными коллегами все чаще задаются вопросом о действенности атлантизма. Абсолютно справедливо считается, что от этого во многом зависят перспективы внешней политики США в Европе и в мире. Ведь, как отмечают исследователи, несмотря на социально-культурную близость Северной Америки и Европы, существуют многие факторы и различия, препятствующие развитию атлантизма. Еще в 1993 г. В.С. Михеев верно предположил развитие ситуации, указав на возможное ослабление роли США в европейских делах и, соответственно, значительное расширение самостоятельности Западной Европы [4, с. 27].

А.И. Уткин в статье «Два берега Атлантики» назвал три глубинные тенденции в отношениях союзников. Это различия в темпах экономического развития, хотя в наше

время этот дисбаланс несколько выровнялся. Затем различие в направленности интеграционных устремлений. И, наконец, разную геополитическую ориентированность. В итоге автор констатировал, что Соединенные Штаты и Европейский Союз по-разному воспринимают многие мировые процессы, неодинаково формулируют свои интересы [5, с. 3–5]. В связи с этим ученый отметил некоторую неопределенность американской политики в Европе [5, с. 12]. При этом, на его взгляд, США не хотят утратить свое влияние в Европе и стремятся реорганизовать систему атлантизма таким образом, чтобы в современных условиях обеспечить прочные широкие связи с Западной Европой, перестроить НАТО и создать адекватные механизмы взаимодействия. По словам А.И. Уткина, «в США надеются на то, что Америка призвана в Европу навсегда благодаря страхам европейцев...» [5, с. 17]. Эту мысль автор развивает и в последующих работах. Анализируя атлантическую стратегию США в коллективной работе «США и Европа. Перспективы взаимоотношений на рубеже веков», А.И. Уткин отмечал три основания, на которых она базируется. Во-первых, посредством НАТО, совместной стратегии и военного присутствия в Европе США осуществляют стратегический контроль над европейским пространством, откуда американское руководство уходить не намерено. Во-вторых, посредством мобилизации факторов экономической взаимозависимости Америка должна владеть контролем над экономическим развитием западноевропейского региона. В-третьих, США руководствуются старинным правилом «разделяй и властвуй». В Вашингтоне надеются, что благодаря европейским страхам: Франция будет бояться германского преобладания; Германия – восстановления сил России; Британия – консолидации континента без ее участия; ЕС – нестабильности на Балканах; ЦВЕ – быть «раздавленной» между Германией и Россией, Америка навсегда будет оставаться в Европе [6, с. 17–18].

Однако на этом пути существует множество преград. Как пишут многие авторы, отсутствие общей военной опасности, что консолидировала стороны в годы «холодной войны», экономические и интеграционные трудности, сложности, связанные с обеспечением контроля над западноевропейским развитием и т. д., свидетельствуют о дальнейшем отходе Америки и Европы друг от друга, что в перспективе может привести к появлению самостоятельного европейского полюса силы независимого от США. Как считает О.В. Приходько, объективные различия в положении США и Европы, разное восприятие современных международных реалий и дисбаланс их возможностей создают основу для существования интересов, которые могут расходиться и даже привести к прямому столкновению [2, с. 3]. Разделяя некоторые положения, высказанные А.И. Уткиным, он придерживается противоположной точки зрения, нежели А.И. Уткин [6, с. 5], по поводу трансатлантических отношений. На взгляд О.В. Приходько, геостратегическое значение Европы снижается и она уже не занимает, как раньше, приоритетного места в американской внешней политике. Таким образом, исследователь приписывает парадигме атлантизма кризисное состояние [2, с. 9].

Понять суть противоречий между США и объединяющейся Европой попытался научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества В.Л. Иноземцев. На его взгляд, ряд противоречий обусловлен характером исторического развития и культурными особенностями Старого и Нового Света [7, с. 3]. С другой стороны, ученый отмечает противоречия, обусловленные особенностями экономического развития США и ЕС. Он говорит об экономических вызовах лидерству США. Согласно исследователю, перспектива утраты Соединенными Штатами мирового лидерства в экономике в первой четверти XXI в. вполне реальна [7, с. 6]. По его мнению, нарастание экономических и социальных различий способно послужить основой для возникновения серьезной американско-европейской напряженности уже в ближайшем будущем [7, с. 18]. Ведь даже «события 11 сентября 2001 года послужили не столько сплочению

коалиции демократических стран, сколько выявлению противоречий между ее участниками» [7, с. 67]. Таким образом, В.Л. Иноземцев считает, что в лице ЕС США получили гораздо более опасного соперника, чем были для них прежде СССР или Япония [7, с. 11]. Тем не менее, исследователь оговаривается, что, несмотря на это и на всю глубину американско-европейских противоречий, их не следует рассматривать как источник потенциального раскола западного мира [7, с. 73].

Действительно, интеграционные процессы в Европе оказали непосредственное влияние на развитие американско-западноевропейских отношений. Известно, что главное направление политической интеграции в Западной Европе – это консолидация вокруг ядра Париж – Бонн. Как подчеркивают специалисты, в последнее время усиление позиций этих держав в мире и их самостоятельная внешняя политика, порой противоречащая интересам Вашингтона, вызывает явное неудовольствие американских правящих кругов. Поэтому если раньше некоторые исследователи отмечали, что «у американской верхушки нет причин для серьезного недовольства западноевропейскими союзниками» [3, с. 41], то сегодня многие говорят об обратном. Так, с точки зрения сотрудника Института США и Канады РАН О.В. Приходько, именно в американско-французских взаимоотношениях наиболее резко проступает мировоззренческий конфликт, очень наглядно подтвержденный иракской войной. Исследователь напоминает, что США и Франция придерживаются конкурирующих представлений о «Паксе Атлантика»: американский подход отводит Соединенным Штатам роль «благонамеренного гегемона», тогда как представления Франции о миропорядке основываются на необходимости многополярности. О.В. Приходько отмечает, что, по мнению Франции, трансатлантические отношения не являются основой мирового порядка. Тем не менее, США и Франция не отказываются от сотрудничества там, где оно взаимовыгодно [2, с. 10–11].

С тем, что иракская война спровоцировала самый серьезный кризис в истории трансатлантических отношений, согласен и С.А. Михайлов. Тем не менее, по его мнению, несмотря на некоторые резкие заявления, США и Европа по-прежнему связаны общностью обоюдных интересов, которая намного перевешивает мотивы возникших разногласий [8, с. 37].

В целом же большинство российских экспертов разделяет точку зрения профессора Ю.П. Давыдова о том, что Западная Европа остается главным и надежным партнером США на континенте, несмотря на многочисленные проблемы и разногласия в условиях глобальной конкуренции [3, с. 52].

Сегодня неотъемлемой частью Большой Европы стали и европейские государства бывшего социалистического блока. Как известно, в современной политологии понятие Центральная и Восточная Европа объединяет страны бывшей соцсистемы: собственно центральноевропейские – Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию; страны Юго-Восточной Европы – Болгарию, Румынию и три страны Балтии.

Как указывал В.С. Михеев, в начале 1990-х гг. главная цель США по отношению к восточноевропейским государствам заключалась в оказании помощи в создании и укреплении в этих государствах демократической системы правления, в содействии успешным преобразованиям в экономике, в стабилизации политической и экономической ситуации [4, с. 28]. В свою очередь, сотрудница Института США и Канады И.Я. Кобринская подчеркивала основную тенденцию политики США в отношении ЦВЕ в 1990-х гг., которая заключалась в «новой трансатлантической сделке», т. е. усиление роли Европы в американско-европейском балансе [9, с. 56]. При этом она обращала внимание на то, что регион ЦВЕ не относится к ключевым приоритетам американской внешней политики. В то же время он играет немаловажную роль в отношениях США с Россией, а в последнее время все больше в отношениях с Западной Европой. По мнению эксперта, в 1990-х гг. опасения ухудшить отношения с Россией до определенного

момента сдерживали Соединенные Штаты в отношениях с Центральной и Восточной Европой [3, с. 102]. Далее, согласно исследователю, в 1998–1999 гг. в политике США в ЦВЕ произошли изменения, вызванные рядом как международных, так и внутривосточных факторов и событий [9, с. 55]. Главными международными событиями, повлиявшими прямо и опосредованно на перемену в политике США, явились: принятие в НАТО Польши, Венгрии и Чехии; принятие новой стратегической доктрины НАТО; конфликт в Косово с последовавшей миротворческой операцией; подписание Пакта стабильности в Юго-Восточной Европе [9, с. 56]. Проанализировав политику США в ЦВЕ, И.Я. Кобринская сделала вывод, что принципы американской политики в отношении ЦВЕ не изменятся. По мнению ученого, в ее основе будут лежать: дальнейшее расширение границ региона как институциональным (с помощью расширения НАТО и ЕС), так и «цивилизационным» путем; дифференцированный подход к самим странам; дозированная «европеизация» процесса интеграции стран ЦВЕ в западные структуры [9, с. 55; 3, с. 112].

Довольно большой интерес представляет статья Ю.П. Давыдова о различных подходах по отношению к американской политике со стороны стран Западной Европы и стран Центральной и Восточной Европы [10]. Автор задается справедливым вопросом: почему страны ЦВЕ оказались более ориентированными на США и предстали более правоверными атлантистами, нежели большинство старых членов НАТО? И дает, на наш взгляд, довольно обстоятельный ответ. Во-первых, Соединенные Штаты, взвалившие на свои плечи бремя обеспечения международной безопасности, представляются для стран региона ЦВЕ более надежным гарантом, чем западноевропейские державы. Во-вторых, многие в этих странах настороженно относятся к России, поэтому немало руководителей стран ЦВЕ выступает за американское присутствие в Европе, включая военное, в качестве противовеса нестабильности постсоветского пространства. В-третьих, у них сильны настроения насчет того, что если им и суждено вновь отдаться под покровительство сильного государства, то чем дальше этот покровитель будет от них, тем лучше, тем спокойнее они будут себя чувствовать. В-четвертых, строительство единой Европы идет по схемам, разрабатываемым ее ведущими государствами, и отражает, прежде всего, их интересы, поэтому США видятся государствам ЦВЕ своеобразным противовесом влиянию крупных европейских государств в ЕС и НАТО. А в-пятых, все это не означает, что страны ЦВЕ полностью против старых членов ЕС, просто они этим шагом поддержки Вашингтона постарались укрепить свои позиции и заставить крупные европейские державы с собой считаться [10, с. 16–17].

Заключение

Проанализировав различные точки зрения российских исследователей, можно сделать вывод о том, что, по мнению большинства авторов, несмотря на имеющиеся расхождения по ряду частных вопросов, у западной цивилизации достаточно сильны общностные тенденции, направленные на удержание политического лидерства в мире в XXI в. С точки зрения целого ряда специалистов, несмотря на некоторые противоречия между США и Европой, их экономическое и геополитическое соперничество, они останутся самыми ближайшими союзниками, а роль лидера Запада и дальше будет принадлежать США. Исследователи склоняются к мнению, что Вашингтон не желает терять свои позиции в Европе, а поэтому всеми способами пытается удержать свою доминирующую роль во взаимоотношениях с ЕС и не допустить создания в лице последнего полноценного альтернативного центра силы в мире. Поэтому атлантическое направление внешней политики США является приоритетным и по многочисленным прогнозам обещает оставаться таким и в ближайшее будущее.

В целом, российская историография американской внешней политики в Европе после распада биполярности заслуживает большого внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Троицкий, М. А. Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США / М. А. Троицкий // Pro et Contra. – Т. 7. – 2002. – № 4. – С. 86–103.
2. Приходько, О. В. Кризис атлантизма или смена традиционной модели? / О. В. Приходько // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – № 8. – С. 3–24.
3. США на рубеже веков / отв. ред. С. М. Рогов. – М. : Наука, 2001. – 496 с.
4. Михеев, В. С. Новые подходы в европейской политике Вашингтона / В. С. Михеев // США – экономика, политика, идеология. – 1993. – № 2. – С. 23–31.
5. Уткин, А. И. Два берега Атлантики / А. И. Уткин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 2. – С. 3–18.
6. США и Европа. Перспективы взаимоотношений на рубеже веков / отв. ред. А. И. Уткин. – М. : Наука, 2000. – 191 с.
7. Иноземцев, В. Л. США и ЕС в новом столетии: союзники или соперники? / В. Л. Иноземцев // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 9. – С. 3–18. – № 10. – С. 59–73.
8. Михайлов, С. А. Иракский фактор в трансатлантических отношениях / С. А. Михайлов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – № 10. – С. 37–54.
9. Кобринская, И. Я. Политика США в Центральной и Восточной Европе / И. Я. Кобринская // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 2. – С. 55–71.
10. Давыдов, Ю. П. «Старый» европеизм против «нового» атлантизма? / Ю. П. Давыдов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 9. – С. 3–20.

Kosov A.P. Europe in the foreign policy strategy of USA: Russian historiography of the problem

U.S.-European Relations is the urgent problem of International Relations after the end of Cold War. Russian researchers give fixed attention to this problem. In literature lights different aspects U.S.-European Relations. This article has devoted to study some aspects of U.S. European policy in Russian historiography. The author tries to show the different views of the Russian historians and political scientists on the problems of U.S. policy in the Post-Bipolar World. The analysis of Russian works show that most of researchers consider Atlantic direction is one of more important in U.S. foreign policy in spite of different points of view on many questions. Besides, many of the researchers mark community of interests U.S. and Europe that have overbalance all discrepancy. However, at that a whole range of authors underlines in U.S.-European Relations the observed tendency for deliverance of Europe from American dependence.

УДК 94(476)

Н.М. Аляксейчыкава**МАТРЫМАНІЯЛЬНАСЦЬ БЕЛАРУСКІХ ГАРАДЖАН
У XVI–XVIII СТАГОДДЗЯХ (ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АСПЕКТ)**

Дадзены артыкул прысвечаны гістарыяграфіі матрыманіяльных паводзін гараджан у XVI–XVIII стагоддзях. Гісторыя сям’і беларусаў з’яўляецца малавывучанай тэмай у айчынай гістарыяграфіі. Упершыню дадзеная тэма зацікавіла навукоўцаў-этнографіаў. Менавіта яны зрабілі першы крок у вывучэнні матрыманіяльных паводзін нашых продкаў. Ім належыць шэраг прац, прысвечаных гісторыі сялянскай сям’і. Некаторыя звесткі па дадзенай праблематыцы можна знайсці ў даследаваннях педагогаў і прававедаў. У сваіх працах яны ўздымаюць асобныя пытанні, якія датычацца матрыманіяльнасці насельніцтва беларускіх зямель: выхаванне дзяцей, прававы статус членаў сям’і і г.д. У апошнія гады дадзеная праблематыка зацікавіла і айчынных гісторыкаў. На сённяшні дзень маюцца працы, прысвечаныя сямейнаму жыццю сялянства і шляхты. Сямейнае ж жыццё гараджан доўгі час заставалася па-за ўвагай айчынных даследчыкаў. Сёння беларускія гісторыкі робяць першыя, але вельмі важныя крокі ў напрамку вывучэння гісторыі сям’і беларускага мяшчанства.

Уступ

На сённяшні дзень айчыннымі даследчыкамі разгледжана разнастайнае кола праблем па гісторыі нашай Радзімы. Аднак па-ранейшаму існуюць тэмы, якія па радзе прычын не трапілі ў поле зроку беларускіх гісторыкаў. Да ліку такіх праблем можна аднесці і матрыманіяльныя паводзіны жыхароў Беларусі, і гараджан у тым ліку. Сёння маюцца працы, прысвечаныя сямейнаму жыццю сялянства і шляхты. Сямейнае жыццё гараджан доўгі час заставалася па-за ўвагай айчынных даследчыкаў, і толькі у апошнія гады матрыманіяльныя паводзіны гараджан у эпоху сярэднявечча зацікавілі беларускіх гісторыкаў. У айчынай гістарычнай навуцы з’явіліся працы, у якіх разглядаюцца тыя ці іншыя пытанні па дадзенай праблематыцы, але, на жаль, па-ранейшаму няма ніводнага комплекснага даследавання, якое б усебакова адлюстроўвала сямейнае жыццё гараджан у XVI–XVIII стст. У сувязі з гэтым гістарыяграфія матрыманіяльных паводзін жыхароў Беларусі таксама фактычна адсутнічае ў айчынай гістарычнай навуцы. Дадзены артыкул з’яўляецца першай спробай гістарыяграфічнага даследавання сямейнага жыцця нашых продкаў у XVI–XVIII стст. У ім разглядаюцца працы дарэвалюцыйных, савецкіх і сучасных гісторыкаў.

Дарэвалюцыйная гістарыяграфія

У гістарыяграфіі матрыманіяльных паводзін беларускіх гараджан XVI–XVIII стст. можна вылучыць некалькі этапаў:

- 1) дарэвалюцыйны (XIX – пачатак XX ст.);
- 2) савецкі (XX ст.), уключае як даследаванні айчынных, так і замежных гісторыкаў;
- 3) сучасны (90-я гады XX ст. – XXI ст.).

Першыя крокі па вывучэнню матрыманіяльных паводзін жыхароў Беларусі ў XVI–XVIII стст. былі зроблены ў XIX ст. Працы гэтага перыяду не ставілі сваёй мэтай вывучэнне дадзенай праблематыкі. Даследчыкі, якія займаліся вывучэннем права Вялікага княства Літоўскага, спыняюцца на юрыдычных аспектах сямейнага жыцця нашых продкаў [2, с. 199; 16].

Навуковы кіраўнік – І.А. Марзалюк, доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гісторыі Беларусі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова

Вялікі ўклад у распрацоўку дадзенага праблемнага поля ўнеслі вучоныя-этнографы XIX – пачатку XX ст. Для даследаванняў сярэдзіны XIX стагоддзя характэрна перш за ўсё цікавасць да звычайў і традыцый, звязаных з рознымі бакамі жыцця сям’і. Сярод даследчыкаў гэтага часу магчыма назваць імёны Я.Ф. Карскага (“Белорусы”), А. Кіркора (“Следы язычества в празднествах, обрядах и песнях”), П. Шпілеўскага (“Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках”). У апошнія дзесяцігоддзі XIX – пачатку XX стст. з’яўляюцца капітальныя працы, прысвечаныя вывучэнню быту беларускага народа. Тут перш за ўсё трэба нагадаць работы такіх вучоных-этнографў, як М.В. Доўнар-Запольскі (“Очерки семейного обычного права крестьян Минской губернии”), Е.Р. Раманаў (“Белорусский сборник”), П.В. Шэйн (“Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края”), М. Косіч (“Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и нравы”), Н.Я. Нікіфароўскі (“Очерки простонародного житья-бытия крестьян в Витебской Белоруссии”), А.Я. Багдановіч (“Пережитки древнего мирозерцания у белорусов”) [4; 5]. Асаблівую ўвагу трэба звярнуць на працу М.М. Нікольскага “Происхождение и история белорусской свадебной обрядности”, якая прысвечана шлюбнай абраднасці беларускіх сялян. Аўтар, разглядаючы шлюбную абраднасць XIX–XX стст., спыняецца і на традыцыях, якія бяруць свой пачатак у XIV–XVI стст. [22, с. 52–53].

У пачатку XX стагоддзя дадзеная праблематыка трапляе ў поле зроку гісторыкаў. З’яўляюцца і першыя працы, якія закранаюць некаторыя пытанні, звязаныя з сямейным жыццём. У рабоце А. Грушэўскага “Пинское Полесье XIV–XVI стст. Исторические очерки” разглядаюцца маёмасныя ўзаемаадносіны паміж родзічамі, якія былі характэрны для шляхецкіх сем’яў. Акрамя гэтага, дадзеная праца мае вялікую цікавасць яшчэ і таму, што ў яе дадатку змешчаны дакументы, якія адносяцца да разглядаемага часу і прысвечаны ўзаемаадносінам у дзвюх шляхецкіх сем’ях – Грыцка Іванавіча Грынчыновіча і Сямёна Іванавіча Дамановіча-Дзікавіцкага [9, с. 72–123, Дадатак с. 70–72, 120–121, 138–143].

У айчыннай гістарыяграфіі маецца шэраг работ, у якіх асвятляюцца розныя аспекты сямейнага жыцця насельніцтва Беларусі. Напрыклад, артыкул А. Ефіменкі “Литовско-русские данники и их дани” прысвечаны падаткам падатнага саслоўя беларуска-літоўскіх земляў, “даннікаў”. Сярод пералічаных падаткаў аўтар прыводзіць і такія, якія маюць непасрэднае дачыненне да матрыманіяльных паводзін жыхароў беларуска-літоўскіх земляў (“удоўя” і “дзявочая куніца” – падаткі, якія плацілі жанчыны, калі збіраліся замуж; “развод” – “плата замковому уряду за развод”; “пачараўшчызна” – падатак, які плацілі ў тым выпадку, калі сям’я стваралася без вячанна ў царкве, “на веру” [11, с. 118]. Дадзеныя па абкладанні падаткамі жыхароў беларуска-літоўскіх земляў дазваляюць больш поўна ўявіць некаторыя асаблівасці матрыманіяльных паводзін продкаў беларусаў у XVI стагоддзі.

Такім чынам, дадзены этап характарызуецца адсутнасцю прац, непасрэдна прысвечаных даследаванням гісторыі сям’і і сямейных узаемаадносін у эпоху Сярэднявечча і ранняга Новага часу. Найбольшую ўвагу выклікала гісторыя сялянскай сям’і. Матрыманіяльныя ж паводзіны шляхецкай сям’і і сем’яў гараджан вывучаліся фрагментарна.

Гістарыяграфія савецкага часу

Даследаванні савецкага часу, як і ў папярэдні перыяд, не былі непасрэдна накіраваны на вывучэнне матрыманіяльных паводзін жыхароў Беларусі, у тым ліку і гараджан. Перш за ўсё гісторыкаў гэтага перыяду цікавілі пытанні эканамічнага і прававога стану сям’і. Першы крок у напрамку вывучэння старажытнага беларуска-літоўскага права быў зроблены А. Таўталес у рабоце “Права сямейнае паводле літоўскіх статутаў (нарыс да гісторыі старажытнага беларуска-літоўскага грамадзянскага права)”.

У даследаванні прасочана эвалюцыя сямейнага заканадаўства на працягу XVI стагоддзя, што дасягаецца пры дапамозе параўнальнага аналізу тэкстаў Статутаў 1529, 1566 і 1588 гадоў. У рабоце разглядаюцца маёмасныя правы і абавязкі членаў сям’і і іх бліжэйшых родзічаў, закрануты пытанні, звязаныя з заключэннем і скасаваннем шлюбу, нададзена ўвага і праблема апякунства [29]. У гэтым жа напрамку праводзіў свае даследаванні І.А. Юхо. У яго працы “Правовое положение населения Белоруссии в XVI в.” аналізуецца звычайнае і пісьмовае права беларускіх земляў часоў феадалізму. Аўтар разглядае этапы заключэння шлюбнага саюзу, умовы заключэння і скасавання шлюбу [32].

Неабходна прыгадаць і кнігу З.Ю. Капыскага “Экономическое развитие городов Беларуси в XVI–XVII вв.”. У сваёй працы З.Ю. Капыскі разгледзеў і пытанні, звязаныя з сацыяльным статусам членаў сям’і [16, с. 52]. Некаторыя звесткі па гісторыі сялянскай сям’і знаходзім у рабоце П.Г. Казлоўскага “Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII–XVIII вв.” (1969 г.), а таксама ў калектыўнай працы аўтараў “Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья” (1987 г.), у якой разглядаецца структура, колькасны склад сям’і, даецца яе тыпалогія [4, с. 15, 19, 41; 15, с. 34].

Значны ўклад у вывучэнне асобных бакоў сямейнага жыцця ўнеслі педагогі і прававеды. Прававеды – А.Г. Харчаў, М.Г. Юркевіч і З.А. Янкова – стварылі першыя спецыяльныя даследаванні, якія характарызуюць сямейнае права XIV–XX ст. [29, с. 13]. Пытанні выхавання дзяцей разглядаюцца ў кнізе “Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г.”. Яна прысвечана праблеме адукацыі, ў той жа час аўтары спыняюцца на спосабах выхавання ў цэлым [1].

Шлюбным звычаям і традыцыям прысвечана работа калектыву беларускіх этнографіў “Вяселле: Абрад”. У ёй аўтары не толькі спыняюцца на эвалюцыі шлюбных звычаяў і традыцый, якія былі распаўсюджаны на беларускіх землях, але і прыводзяць апісанні тых звычаяў, якія былі характэрны для папярэдняга часу. Напрыклад, у кнізе змешчана апісанне Янам Ласіцкім шлюбных звычаяў, якія існавалі на Беларусі ў XVI стагоддзі [7, с. 37–38].

Такім чынам, савецкі перыяд мала чым адрозніваўся ад папярэдняга. Праблема матрыманіяльных паводзін нашых продкаў па-ранейшаму заставалася па-за ўвагай гісторыкаў.

Польская гістарыяграфія

Вялікі ўклад у вывучэнне матрыманіяльных адносін у Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVII стст. унеслі польскія гісторыкі. У працы калектыва польскіх даследчыкаў “История государства и права Польши” змешчана некалькі глаў, дзе разглядаюцца некаторыя аспекты матрыманіяльнасці як польскіх, так і беларускіх гараджан. Аўтары падрабязна характарызавалі прававы аспект шлюбу і сямейнага жыцця жыхароў Рэчы Паспалітай. Польскія гісторыкі таксама спыніліся на пытаннях заключэння і скасавання шлюбу, апекі, а таксама маёмасных адносін паміж мужам і жонкай [3, с. 130–145, 239–246].

У працы Ю. Бардаха «O dawnej b niedawnej Litwie» таксама знайшоў адлюстраванне прававы бок шлюбу. Польскі гісторык, разглядаючы гісторыю стварэння Статутаў 1529, 1566 і 1588 гадоў і распаўсюджанне на землях Вялікага княства Літоўскага магдэбургскага права, акцэнтнае ўвагу на тых пытаннях, якія рэгулююць узаемаадносінны паміж членамі адной сям’і. У працы паказана, як рэгулявала заканадаўства правы нашчадкаў у дачыненні да нерухомай маёмасці [33, р. 124–139].

Асаблівай увагі заслугоўвае работа З. Куховіча “Człowiek polskiego baroku”. У сваёй кнізе аўтар ажыццявіў падрабязнае даследаванне важнейшых бакоў паўсядзённага жыцця чалавека ў перыяд барока на тэрыторыі Рэчы Паспалітай. З. Куховіч апісаў і такія важныя бок сямейных адносін, як сексуальнае жыццё мужа і жонкі [34].

У кнізе вядомага польскага гісторыка Ю. Бардаха “Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага” пятая глава прысвечана матрыманыяльным адносінам. Аўтар спыняецца на тым, як свецкае і царкоўнае права рэгулявала сямейна-шлюбныя адносіны і як гэтыя адносіны рэгуляваліся звычайным правам у эпоху Сярэднявечча і ранняга Новага часу. Разглядае Ю. Бардах таксама тыя асаблівасці, якія былі характэрны для розных слаёў насельніцтва – шляхты, гараджан і сялянства, прычыны яго скасавання, ролю царкоўнага і нявенчанага шлюбу ў XVI–XVII стст. і адносіны да грамадства гэтых форм шлюбу [2].

Польская гістарычная навука зрабіла вельмі значны крок наперад у вывучэнні матрыманыяльных паводзін жыхароў беларускіх зямель у XVI–XVIII стст. у параўнанні з іншымі нацыянальнымі гістарычнымі школамі. Менавіта польскія гісторыкі ставілі сваёй мэтай даследаванне паўсядзённага жыцця насельніцтва ВКЛ, у той час як айчынным даследчыкі, на жаль, пакінулі па-за ўвагай дадзеную праблематыку.

Даследаванні на сучасным этапе

Канец XX – пачатак XXI стст. з’яўляецца якасна новым этапам у вывучэнні матрыманыяльных паводзін гараджан беларускіх зямель у XVI–XVIII стст. Пачынаючы з 90-х гадоў XX стагоддзя беларускія гісторыкі адначасова з распрацоўкай пытанняў, звязаных з гісторыяй сям’і, здзейснілі цэлы шэраг комплексных даследаванняў, прысвечаных гісторыі матрыманыяльных паводзін шляхты і сялянства.

У гэты час працягваюць свае даследаванні правазнаўцы. У рабоце І.А. Юхо «Крыніцы беларуска-літоўскага права» даецца характарыстыка маёмасных узаемаадносін мужа, жонкі і дзяцей, разглядаюцца пытанні спадчыннага права, а таксама звяртаецца ўвага на шлюбныя звычаі жыхароў Беларусі ў цэлым і гараджан у прыватнасці [31]. Праца беларускага прававеда Г. Дзёрбінай “Права і сям’я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу” з’яўляецца адной з апошніх прац у гэтай галіне. Аўтар выканала комплекснае даследаванне шлюбна-сямейнага права на аснове аналізу заканадаўчых і іншых дакументальных крыніц, а таксама навуковай гістарыяграфіі прадмета [10].

Даследаванні ў галіне педагагічнай традыцыі насельніцтва беларускіх зямель у XVI–XVIII стст. былі працягнуты педагогамі. І.І. Калачова ўздымае пытанні этнапедагагічных традыцый насельніцтва беларускіх зямель, спыняецца на тых нормах узаемаадносін, якія існавалі ў тагачаснай сям’і, а таксама на этнапедагагічнай спадчыне беларусаў [12; 13]. У працах Г.П. Арловай і Л.В. Ракавай даследуецца адзін з важных бакоў матрыманыяльных адносін – выхаванне падростаючага пакалення [29, с. 13; 23]. В.С. Болбас, разглядаючы педагагічную думку XVI–XVII стст., засяроджвае ўвагу на метадах выхавання, якія былі характэрны для гэтага часу [6].

Гісторыкі таксама звярнулі ўвагу на гісторыю сям’і і матрыманыяльныя паводзіны нашых продкаў. Сярод прац, прысвечаных матрыманыяльным адносінам беларусаў, трэба згадаць кнігу “Скарына і яго эпоха”, у якой аўтары здолелі стварыць рознабаковую характарыстыку эпохі Скарыны. Яны спыняюцца на тыпалогіі сялянскай і гарадской сям’і, правах і абавязках яе членаў, выхаванні, перадшлюбных звычаях і традыцыях, якія былі распаўсюджаны на беларускіх землях у XV – першай палове XVI стагоддзя, а таксама засяроджваюць увагу на існаванні нявенчанага шлюбу ў гарадскім асяроддзі, адносінах жыхароў гарадоў да пазашлюбных стасункаў [30, с. 80–90]. Матрыманыяльным паводзінам нашых продкаў прысвечана і кніга “Сям’я і сямейны быт беларусаў”, напісаная калектывам аўтараў (В.К. Бандарчык, Г.М. Курыловіч, Л.В. Ракава, Т.І. Кухаронак, І.В. Чаўкін, І.Г. Вуглік). Становішча, якое займаў кожны з членаў сям’і; выхаванне дзяцей; заключэнне шлюбу і звязаныя з ім умовы – вось толькі частка пытанняў, якія ўздымаюць у сваёй працы беларускія гісторыкі [26, с. 16–42].

Айчынныя даследчыкі ў сваіх працах звярнулі ўвагу на сямейнае жыццё прадстаўнікоў шляхты. Становішчу, якое займалі жанчыны-шляхціцкі ў сям'і, прысвечаны артыкул Н. Сліж “Статус жанчыны-шляхціцкі ў ВКЛ (XVI–XVIII стст.)” [25]. Не апошняе месца ў яе работах займаюць пытанні сексуальнага жыцця, маралі, сямейных здрад, скасавання шлюбу [24, с. 120, 142, 146]. У сваіх працах Н. Сліж зрабіла спробу характарыстыкі шляхецкай сям'і, разгледзела яе тыпалогію, прасачыла эвалюцыю матрыманыяльных паводзін шляхты, паказала ўплыў саслоўнага дзялення грамадства на фарміраванне і развіццё сям'і [26; 27]. У артыкуле “Жаночы вобраз у шляхецкай культуры ВКЛ” Л.Я. Клімуць прасочвае змены жаночага вобраза ў шляхецкім асяроддзі, спыняецца на тых маральных якасцях, якія, на думку грамадства, павінна была мець жанчына. Разам з тым аўтар разглядае і прававое становішча жанчыны ў XVI стагоддзі [13]. Пытанні, звязаныя з прававым, сямейным і грамадскім статусам жанчыны-шляхціцкі, прааналізаваны ў кандыдацкай дысертацыі беларускага гісторыка Н.С. Гардзіенкі “Становішча жанчыны-шляхціцкі ў Вялікім княстве Літоўскім у XVIII стагоддзі”. Тут прасочваецца эвалюцыя сямейных і грамадскіх функцый, якія ўскладаліся на жанчыну на працягу XVIII стагоддзя [8].

Матрыманыяльная праблематыка закранаецца і ў працы А. Мальдзіса “Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі”. У ёй аўтар на падставе аналізу мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя спыняецца на характарыстыцы штодзённага жыцця жыхароў беларускіх земляў, у тым ліку і гараджан [18, с. 217].

Асаблівай увагі заслугоўвае манаграфія І.А. Марзалюка “Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы”, дзе цэлы параграф прысвечаны матрыманыяльным паводзінам жыхароў Магілёва (“Матрыманыяльныя паводзіны насельніцтва ў XVI–XVIII стст.”). Аўтар у сваёй працы адзначыў існаванне “нявенчанага шлюбу” ў гарадскім асяроддзі, стаўленне грамадства да дадзенай формы шлюбу. На аснове яркіх прыкладаў, прыведзеных у манаграфіі, даследчык зрабіў вывад аб тым, што ў асяроддзі гараджан меў месца развод і былі распаўсюджаны пазашлюбныя стасункі [20, с. 99–103]. Пытанні, звязаныя са скасаваннем шлюбу, разглядаюцца І.А. Марзалюком у артыкуле “Матрыманыяльнасць і секс у Беларусі XI–XVIII стст.” Пры гэтым аўтар спыняецца і на разнастайных формах шлюбу, якія існавалі ў XI–XVIII стст. [21]. Больш падрабязна вывучаюцца матрыманыяльныя паводзіны жыхароў Вялікага княства Літоўскага, у тым ліку і гараджан, у манаграфічнай працы І.А. Марзалюка “Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.)”. У главе “Матрыманыяльнасць і секс” аўтар звяртае ўвагу на эмацыянальную афарбоўку шлюбу, міжасабовыя адносіны ў сям'і. У поле зроку трапілі пытанні, якія датычацца ўзаемаадносін паміж мужам і жонкай, у тым ліку і іх сексуальнае жыццё. Аўтар таксама надае ўвагу і ўзаемаадносінам паміж бацькамі і дзецьмі, іх правамі і абавязкамі. На падставе аналізу кананічнага права аўтар манаграфіі паказвае, якімі, на думку прадстаўнікоў духавенства, павінны былі быць узорныя матрыманыяльныя паводзіны нашых продкаў у X–XVII стст. і наколькі гэты вобраз “ідэальнай сям'і” адпавядаў тагачаснай рэчаіснасці [19].

У 2001 г. пабачыў свет пяты том шматтомнага выдання “Беларусы” “Сям'я”. У ім аналізуюцца розныя аспекты сямейнага жыцця беларусаў, пачынаючы з XVI ст. і заканчваючы XX ст. У поле зроку навукоўцаў трапілі такія пытанні, як тыпалогія сям'і, узаемаадносіны паміж членамі адной сям'і, выхаванне дзяцей [4].

Такім чынам, айчынныя даследчыкі ў апошнія гады зрабілі значны крок у вывучэнні матрыманыяльных адносін нашых продкаў.

Заклучэнне

Даследаванне гістарыяграфіі матрыманыяльных паводзін гараджан Беларусі ў XVI–XVIII стст. дазваляе зрабіць наступныя высновы:

1. Гістарыяграфія матрыманыяльных паводзін гараджан Беларусі ў XVI–XVIII стст. падзяляецца на некалькі этапаў, кожны з якіх мае свае адметныя рысы;
2. Найбольш вывучанай з’яўляецца гісторыя сялянскай сям’і і сям’і прадстаўнікоў шляхецкага саслоўя;
3. Сямейнае жыццё гараджан Беларусі ў XVI–XVIII стст. слаба вывучана;
4. Адсутнічаюць працы, накіраваныя на рознабаковае вывучэнне дадзенай праблемы;
5. На сённяшні дзень айчынныя даследчыкі звярнулі ўвагу на дадзеную праблематыку і ўжо зроблены першыя крокі па вывучэнню некаторых пытанняў, якія маюць дачыненне да матрыманыяльных паводзін нашых продкаў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі : са старажытных часоў да 1917 г. / М. А. Ткачоў [і інш.] ; пад агульн. рэд. М. А. Лазарука. – Мінск : Народная асвета, 1985. – 464 с.
2. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах. – Мінск : ПОЛИТМАГ, 2002. – 459 с.
3. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак. – М. : Юридическая литература, 1980. – 559 с.
4. Беларусы : у 8 т. / рэдкал.: В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1995–2005. – Т. 5 : Сям’я / В. К. Бандарчык [і інш.]. – 2001. – 375 с.
5. Богданович, А.Е. Пережитки древняго міросозерцання у бѣлорусовъ : Этнографическій очеркъ / А. Е. Богданович. – Гродна : Губ. тип., 1895. – 186 с.
6. Болбас, В. С. Ідэі маральнага выхавання ў педагагічнай думцы Беларусі эпохі Адраджэння (XVI–XVII ст.) / В. С. Болбас. – Мінск : Нац. ін-т адукацыі ; Мазыр : Белы вецер, 1998. – 172 с.
7. Вяселле : Абрад / рэд. В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 640 с.
8. Гардзіенка, Н. С. Становішча жанчыны-шляхцянкi ў Вялікім княстве Літоўскім у XVIII стагоддзі : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 19.02.2003 / Н. С. Гардзіенка ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2003. – 20 с.
9. Грушевскій, А. Пинское Полѣсье XIV–XVI вв. : історические очерки / А. Грушевскій. – Кіеў, 1903. – 145 с.
10. Дзербіна, Г. Права і сям’я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу / Г. Дзербіна. – Мінск : Тэхналогія, 1997. – 175 с.
11. Ефименко, А. Литовско-русские данники и их дани / А. Ефименко // Журнал министерства народного просвещения. – Спб., 1903. – № 1. – С. 106–119.
12. Калачова, І. І. Народныя традыцыі і звычаі выхавання. Этнапедагагічная спадчына народаў Беларусі / І. І. Калачова. – Мінск : НІА, 1999. – 179 с.
13. Калачова, І. І. Этнапедагагічныя традыцыі беларусаў і іх уплыў на сучасную гаспадарчую сям’ю : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 22.06.1995 / І. І. Калачова ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. імя К. Крапівы НАН Беларусі – Мінск, 1995. – 18 с.
14. Клімуць, Л. Я. Жаночы вобраз у шляхецкай культуры ВКЛ / Л. Я. Клімуць // Весн. Магілёў. дзярж. ун-та. – 2003. – № 2–3. – С. 22–35.
15. Козловский, П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVI–XVIII в. (по материалам магнатских вотчин) / П. Г. Козловский. – Минск : Наука и техника, 1969. – 203 с.
16. Копыцкий, З. Ю. Экономическое развитие городов Беларуси в XVI–

XVII вв. / З. Ю. Копыцкий – Минск : Наука и техника, 1966. – 226 с.

17. Малиновскій, І. Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту / І. Малиновскій. – Кіеў : Типографія Імперскаго ун-та, 1894 – 173 с.

18. Мальдзіс, А. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі / А. Мальдзіс. – Мінск : Лімарыус, 2001. – 384 с.

19. Марзалюк, І. А. Людзі даўняй Беларусі : этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І. А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ, 2003. – 324 с.

20. Марзалюк, І. А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях : людзі і рэчы / І. А. Марзалюк. – Мінск : Веды, 1998. – 260 с.

21. Марзалюк, І. А. Матрыманіяльнасць і секас у Беларусі XI–XVIII стст. / І. А. Марзалюк // *Тerra alba*. – Мінск, 2001. – Т. II : *Nomo venegius* : Сексуальная прастора беларускай культуры / пад рэд. С. І. Даніленкі. – С. 123–129.

22. Никольский, Н. М. Происхождение и история белорусский свадебной обрядности / Н. М. Никольский. – Минск : Изд-во АН БССР, 1956. – 273 с.

23. Ракава, Л. З гісторыі беларускай сям'і / Л. Ракава // *Роднае слова*. – 1997. – № 6. – С. 172–181.

24. Сліж, Н. Сексуальнае жыццё шляхты Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVIII стст. / Н. Сліж // *Тerra alba*. – Мінск, 2001. – Т. II : *Nomo venegius* : Сексуальная прастора беларускай культуры / пад рэд. С. І. Даніленкі. – С. 141–158.

25. Сліж, Н. Статус жанчыны-шляхцічанкі ў ВКЛ (XVI–XVIII стст.) / Н. Сліж // *Беларус. гіст. часоп.* – 1996. – № 4. – С. 47–63.

26. Сліж, Н. Тэрміналогія гісторыі шляхецкай сям'і / Н. Сліж, М. Гардзееў // *Гістарычны альманах*. – 2003. – Т. 9. – С. 49–63.

27. Сліж, Н. І. Шляхецкая сям'я ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVII стагоддзях : уздзеянне саслоўнага падзелу грамадства на яе фарміраванне і развіццё : аўтарэф. дыс. канд. гіст. навук : 22.03.2002. / Н. І. Сліж ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі – Мінск, 2002. – 24 с.

28. Сям'я і сямейны быт беларусаў / пад рэд. В. К. Бандарчыка [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 256 с.

29. Таўталес, А. Права сямейнае паводле літоўскіх Статутаў (нарыс да гісторыі старажытнага беларуска-літоўскага грамадзянскага права) / А. Таўталес // *Запіскі аддзелу гуманітарных навук* / пад. рэд. З. Даўгяла. – Менск, 1929. – Кн. 8. Т. III : *Працы клясы гісторыі*. – С. 21–52.

30. Чаквін, І. У. Этнаграфія беларусаў эпохі Скарыны : сямейны і грамадскі побыт, матэрыяльная і духоўная культура / І. У. Чаквін // *Скарына і яго эпоха* / пад. рэд. В. А. Чамярыцкага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 280 с.

31. Юхо, І. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо. – Мінск : Беларусь, 1991. – 238 с.

32. Юхо, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И. А. Юхо. – М. : Изд-во БГУ, 1978. – 144 с.

33. Bardach, J. O dawniej b niedawnej Litwie / J. Bardach. – Posnań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1988. – 443 p.

34. Kuchowicz, Z. Człowiek polskiego baroku / Z. Kuchowicz. – Łódź : Wydawnictwo Łódzkie, 1992. – 395 s.

***Aliakseichykava N.M.* The matrimonial behaviors of Belarusian townspeople in XVI – XVIII centuries (the historiography aspect)**

This article shows historiography of the matrimonial behaviors townspeople in XVI – XVIII centuries. History of family life is insufficiently known theme in the native of historiography. The first who was interested by this problem were scientist-ethnographers. Exactly they have made a first step in analysis of matrimonial behavior of our ancestors. They have several works, which consecrated to history of family life of peasants. There is some information about this problem we can find in investigations of pedagogues and lawyers. They raise separate questions, which have relative to matrimonial behavior of the population of the Belarusian grounds, for example, education of children, legal status of the members of family and others. Native historians appeal to this problems in last time. Today we have proceedings, which devote to family life of peasantry and gentry. A long time the history of townspeople's family remained without attention of the domestic historians. Today Belarusian historians do first, but very impotent, steps on the road to study by history of townspeople's family.

УДК 008:[39:316.752]

Ю.В. Чернявская

ЭТОС И ГАБИТУС КАК ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛОВЫХ СОДЕРЖАНИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИЯ

В статье поднимается одна из актуальных проблем современной культурологии – проблема динамики смысловых содержаний этнической культуры, благодаря которой последняя является и сохраняющимся в веках, и изменяющимся целым. По положениям, выдвинутым автором, возможность этого заложена в одновременном действии двух структур – этоса и габитуса культуры. Первый является организующим принципом этнической культуры, а второй представляет собой модель трансляции этоса, а значит, и культуры, на уровень групп и индивидов. Автор выявляет структуру этоса и анализирует процесс его динамики, происходящий благодаря габитусам, запечатленным в образах культуры.

Введение

Проблема, которой посвящена статья, актуальна и теоретически, и практически. В центре внимания современной гуманитарной науки находится вопрос о том, как этническая культура может сохранить своеобразие в глобализирующемся мире, и одновременно о том, какими путями она – без потери самобытности – способна изменяться в соответствии с трансформациями реальности. Мы убеждены, что ответ кроется в структурных механизмах культуры – в соотношении этоса как ее организующего принципа и габитуса как модели ее органичного внутреннего изменения. Эти механизмы, определяющие характер и динамику культурных процессов, необходимо учитывать при создании современных культурных проектов. Если действия их создателей расходятся с этосом культуры и/или имеет место недооценка ее габитуса (габитусов), попытки необходимых инноваций оказываются безуспешными. Лишь если в результате исследований станет возможным прояснение имплицитных представлений, ценностей, смыслов культуры (этос), которые руководят практиками людей и изменяются в соответствии с габитусами, мы сможем прогнозировать негативные и позитивные последствия предлагаемых проектов. Первый шаг к этой цели – формализация концептов «этос» и «габитус» и выявление их связей.

Понимание этоса

Концепт «этос культуры» сложно назвать формализованным: для его исследователей (Р. Бенедикт, Г. Бейтсон, М. Вебер, М. Оссовская и др.) этос служит призмой анализа культур или социокультурных групп, но не самостоятельным предметом рефлексии. Чаще всего этос понимается как:

- 1) нравственный порядок и тип мировоззрения [1, с. 11–13]);
- 2) единство нравов [10, с. 16];
- 3) иерархия ценностей [8, с. 106], которая может быть выведена из поведения людей [12, с. 26];
- 4) эмоциональная составляющая жизни людей [14, с. 75];
- 5) имплицитный принцип культуры [11, с. 56];
- 6) конфигурация внутрикультурных элементов [3, с. 14; 13, с. 126];
- 7) восприятие, свойственное представителям культуры [2, с. 332].

Чаще всего термин «этнос» употребляют в значении совокупности культурных ценностей. Однако это отождествление не вполне корректно: еще М. Оссовская отмечала, что слово «этнос» применимо не к людям, а к группам [12, с. 26]. В то же время ряд аксиологов считает, что месторождение ценностей – в активности личности [9, с. 342].

С нашей точки зрения, *этнос* – *структурообразующий принцип культуры, система связей и взаимокоррекций между представлениями и ценностями, с одной стороны, и воспроизводством их компонентов в повседневных практиках людей – с другой*. Другими словами, этнос – культурно-смысловая модель, опосредующая восприятия и представления в ценностно-практическое русло исходя из принятых в культуре соотношений «возможного – невозможного», «допустимого – недопустимого», «желательного – исключенного».

Функции и характеристики этноса культуры

Из посреднической природы этноса проистекает его *конфигурирующая функция*, задающая согласованность: а) картины мира, представлений и ценностей (а также норм и идеалов), б) ценностей (норм, идеалов) и практик. Можно говорить и о *предписывающей*, или «рецептурной», *функции*, предоставляющей членам социума смысловые программы, которые руководят социокультурными процессами. Значима также *распределительная* функция, преломляющая общекультурные представления и ценностные ориентации через призму целей, интересов и практик групп (гендерных, профессиональных, возрастных и др.).

Как принцип, определяющий соотношение стабильных компонентов культуры, этнос – повседневный феномен, обладает рядом характеристик, соответствующих этой сфере бытия:

- 1) *априорность*, восприятие общепринятых практик взаимодействия с реальностью как естественных;
- 2) *интерсубъективность* как единство с предшественниками, последователями и современниками [17, с. 117–118] и как возникающее на этой основе общее для этнофоров понимание реальности [4, с. 44];
- 3) *бытовой и трудовой характер*;
- 4) *стабильность*;
- 5) *стереотипический характер*: этнос возникает как следствие типичных ситуаций и стремится подчинить новые ситуации выработанным стереотипам;
- 6) *неразделенность сфер когнитивных и эмоциональных*;
- 7) *доксичность культурного опыта*, возникающего на основе здравого смысла;
- 8) *хронотопизм* как сочетание факторов «здесь» и «сейчас»: отсюда повторяемость как залог стабильности этноса и повседневности в целом;
- 9) *зонирование территории* в зависимости от привычных рутинных действий;
- 10) *упорядоченность*, поддерживаемая языковыми объективациями и в целом знаковыми системами;
- 11) *синкретизм телесного и духовного*;
- 12) *сегментарность*: этнос этнической культуры – конвенциональное поле групповых этносов;
- 13) *запечатленность в языке* как первичной моделирующей системе и во вторичных моделирующих системах (мифе, фольклоре и т. д. как языках культуры).

Структура этноса культуры

Этнос культуры как структуру можно анализировать с точки зрения его «смысловых полей», «культурных тем» и «дискурсивов».

Смысловые поля. Этнос культуры – единство смысловых моделей, которые берут начало в картине мира как в психокультурной матрице бытия общности и человека. Вслед за К. Леви-Строссом, А. Хокартом, А.М. Золотаревым, С.П. Толстовым, В.Вс. Ивановым мы представляем картину мира как единство дуальных пар, порождающих единство представлений, ценностей и практик этноса в качестве отдельных, хоть и пересекающихся, «*смысловых полей*». Так, оппозиция «*Космос – Хаос*» формирует представления о космологии и об общем предке, обеспечившем космический порядок. Культурные смыслы здесь – сплочение общности под патронажем богов и героев, а также ощущение родства этнофоров. Они порождают ценность древнего и почетного происхождения общности. На уровне ритуальных практик им отвечают обряды рождения, инициации и т. д., а на уровне повседневных – нормы, направленные на сохранение порядка.

В связи с оппозицией «*сакральное – профанное*» можно говорить о представлениях о священном и мирском и путях достижения общностью их единства. Культурный смысл здесь – принадлежность человека не только к «миру дольному», но и к «миру горному», а ведущие ценности – религиозные. Им отвечают практики культа.

Оппозиция «*свое – чужое*» порождает антитезу «мы – они». Ее смысл – создание культурной дистанции. На этой основе возникает ценность этнической самобытности: ведь пока этнос существует, существуют и отграничительные практики. Практики отграничения от «чужих» и «других» – язык (диалект), обычаи, черты материальной культуры, модели поведения, символы и многое другое.

Представления, вырабатывающиеся в рамках оппозиции «*жизнь – смерть*», – идеи «жизни», «смерти», «загробного мира» и их символично-образные репрезентации. На их фундаменте формируются ценности жизни и «сверхжизни». Утверждению последней служат практики заупокойных культов, погребальных обрядов, дней поминовения.

Оппозиция «*время – пространство*» конкретизирует представления о территории и генезисе этноса. Благодаря их общности, формируется культурный смысл единства судьбы народа, включающий ценности родины и общего прошлого, и соответствующие практики – от обыденных (например, труд во благо Родины) до военных (оборонительных или наступательных).

В свете оппозиции «*мужское – женское*» значима закреплённость за женщиной функции хранительницы домашнего очага, а за мужчиной – обеспечения и защиты [5, с. 321–322], что порождает соответствующие ценности и фиксируется в образцах «маскулинности» и «феминности» (гендеролектах). Сферы мужских и женских практик – трудовой этос; зонирование пространства (внутреннее (домашнее) – женское, внешнее – мужское); распределение обязанностей; воспитание детей.

И, наконец, культурный смысл оппозиции «*добро – зло*» – воспроизводство моральных категорий и ценностей, благодаря которым все практики этнофора, связанные с предшествующими оппозициями, оцениваются с точки зрения общего блага.

Культурные темы. Смысловые поля – основополагающие компоненты этноса культуры любой общности. Этнические же их конкретизации выражены в производных от них культурных темах и дискурсивах. Наиболее важны, на наш взгляд, темы, объединяющие смыслы, присущие сразу нескольким оппозициям картины мира. Такова *тема культурной дистанции*, прослеживаемая в оппозициях «*Космос – Хаос*», «*сакральное – профанное*» и «*свое – чужое*». Другая значимая тема – *предназначение человека в культуре его этноса* не только как исполнителя социальных функций, но и как пункта пересечения сакрального и профанного миров. Идея предназначения тематизирует связи человека и народа с прототипами идентичности – богами, культурными героями (на уровне мифологии), великими деятелями (на уровне истории), предками (на уровне биографии), а также ландшафта, понимаемого как «*Родина*». В целом эту тему

можно определить как *связь*, на основе которой возникает осознание общности этнофоров. Благодаря ей культура этноса приобретает характер целостности, но не единообразия, поскольку следующей темой является *культурная полисемия* (разность языков и кодов культуры, диктующая ее внутреннее разнообразие). Благодаря ей можно говорить о внутренней динамике культуры, обусловленной многообразием групп, субкультур и личностей. Не менее существенная тема культуры – *соотношение добра и зла* в этическом, религиозном и философском аспектах. Экспликации тем культуры в рефлексии и деятельности этнофоров обеспечивают: а) самобытность культуры; б) предназначение человека в ней; в) сплоченность людей; г) статику и динамику культуры; д) нравственные содержания. Вокруг них выстраивается вся система ценностей и практик представителей общности.

При этом связь тематических линий этоса и группирующихся вокруг них ценностей и практик не является прямой. Мы полагаем, что между ними существует еще одна структура. Переход от культурных тем к ценностям (и далее, к практикам) связан с «последними вопросами бытия», которые каждая культура задает себе в любую эпоху. Назовем их «дискурсивами».

Дискурсивы – точки экзистенциального вопрошания, формулируемые как проблемы, к разрешению которых стремятся представители культуры и ответы на которые формируют этос культуры в исторический период, определяя характер и иерархию фокальных ценностей, их символических выражений и практик. В свете выявленных нами культурных тем можно выделить дискурсивы как проблемы:

- а) границ своего и чужого;
- б) смысла жизни и смерти, их связи и противопоставления;
- в) локуса контроля как атрибуции к внешним (например, высшим) или собственным силам;
- г) отношения к судьбе, свободе;
- д) понимания добра и зла и вытекающих отсюда моделей личного счастья и общественного блага.

Однако возникает вопрос: каким образом компоненты этоса соотносятся с человеком-этнофором, ведь ранее мы подчеркивали: этос – групповой (и общезнаменательный) принцип организации представлений, ценностей и практик? Ответить на него нам поможет концепт габитуса.

Габитус – система воспроизводимых диспозиций (установок, ценностей, схем восприятия и действия), которые структурируются извне (властью, социокультурной ситуацией, языком и т. д.), но вместе с тем структурируют поле культуры «изнутри», со стороны людей [6, с. 23]. Наша гипотеза состоит в том, что габитус как совокупность схем восприятия и оценивания [7, с. 75] есть модель латентной передачи смыслов культуры, тематических линий и дискурсивов, т. е. этоса, от группы (общности) к человеку и наоборот – от человека к группе. В свете этого следует уточнить **функции габитуса** по отношению к этосу. *Первая – функция трансляции этоса с уровня общности (группы) на уровень личности.* Она обеспечивает единство смыслов, тематических линий, дискурсивов как интериоризованной не только сознанием, но и самой телесностью человека (инкорпорированной) этнической реальности. *Вторая функция обеспечивает обратную связь личности и группы (общности),* так как при воспроизведении этнофорами групповой габитус обрастает личными интерпретациями. Тем самым в конечном счете он представляет собой продукт сложения личностных габитусов, гомологичных лишь в некоторой мере.

В связи с этим мы полагаем, что корректно, скорее, говорить не о габитусе в общем и абстрактном смысле, а об отдельных *габитальных структурах* как компонентах различных структур восприятий, оцениваний и практик, выраженных позициями и

диспозициями индивидов (и групп) в этническом пространстве. Итак, *габитальные структуры – конкретные позиции (в производстве, в семье, на досуге; по отношению к «своим» и «чужим» и т. д.) и диспозиции (предрасположенность к определенным реакциям и поведенческим актам), свойственные габитусам отдельных групп и людей как их представителей*. Они реализуются в репрезентации, воспроизводстве и сочетании тем и дискурсивов этоса в определенной ситуации (и в отдельной группе). Так, можно говорить о крестьянской габитальной структуре, благодаря которой передаются: а) ценности крестьянского труда и отдыха; кодексы отношений к «своим» и «чужим»; традиционные гендеролекты; виды капитала (не только экономического, но, главным образом, символического) и т. д.; б) особые диспозиции, задающие модели восприятия и поведения: например, как мы показали в [15, с. 99–124], отношение к чужим в белорусском фольклоре проявляется как диспозиции «крестьянин – пан», «крестьянин – горожанин», «крестьянин – черт», «крестьянин – корчмарь (торговец)», подразумевающие различные практики коммуникации. В то же время представляется неверным выводить габитальные структуры сообразно сферам культуры, поскольку эти структуры неразрывно связаны между собой. Вероятно, причины и в том, что они возникают в архайке, а значит, испытывают влияние мифологического синкретизма; и в том, что реализуются в повседневности как нерасчлененном континууме феноменов (гендерных и возрастных; этнических и социальных и т. д.); и в том, что сопротивляются рефлексии (в этом сказывается функция самосохранения габитуса и этоса как его содержаний). Но, на наш взгляд, есть и более значимая причина. Мы убеждены, что габитальные структуры, как и габитус в целом, столь органично передают этос и незаметно входят в самосознание человека, поскольку в культуре существуют в виде образов, с которыми идентифицируют себя люди и группы. Эти образы и доносят до этнофоров этос в наиболее значимых его чертах.

Следование этосу, представленному габитальным образом (буржуа, рыцаря, клирика, джентльмена, советского человека и др.), дает человеку возможность идентифицировать себя с группой. Сближаясь, эти образы порождают общий габитус, вмещающий все габитальные структуры, – *этнический самообраз представителя культуры* [15, с. 12], благодаря которому разнообразие культуры вписывается в рамки единства, целостности и приобретает человекообразность.

Заключение

На основе нашего анализа можно сделать следующие выводы. Каждая культура есть единство статики и динамики. Ее целостность и преемственность обеспечиваются наличием компонентов, тяготеющих к константности и выполняющих функцию самосохранения. Их принцип организации – этос культуры, который задает единство смысловых полей, культурных тем и дискурсивов. Динамика культуры (способность изменяться без утраты самобытности) обеспечивается этническим габитусом как механизмом трансляции этоса. Он реализуется в многообразии габитальных структур – позиций и диспозиций, свойственным группам и их отдельным представителям. Тем самым осуществляется модель передачи содержаний этоса с общэтнического на групповой и индивидуальный уровни и обратно. При этом габитус обретает групповые и личностные интерпретации, вследствие чего в культуре возникают внутренние инновации (эндоинновации). Однако на уровне общэтнического габитуса возникает обобщенный образ представителя культуры – этнический самообраз, в котором выражается культурный этос. Этот образ находит отражение в текстах культуры и усваивается индивидами в процессе обретения этнокультурной компетентности. Таким образом, в результате анализа можно выдвинуть

положение, что единство этоса и габитуса одновременно является условием и самосохранения, и самовозрастания культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анчел, Е. Этос и история / Е. Анчел. – М. : Мысль, 1988. – 127 с.
2. Бейтсон, Г. Экология разума / Г. Бейтсон. – М. : Смысл, 2000. – 476 с.
3. Бенедикт, Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – М. : РОССПЭН, 2004. – 359 с.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 322 с.
5. Бест, Д. Гендер и культура / Д. Бест, Дж. Уильямс // Психология и культура / Питер ; под ред. Д. Мацумото. – СПб. : 2003. – С. 316–353.
6. Бурдые, П. Начала / П. Бурдые. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
7. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
8. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 558 с.
9. Губман, Б. Л. Ценности / Б. Л. Губман // Культурология. XX век. Энцикл. : в 2 т. / под ред. С. Я. Левита. – СПб., 1997. – Т. 2. – С. 342–343.
10. Гусейнов, А. А. Глобальный этос как проблема / А. А. Гусейнов // Этос глобального мира / сост. и ред. В. И. Толстых. – М. : «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 14–29.
11. Клакхон, К. Зеркало для человека. Введение в антропологию / К. Клакхон. – СПб. : Евразия, 1998. – 352 с.
12. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали / М. Оссовская. – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
13. Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин. – М. : Гардарики, 2001. – 254 с.
14. Хонигман, Дж. Понятия / Дж. Хонигман // Личность, культура этнос: современная психологическая антропология / Смысл ; под ред. А. А. Белика. – М. : 2001. – С. 51–79.
15. Чернявская, Ю. В. Белорус: штрихи к автопортрету (этнический самообраз белоруса в сказках) / Ю. В. Чернявская. – Минск : Четыре четверти, 2006. – 244 с.
16. Чернявская, Ю. В. Смена парадигм: национальный характер или социокультурный сценарий развития этноса / Ю. В. Чернявская // Міжкультурны дыялог у Беларусі: нацыянальна-культурнае і духоўнае развіццё ва ўмовах глабалізацыі : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. (Беларусіка –Albaruthenica), Мінск, 10–12 снежня 2003 г. / ННАЦ імя Ф. Скарыны. – Мінск, 2004. – С. 144–147.
17. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

Charniauskaya J.V. Ethos and habitus as forms of the organization and translation of semantic contents of ethnic culture: to a problem of continuity and development

The author researches two important scientific categories - cultural ethos and the habitus. The author analyzes concepts "ethos" and "habitus" as specific characteristics of preservation and dynamics of culture. The author reveals three components of the cultural ethos as the structure - a semantic fields, cultural themes and discoursives. It helps to preserve the culture. Habitus transfers of ethos components from a collective level on an individual level. There are changes of ethnic culture occur in this process.

УДК 930.85

Э. Крыштофик

ЗНАЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье представлен образ современной цивилизации Европы в историческом и культурном разрезе. Показана история европейской цивилизации и её специфика. Приводятся характерные черты наследия в культурной картине европейцев. Рассмотрено пространство кризиса, в котором находится европейская цивилизация. Охарактеризована идентичность современного человека в обличье процессов глобализации. В статье затрагивается проблема этничности и регионализма как шанса выхода из кризиса, переживаемого европейской цивилизацией. Подчеркивается идея о том, что национальные тенденции в большей степени концентрируются на учете общности традиции и истории, нежели на заимствовании этнических, религиозных, языковых или бытовых различий.

Вступление

XX век закончился менее болезненно, нежели ожидалось. Многие предсказывали конец всего на этот период, но этого не случилось. Новое тысячелетие встретило человечество постановкой рядов вызовов и проблем, которые надо было решить. В этой области предстоит еще дать оценку историческим событиям и определить пути развития современных цивилизаций. Это в особенности касается европейской цивилизации, которая приобретает новый облик, реализуя идею интеграции в рамках Европейского союза. Попытаемся в связи с этим рассмотреть хотя бы некоторые процессы, которые имеют и имели место в Европе и в мире и которые неизменно воздействуют на формы межчеловеческих отношений.

История современной европейской цивилизации и её специфика

Начнём с истории европейской цивилизации и её специфического качества [6, с. 20–23]. Фундаментом европейской цивилизации считается культурное наследие Древней Греции и Рима. Характерными чертами наследия в культурной картине европейцев считаются:

а) критицизм, представленный в структуре грамматики и философии, т. е. стремление к критическому образу действительности, постановке высоких требований к «себе и другим», а также размышления о жизни, деятельности и вызовах будущего;

б) стремление к познанию истины об окружающей действительности;

в) стремление к совершенству, содержащемуся в духе интеллектуальной свободы, преклонении перед прекрасным, в том числе искусством;

г) идеи демократии;

В римском наследии первостепенны:

а) высокая организация общественно-политической жизни;

б) формирование общественно-политического и экономического устройства в соответствии с нормами права;

в) уважение государства, а также соглашений, договоров, уний, компромиссов.

В образе европейских ценностей важное место отводится христианству. Среди христианских ценностей исключительное значение имеет установка индивидуума на помощь ближнему.

Научный руководитель – А.А. Горбацкий, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории культуры и религии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

В течение XX в. на европейском континенте проявлялись как унификационные явления, так и различного рода разделения, возникали разнообразные политические ситуации. Более десяти столетий политика континента была связана со средневековой идеологией. В этой идеологии исключительную роль сыграла католическая церковь. Она была организатором подготовки кадров всех уровней, содержала школы, объединяла образованных людей, создавала духовную общность. Культура этого периода имела множество черт всеобщности, вненациональности, универсальности. Это обнаруживалось как в материальной сфере, среди прочего в архитектуре, скульптуре, живописи, так и в духовной, т. е. в сфере убеждений, поведении.

С XV в. появляются новые возможности влияния на человека. Это приводит к возникновению так называемого европоцентризма. Европа становится мировым культурным центром. Пространственная подвижность её представителей способствовала расширению горизонта географических познаний. Открываются новые территории, подчиняемые Европе. В этот период в сфере европейских преобразований оказываются даже древнейшие цивилизации. Однако в результате завоеваний эти цивилизации уничтожались и культурно преобразовывались.

С XV в. начинается политическая и общественно-экономическая децентрализация. В идеалах человека, выработанных в период ренессанса, начинает появляться привязанность к отчизне, семье, друзьям. Индивидуум всё больше приобретает субъектный характер. Возникает идеал человека, находящегося в центре Вселенной, человека широких интересов, мыслительных горизонтов и действий. Начиная с XVII в. европейские мыслители убеждают, что люди всегда и везде являются людьми, что следует уважать их разнородность, что люди призваны жить в условиях свободы и общественного равновесия.

Идейный перелом в духовной жизни Европы вызвала Великая французская революция (1789–1799). В процессе реализации нового образа появляется новая экономическая модель развития, т. е. новые формы капиталистических отношений, высоко были подняты идеалы либерализма, т. е. гарантии прав и определённых обязанностей человека, признание ценностей общественно-политической и экономической жизни, прав свободного рынка, ограничение роли государства по защите интересов и прав личности, отказ от традиций в общественной и политической жизни, особенно от привилегированности определённых социальных групп.

Углубление дезинтеграции континента усилили идеалы романтизма. Среди них:

- а) глорификация бунта личности против общества;
- б) ломка общепринятых норм;
- в) опровержение культа разума в пользу признания первенства интуиции, «голоса сердца»;
- г) принесение личности в жертву идеалам – народу, государству, человечеству;
- д) бунт против материализма;
- е) прославление отваги, конспирации, таинственности;
- ж) привязанность к традициям, прошлому на локальном уровне;
- з) придание большого значения раздумьям, фантазии, меланхолии и т. п.

Эти идеи оказали существенное влияние на формирование национального самосознания множества человеческих сообществ, формирующихся на определённом пространстве, связанных языковой коммуникацией, вероисповеданием, обычаями, традициями. Данные сообщества высоко подняли потребность освобождения из-под чужого господства. Последствием данных устремлений и их реализацией стали национально-освободительные движения, а после событий 1848 г. в Европе появляется понятие «Весна народов».

Дальнейшее углубление этих ценностей произошло на рубеже XIX–XX веков. Они же становятся причиной первой мировой войны. В особенности обозначилось в этот период стремление к:

- а) завоеванию новых территорий (колониализм);
- б) добыче земельных богатств;
- в) рынкам сбыта;
- г) политической доминации государств и народов на международной арене;
- д) доминации личностей, имеющих власть в отдельных государствах, определяемых понятием империй.

Результатом войны стало деление Европы в экономическом аспекте на так называемые страны группы А и Б. «Европа А» сосредоточивала страны с высоким уровнем экономического развития, «Европа Б» – страны типично сельскохозяйственные. Вслед за этим возникает деление в соответствии с политическим устройством, цивилизованным развитием, в т. ч. и в соответствии с открытостью к диалогу по глобальным явлениям.

После второй мировой войны Европа оказалась в сфере зависимости от двух империй – США и СССР. Понятие «единство Европы» в мировоззренческом, политическом и экономическом аспектах заменила категория «дуализм развития». Последствием этой дихотомии была «холодная война», дальнейшим результатом которой стала своеобразная детронизация Европы на международном уровне. Первенство стали завоёвывать американские образы. Они начинают распространяться в первую очередь при принятии экономических решений через общественно-политические установки, включая сферу культуры. Принятие этих образцов принято определять понятием американизации. Её специфика заключается в пропаганде лёгких, простых решений, приятных в восприятии, направленных на массового потребителя, связанных с идеями прагматизма и утилитаризма, характерных для американского способа восприятия мира.

Таким путём общество приходит к концу XX в., когда высоко поднимается идея европейской интеграции. Актуальными становятся множество областей общественно-политической жизни, полезных для государств и народов. Европа воспринимается как пространственное и культурное целое, подчеркивается важность равномерного соотношения воды и суши, разнообразия рельефа и природы, проводится идея о том, что почти половина континента может быть использована для сельскохозяйственных целей. Однако главным фактором, который мог бы способствовать объединению Европы, признаётся высокая профессиональная квалификация людей. От объединения научно-технического потенциала с экономикой отдельных государств зависело постоянство прогресса, развитие современности, возрастание уровня жизни людей. Европейским преобразованиям и изменениям сопутствует осознание глобальных перемен и вызовов. Научно-технический прогресс, темп перемен, правовые решения, общественно-культурный порядок способствовали тому, что среди всё более широких кругов европейской общественности обнаруживалось ощущение принадлежности к общечеловеческой мировой общности. Люди объединялись в различные общественные формирования, общества в целях решения глобальных проблем в политике и в социальной области. Развитие глобальной гражданской общественности зависит в значительной степени от массовой коммуникации. Именно она формирует ощущение общечеловеческой общности и солидарности.

Кризис современной цивилизации

Однако уже в начале XX в. появляются утверждения о всеобщем кризисе современной цивилизации. Ortega y Gasset [4, с. 58] кризис в Европе определил как «европейскую болезнь», или кризис морального сознания. J. Uscatescu [4, с. 58], анализируя различные культуры (цивилизации), такие, как восточная, африканская, амери-

канская, высказывает мнение, что они сопротивляются утверждению европейской цивилизации, одобряя только технологическое развитие, которое выбрало свой теоретический путь, уходя от метафизического и политического смысла.

J.A. Servera [4, с. 59] утверждает, что в средствах массовой информации и в исследованиях часто говорится о кризисе, и показывает его в свойственных этому явлению элементах, составляющих основу действительности, – кризис общего языка, метафизики, философии, смысла, критицизма, т. е. ценностей, составляющих культуру. Иные, как указывает автор, видят кризис веры в религии, человеческих обязательствах, относя сюда и традиции. В политике кризис проявляется в широкой сфере: кризис идеологии сотрудничества, чувства чести, государства, справедливости, мира, экономики и т. д. Наблюдается также кризис организаций, убеждений и ценностей, являющихся фундаментом цивилизации. J.A. Servera, исследуя последствия этого кризиса, обнаруживает разочарованность, отсутствие доверия, неудовлетворенность, психическое и моральное нездоровье не только среди граждан Запада, но также и во всех цивилизациях.

О кризисе современной цивилизации, а скорее о проблемах отношений, говорит также один из известных американских историков и политологов, профессор Института стратегических наук Гарвардского университета S. Huntington [5]. Он выдвигает тезис, что культура и религия одинаково определяют проблемы отношений в цивилизационном пространстве. Одной из причин утраты силы политики является, по мнению этого исследователя, разложение идентичности национального государства, ибо течения влияний поляризуются между почитанием роли племени и рода и глобализацией, или всемирностью. Вывод из этого тезиса можно представить следующим образом: причиной будущего конфликта не станут идеология или экономические проблемы, поскольку существует убеждение, что границы между цивилизациями будут ликвидированы, а должен произойти конфликт между цивилизациями. Автор выделяет следующие цивилизации: западную, японскую, исламскую, китайскую, индусскую, православную, южноамериканскую и африканскую. Он утверждает, что будущие конфликты удаляются от западной цивилизации в сторону других цивилизаций. Раздел на первый, второй и третий мир произойдет не по политическому и экономическому принципу, а по принципу принадлежности к культуре и религии, т. е. к конкретной цивилизации. Цивилизация является творением культуры. Народы, этнические группы, регионы, религиозные формации отличаются культурной и религиозной разнородностью.

В своей работе автор делает следующие выводы:

- 1) различия между цивилизациями реальны и очень важны;
- 2) сознание человека должно быть направлено на принадлежность к данной цивилизации;
- 3) на смену идеологическим конфликтам придут конфликты между цивилизациями;
- 4) международные отношения, контролируемые западной цивилизацией, выйдут из-под этого контроля, поскольку незападные цивилизации не хотят оставаться на втором плане;
- 5) конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, будут более частыми и бурными, нежели между группами той же цивилизации;
- 6) осью мировой политики будут отношения между западом и другими цивилизациями;
- 7) основным конфликтом в ближайшем будущем будет конфронтация между Западом и различными исламско-конфуцианскими странами.

Что касается путей выхода из вышеотмеченного кризиса, то появились различного рода советы и предложения. Например, J.A. Servera предлагает три этапа выхода из такого кризиса [4, с. 125–130].

Первый этап: политики и представители правящих кругов должны сделать шаг вперёд и обрести независимость. Автор утверждает, что следует стремиться к обретению зрелости и умению решения проблем, касающихся жизненных вопросов общества. Следует использовать в соответствии с правом процедуру устранения от власти неподходящих людей, не имеющих квалификации для занятия высоких постов и исполнения важных функций.

Второй этап: взаимодействие политики, культуры и религии. Существенным правилом, опирающимся на исторический опыт, является определение норм сотрудничества на национальном и международном уровнях. Каждый из трёх столпов (культура, религия, политика) должен иметь возможность реализации своей миссии, не задерживая развития других. К общему кризису привело и отсутствие взаимодействия между этими тремя столпами, а также их противодействие. Кризисы будут повторяться и не прекратятся, пока не наступит стабилизация структуры общества. Миссия каждого столпа из этой триады должна быть ясно определена, её осуществление должно быть обеспечено радикальным образом.

Третий этап: укрепление национального государства. J.A. Servera утверждает, что всё должно быть направлено на укрепление национальных чувств, народ должен связывать себя с государством, поддерживать идею суверенности страны.

Идентичность человека и глобализация

Наряду с понятием кризиса современной цивилизации, в литературе функционирует широко описанная другая категория, а именно, понятие глобализации. Идёт дискуссия над позитивными и негативными сторонами этого процесса. D. Lalak [10, с. 79–80] утверждает, что одновременно с глобальным развитием, благосостоянием и экономическим ростом целых обществ углубляются духовная нищета и потерянности личности. Это наибольший парадокс эпохи, которая человеческую индивидуальность освятила и вознесла превыше всех иных ценностей. В настоящий момент много говорится о утрате корней или о затерянности человека в массовой культуре – всеобщей, легко доступной, неразборчивой, открытой и благосклонной каждому, имеющей информационный характер. Автор говорит о том, что человек, не нашедший своего места в культурной системе своей среды, обречён на восприятие массовой культуры. Поглощая её творения, он насыщается только видимо и на короткий срок. Эта культура живёт не в человеке, а вне его, насыщается иллюзией и даже ложью и существует только благодаря тому, что современный человек любит быть обманутым, он ищет всё более сильных впечатлений, поскольку сознание переживания придаёт смысл жизни.

К числу важнейших проблем современного мира исследователи относят проблему идентичности человека. Z. Bauman является одним из авторов, который очень глубоко описывает данную проблему. Он утверждает, что государства утратили монополию на определение идентичности человека и кодификацию обязательств, вытекающих из лояльности. Сейчас можно искать идентичности разными путями и в различных местах, формировать общности различных уровней и размеров, без ограничений, которые сдерживали полёт фантазии и перечёркивали границы реализма политических образцов в начале новой эры [2, с. 45].

О проблеме идентичности пишут также Z. Melosik и T. Szkudlarek [9, с. 58–59]. Названные авторы полагают, что в прошлом каждая эпоха, каждое общество имели свой доминирующий тип идентичности – способ создания «я» и его общественных взаимодействий, тип, который в процессе общественных практик был нормализован,

поднят до уровня «универсального». Он становился исходным пунктом, своего рода матрицей идентичности. Во времена враждебности и войн это был тип воина, рисквавшего жизнью, защищая родину, либо рисквавшего во имя расширения империи. Во времена мира либо строительства это был тип трудящегося, работника. В свою очередь, в иные периоды и в иных местах – тип бюрократа, джентльмена, исповедника, романтика, позитивиста. Современность изменила правила игры: сегодня трудно – во всяком случае, в высокоразвитых обществах Запада – утверждать, какой тип идентичности однозначно доминирует. Авторы выделяют ряд типов идентичности:

1) глобальная прозрачная идентичность – не воспринимающая культурные различия; её чертой является восприятие через призму западной культуры общих элементов;

2) любая глобальная идентичность – её признаком является наличие элементов, позволяющих «погружение» в контекст любой культуры;

3) идентичность видимая – результат существования личности в контекстах фрагментарной действительности, опирающейся на средства массовой информации, что ведёт к отнятию законной силы значения и тем самым влияет на формирование идентичности, являющейся «ровной внешностью»;

4) идентичность типа «супермаркет» – опирающаяся на сознание свободы и свободного формирования собственной идентичности с помощью символических атрибутов;

5) идентичность, являющаяся результатом «американского» характера современности; она основывается на отождествлении с образами, приписываемыми американской культуре, такими, как новизна, свобода, открытое пространство и т. д.;

6) идентичность типа «бритва» – она является фундаментальным примером преобразования сфрагментированной идентичности в монолит, что может принимать формы религиозного фундаментализма или национализма [1, с. 32–33].

Рассматривая проблему идентичности современного человека, невозможно обойти концепцию Z. Bauman [8, с. 54–56]; он выделяет четыре «личных образца», которые должны описывать метод экспрессии собственных психических черт в бихевиоральном измерении, в особенности в отношении к другим, конституирующим общество. К таким личным образцам относятся:

1. «Гуляющий» – личность, проходящая рядом, осуществляющая интерпретацию, видящая, но не замечаемая, смешавшаяся с толпой, но не интегрированная с ней. Однако его решения и оценки не опираются на поверхностные контакты. Образец поведения «гуляющего» является творением современности и городского экзистенциализма, насыщенного анонимностью характера, чуждостью и отсутствием близости в межчеловеческих контактах. Формой прогулки может быть телевидение, где время и пространство перестают быть проблемой; похожие механизмы автор открывает в Интернете.

2. «Бродяга» – в эпоху современности он был синонимом ухода из-под контроля государственных институтов и избегания навязываемого порядка. Этот тип воспринимался неприязненно, негативно, находился в социальных низах. Сегодня «бродяга» не является опасным типом. Он «путешествует», жизнь проводит в странствии, каждое состояние души трактует как временное, не заботится об укреплении внутреннего духовного мира. Мир является для него скоплением шансов, а сам он чувствует, что должен все эти шансы использовать.

3. «Турист» – он оставляет дом в поисках впечатлений и ищет только их. Он выбирает путешествия и поэтому ощущает, что мир поддается и подчиняется ему. «Турист» не покоряется миру, который посещает. Он демонстрирует свою знаковую, своё происхождение, тогда как «бродяга» пытается эти черты замаскировать. «Турист», имея деньги, чувствует себя в новых местах в безопасности. Такая жизнь приводит к

тому, что «турист» теряет способность различать, где кончается дом и где начинается отель. «Турист» всю свою жизнь трактует как каникулы, как предмет потребления.

4. «Игрок» – его мир ограничен риском, многое зависит от самого «игрока», от того, как он себя поведёт и какие примет решения. Его жизнь является серией разнообразных сражений, причем в любой момент он может эту борьбу прекратить.

Процесс конструирования идентичности современного человека вовлечён в отношения, возникающие между отдельными личностями, а также общественными группами и большими сообществами. Индивид сразу по приходе в мир вступает во взаимодействие с окружением, на базе которого он конструирует образ собственной личности. Он ищет в себе черты, которые отличают его от других. Это, можно сказать, имманентная черта человека. Люди часто живут в условиях многокультурности, что, по мнению некоторых, затрудняет процесс конструирования идентичности личности. Многокультурность, по мнению J. Nikitorowicza [10, с. 87], является последствием развития, цивилизационного обмена опытом, более того, является защитой собственной идентичности перед лицом иных идентичностей. Таким образом, многокультурность связана:

1) с непосредственным соседством, проникновением и получением разнообразных образов, проявляющихся в языке, поведении, потреблении, бытовых и религиозных нормах, организации времени, в ценностях и кулинарных обычаях, в проведении свободного времени, праздниках и торжествах, как и в общих судьбах, традициях, символике, национальных героях, исторических переживаниях и т. п.;

2) с принадлежностью тех же самых индивидов и групп к двум либо более культурным кругам, с жизнью в общем либо похожем мире впечатлений, переживаний и символов;

3) с усиленным взаимовлиянием, порождающим перемены и модификации прежнего стиля жизни;

4) с существованием внутреннего плюрализма, с существованием взаимного осознания достоинств культур других и уважением к собственным исконным ценностям;

5) с межгрупповой коммуникацией, в рамках которой каждый чужой может перестать быть чужим, неизвестным и стать известным и узнаваемым; возбуждающий недоверие и страх может стать интересным, творческим с большими достоинствами, угрожающий и враждебный может превратиться в интересного и стимулирующего.

J. Nikitorowicz [10, с. 86] полагает, что мы имеем и будем иметь на земле поликультурные общества, в которых выступают не только различные культурные группы, но в которых сформировался культурный плюрализм, где сотрудничают с культурами национальных меньшинств и пропагандируют их, разрабатываются в соответствии с демократическими правилами программы сосуществования культур, укрепляется их этнический корень, что приводит к смягчению напряжённости на границах.

Этничность и регионализм

Рассматривая процессы, происходящие в современном мире, в современной Европе, присматриваясь к нашему контингенту как к культурной сетке значений, следует обратиться также к проблеме локальности. Этот термин используется во многих трудах, и многие исследователи затрагивают данную проблему. P. Śliwa [3, с. 209] утверждает, что, по мнению ряда учёных, прогрессирующий процесс глобализации, универсализации ценностей, как и осуществляемая в Европе интеграция, не привели к полному исключению значения территориальных ценностей. Наоборот, вторая половина XX в. – это период возрождения идеи локальности и регионализма. Оба течения предполагают ревалоризацию значения традиционных ценностей, одновременно приспособивая их к современным требованиям, а также придавая им практическую пригодность. Современное понимание идеи локальности, по мнению вышеназванного автора,

в большей мере учитывает проблемы, связанные с децентрализацией, делает упор на достоинства жизни в малых обществах и позитивные результаты введения в них самоуправления как формы осуществления власти.

Каковы источники мирового возрождения идей локальности и регионализма? W. Giełżyński [3, с. 211–212] обращает внимание, среди прочего, на:

- а) возрастающую неуправляемость больших бюрократических структур, которую можно преодолеть путём обращения к локальной креативности;
- б) угрозу природной среде, заставляющую разрабатывать программы развития;
- с) критическое отношение к организациям государств опекунского типа и возрастание веры в значение различных сообществ;
- д) упадок демократии и подчинение общества государственным организациям, связь этого процесса с централизацией решений.

Взгляды P. Śliwy и W. Giełżyńskiego разделяют и многие другие исследователи. J. Suchodolska [7, с. 27] утверждает, что традиционная концепция национального государства действительно утратила своё значение. K. Bondyga полагает, что ситуация, в результате которой процессы модернизации приводят к подрыву и происходит переосмысление роли национального государства, является чем-то новым. Прежние модернизационные усилия, по мнению этого автора, носили отпечаток националистической идеологии. Все действия в направлении осовременивания были направлены на обеспечение национальной независимости. Отражением этого была забота о создании государством канона национальной культуры. Данный канон часто создавался в ущерб региональным традициям. В настоящее же время в результате политической трансформации и прогрессирующей военной, экономической, культурной и информационной глобализации изменяется роль государства как субъекта власти, контроля, опеки и организации общественной жизни. Данные изменения позиции государства являются результатом различных тенденций – как сознательных и продуманных действий, так и не вполне контролируемых процессов.

Что же ожидает в будущем интегрирующуюся Европу? Как ей удастся справиться с многокультурностью европейских государств? Не станут ли препятствием развития этнических культур процессы интеграции, а следовательно, своего рода унификации, по крайней мере, частичной, в рамках Европейского Союза? M. Jagiełło [10, с. 58] также размышляет об этом и выдвигает тезис о том, что современный мир всё более часто будет принуждать формировать двойную либо даже тройную идентичность. Уже в настоящий момент в Европе мы имеем дело не только с возрастанием региональных особенностей. Автор считает, что сознание того, что мы все исходим «откуда-то», что наша родная культура оказывала влияние на соседей, а культуры соседей наложили и накладывают отпечаток на нашу культуру, должно спасти Европу от сепаратизма, который в крайних случаях мог переродиться в постоянную враждебность и даже в какие-то новые племенные сражения.

В объединяющейся Европе возникают еврорегионы, в которых функционируют сообщества людей различных культур и народов. Проблему их идентификации и идентичности затрагивает R. Suchocka [3, с. 32]. Она утверждает, что ощущение еврорегиональной идентификации возрастает, но оно не должно быть в оппозиции к национальным идентичностям, напротив, давая ощущение укоренённости и принадлежности к личной родине, еврорегиональная идентификация может давать обществу реальный, а не абстрактный характер. Более того, уменьшение дистанции между членами разных народов, которая имеет место в еврорегионах, как и рождающиеся, несмотря на национальные разделения, идентичности совместно формируют национальные идентичности, делая их более открытыми. Национальные идентификации в большей степени концентрируются на учёте общности традиции и истории, нежели на заимствовании этниче-

ских, религиозных, языковых или бытовых различий. R. Suchoska считает, что в евро-регионах успешно формируется уважительное отношение к этничности, и, что особенно важно, этничность не является здесь решающим фактором для личностей и групп, не является критерием включения в систему рынков труда, обуславливающим доступ к общественно ценным благам, которые включают также возможность культурной экспрессии и право на пропаганду собственной культуры.

Выводы

Восприятие многокультурности и многонациональности европейских государств как ценности, а не как угрозы, может помочь выходу из кризиса, в котором находится современная Европа. Более того, множественность культур и народов может стать импликацией развития европейской цивилизации. Борьба с сепаратизмом и стереотипами, отсутствие универсальных притязаний в международной политике обеспечат жителям Европы чувство безопасности и укоренённости в собственной культуре. Поэтому следует работать в целях поддержки идей локальности и регионализма, поддерживать идентичность национальных меньшинств, заботиться о том, чтобы современная европейская цивилизация не утратила своих исторических и культурно-этнических достижений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bajkowski, T. Tożsamość osobowa a tożsamości społeczne – wyzwania dla edukacji XXI wieku / T. Bajkowski, Sawicki, K. (red.). – Białystok : Trans Humana, 2001.
2. Bauman, Z. Od plemion do narodów / Z. Bauman // Przegląd Polityczny. – 1993. – № 26.
3. Bondyra, K. Odmiany polskich tożsamości / K. Bondyra. – Poznań : Wydawnictwo Fundacji Humaniora, 2002.
4. Cervera, J. A. Zagrożenia cywilizacji XX wieku / J. A. Cervera. – Wrocław : Nortom, 1999.
5. Huntington, S. Zderzenie cywilizacji / S. Huntington. – Warszawa : Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza, 1998.
6. Kojs, W. Wartości – Edukacja – Globalizacja / W. Kojs. – Cieszyn : Uniwersytet Śląski Filia w Cieszynie, 2002.
7. Lewowicki, T. Problemy pogranicza i edukacja / T. Lewowicki, E. Ogrodzka-Mazur. – Cieszyn : Uniwersytet Śląski Filia w Cieszynie, 1998.
8. Mamzer, H. Tożsamość w podróży. Wielokulturowość a kształtowanie tożsamości jednostki / H. Mamzer. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2002.
9. Melosik, Z. Kultura, tożsamość i edukacja – migotanie znaczeń / Z. Melosik, T. Szkudlarek. – Kraków : Impuls, 1998.
10. O potrzebie dialogu kultur i ludzi / red. T. Pilch. – Warszawa : Wydaw. Akademickie «Żak», 2000.

Krzysztofik E. Importance of ethnic culture in the European civilization

The text presents the shape of modern European civilization on the historical and cultural plane. The areas of crisis of European civilization have been discussed. The identity of the contemporary man in the face of globalization processes has been described. The issues of ethnicity and regionalism as the chance of overcoming the crisis have been raised.

УДК 796.0

Л.В. Шукевич, А.А. Зданевич, И.В. Будовец

СКОРОСТНЫЕ И СКОРОСТНО-СИЛОВЫЕ СПОСОБНОСТИ И ИХ ОЦЕНКА В ПРАКТИКЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье рассматриваются показатели скоростных и скоростно-силовых способностей у школьников 6–17 лет. Изучены возрастные особенности динамики показателей скоростных (на примере бега на 30 м) и скоростно-силовых способностей у школьников младшего, среднего, старшего школьного возраста.

Определены уровень и темпы развития скоростных и скоростно-силовых способностей у школьников в возрасте 6–17 лет. Проведенное исследование позволило определить возрастные зоны наиболее выраженного и менее заметного роста скоростных и скоростно-силовых способностей.

Установлено, что на протяжении одиннадцати лет в развитии каждой способности (скоростной и скоростно-силовой) отмечается от двух до трех сенситивных зон. Большинство чувствительных периодов в развитии скоростных и скоростно-силовых способностей приходится на младший и подростковый возраст.

Введение

В настоящее время всё возрастающее внимание уделяется развитию скоростно-силовых способностей у детей школьного возраста. Под ними понимается способность человека к проявлению предельных или около предельных усилий в кратчайший промежуток времени при сохранении оптимальной амплитуды движений. Скоростно-силовые способности в настоящее время рассматриваются не как производное от силы и быстроты, а как самостоятельное двигательное качество человека, требующее адекватных, присущих ему средств и методов развития. Но несмотря на это, они тесно связаны друг с другом. Недостаточное развитие силы или быстроты ограничивает наиболее полное проявление скоростно-силовых способностей [1, с. 103].

Выявление закономерностей развития скоростно-силовых способностей имеет особо важное значение в возрастном аспекте, так как уже в детском и юношеском возрасте формируется двигательный анализатор, закладывается фундамент будущих спортивных достижений.

В ряде исследований выявлена динамика развития скоростных и скоростно-силовых способностей школьников, определены периоды наиболее интенсивного и замедленного роста этих показателей.

Следует отметить, что вопросы, связанные с развитием физических качеств, освещены в литературе широко. Однако, несмотря на большое значение этих работ, их еще явно недостаточно для решения в целом проблемы развития скоростно-силовых и скоростных способностей школьников в связи с тем, что увеличилось количество уроков физической культуры в общеобразовательных учреждениях (три раза в неделю, а более ранние исследования проводились на уроках два раза в неделю). Кроме этого следует учитывать введение новых школьных программ по физической культуре в общеобразовательных учреждениях с 12-летним сроком обучения. Все это требует дальнейших исследований.

Цель работы

Выявление особенностей развития скоростных, скоростно-силовых способностей и уточнение возрастных зон наибольших изменений этих способностей у детей

6–17 лет, обучающихся по новым школьным программам по предмету «Физическая культура и здоровье», при трехразовых занятиях в неделю.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- изучить особенности динамики показателей скоростных и скоростно-силовых способностей учащихся младшего, среднего и старшего школьного возраста в зависимости от их возраста и пола;
- определить уровень и темпы развития скоростных и скоростно-силовых способностей школьников младшего, среднего и старшего школьного возраста;
- оценить полученные результаты по 10-балльной шкале.

Методы и организация исследования

Для проведения запланированного исследования использовались методы, адекватные его задачам и логике:

– изучение и анализ научно-методической литературы, что позволило выяснить степень теоретического и практического состояния изучаемой проблемы, получить ответы на интересующие нас вопросы, сформулировать рабочую гипотезу, цель, задачи исследования, определить методы их решения;

– педагогические наблюдения и анализ двигательной деятельности школьников, которые проводились на уроках по физической культуре в младших, средних и старших классах. Выяснились возможности школьников выполнять прыжок в длину с места и выполнять бег на 30 м, уточнилось наличие интереса у детей к этому виду деятельности, учитывалась двигательная активность и адаптация детей к физическим нагрузкам;

– констатирующий эксперимент с использованием педагогического тестирования, включавший исследование показателей прыжка в длину с места и бега на 30 м у школьников 6–17 лет;

– математико-статистический анализ экспериментальных данных, проводившийся согласно принятым математико-статистическим методам. При расчёте основных характеристик экспериментальных данных применялись обычные методы статистической обработки: нахождение средних арифметических величин, дисперсий, среднего квадратического отклонения, а также вычисление величины t-критерия Стьюдента.

Базой для решения исследовательских задач была выбрана средняя общеобразовательная школа № 7 г. Бреста.

Поскольку решения каждой из задач имели свои особенности, исследования были проведены в два этапа. Каждый из них включал проведение экспериментальной работы, позволяющей решать ту или иную задачу исследования. Всего в эксперименте приняли участие 246 школьниц и 301 школьник различного возраста и степени подготовленности.

Результаты исследования и их обсуждение

Высокий уровень развития скоростных, скоростно-силовых способностей положительно сказывается на физической подготовленности школьников, на их способности к концентрации усилий в пространстве и во времени.

Скоростные способности школьников и школьниц в возрасте 6–17 лет изучались на примере бега на 30 м, скоростно-силовые – прыжка в длину с места.

Как показали исследования, уровень скоростных способностей постепенно повышается на протяжении всего школьного периода (таблица 1).

Таблица 1 – Возрастная динамика развития скоростных способностей у мальчиков и юношей в беге на 30 м

Возраст, лет	x	δ	Абсолютная разница (с)	Относительная разница (%)	t	p	Рост результатов (%) по отношению к 6–7-летним
6–7	6,97	0,50	–	–	–	–	100,0
7–8	6,57	0,40	0,40	5,73	3,950	< 0,01	94,2
8–9	6,30	0,31	0,27	4,10	3,374	< 0,05	90,3
9–10	6,00	0,45	0,30	4,76	3,472	< 0,05	86,0
10–11	5,80	0,39	0,20	3,33	2,124	< 0,05	83,2
11–12	5,70	0,43	0,10	1,72	1,089	> 0,05	81,7
12–13	5,60	0,33	0,10	1,75	1,166	> 0,05	80,3
13–14	5,40	0,38	0,20	3,57	2,513	< 0,05	77,4
14–15	5,30	0,44	0,10	1,85	1,087	> 0,05	76,0
15–16	5,10	0,51	0,20	3,77	1,877	> 0,05	73,1
16–17	5,00	0,42	0,10	1,96	0,938	> 0,05	71,7

В ходе исследований выявилась возрастная динамика развития скоростных способностей девочек и девушек (таблица 2).

Таблица 2 – Возрастная динамика развития скоростных способностей у девочек и девушек в беге на 30 м

Возраст, лет	x	δ	Абсолютная разница (с)	Относительная разница (%)	t	p	Рост результатов (%) по отношению к 6–7-летним
6–7	7,10	0,57	–	–	–	–	100,0
7–8	6,86	0,51	0,24	3,38	2,101	< 0,05	96,6
8–9	6,61	0,48	0,25	3,64	4,643	< 0,01	93,0
9–10	6,30	0,47	0,31	4,68	4,122	< 0,01	88,7
10–11	6,10	0,31	0,20	3,17	2,380	< 0,05	85,9
11–12	5,90	0,42	0,20	3,27	2,420	< 0,05	83,0
12–13	5,70	0,50	0,20	3,38	1,937	> 0,05	80,2
13–14	5,60	0,48	0,10	1,75	0,912	> 0,05	78,8
14–15	5,50	0,46	0,10	1,78	0,951	> 0,05	77,4
15–16	5,60	0,38	0,10	1,81	1,059	> 0,05	78,8
16–17	5,70	0,42	0,10	1,78	–0,679	> 0,05	–80,2

У школьников результаты в беге на 30 м от 6–7 до 16–17 лет улучшаются на 28,3%. Изменение результатов происходит неравномерно. Так, в период с 6–7 до 7–8 лет они улучшаются на 5,73%, от 7–8 до 9–10 лет – в пределах 4,10–4,76%. В последующие возрастные периоды среднегодовой прирост уменьшается от 3,77 до 1,72%.

Таким образом, очевидно, что спортивные способности школьников (мальчиков и юношей) повышаются на всем протяжении изучаемого школьного возрастного

периода, кроме 16–17 лет, однако в наибольшей степени в период младшего школьного возраста.

Как показали исследования, уровень развития скоростных способностей у школьников повышается с 6–7 до 16–17 лет, достигая максимума к 14–15 годам. После 15–16 лет имеет место некоторое снижение результатов. У девушек 16–17 лет показатели ниже, чем в 14–15 лет. Темпы роста скоростных способностей в разные возрастные периоды различны. Более высокие отмечаются у девочек в младшем и в среднем школьном возрасте в период с 10–11 и 11–12 лет.

Таким образом, проведенное исследование позволило определить возрастные зоны наиболее выраженного и менее заметного роста скоростных способностей школьников и школьников.

Нас интересовал и весьма актуальный вопрос: «Отвечает ли уровень скоростной подготовленности уровню требований, предлагаемых школьной программой по физической культуре с 12-летним сроком обучения?».

Аттестация учащихся на ступенях общего среднего образования осуществляется на основе десятибалльной системы оценки результатов физической подготовленности.

Сопоставляя результаты школьников, полученные в беге на 30 м по 10-балльной шкале оценки, можно констатировать, что девочки первого класса не достигают результатов, которые соответствовали бы 10, 9 и 8 баллам (таблица 3).

Не высокий процент первоклассниц отмечен оценками в 7, 6, 5 баллов. Большинство результатов соответствует 4, 3, 2, 1 баллам.

Следует отметить и тот факт, что школьницы и в последующие годы обучения не приближаются к оценкам 9, 10 баллов, исключением является лишь возраст 9–10 лет (четвертый класс) и 13–14 лет (восьмой класс). В большинстве своем результаты располагаются в пределах оценок от 2 до 6.

Таблица 3 – Процентное соотношение оценок по результатам бега на 30 м у школьников

Возраст, лет	Балл									
	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
6–7	0	0	0	13,6	9,0	18,2	18,2	18,2	13,6	9,2
7–8	0	0	8,7	8,7	13,0	17,4	17,4	17,4	8,7	8,7
8–9	0	0	4,8	19,0	14,3	14,3	14,3	14,3	9,5	9,5
9–10	8	12	24	16	12	4	8	8	8	0
10–11	0	0	5	20	30	20	25	0	0	0
11–12	0	0	5	10	30	30	15	5	5	0
12–13	0	0	10	15	15	20	25	10	5	0
13–14	4,8	9,5	19,1	19,1	14,2	9,5	14,2	4,8	4,8	0
14–15	0	0	8	24	32	20	12	4	0	0
15–16	0	0	4	8	24	32	24	8	0	0
16–17	0	0	0	16,2	25,4	30,0	20,0	4,2	4,2	0

Рассматривая процентное соотношение оценок по результатам бега на 30 м у школьников в соответствии с 10-балльной системой (таблица 4), высокие результаты, которые соответствуют оценкам 10, 9, 8 баллов, можно отметить у мальчиков среднего школьного возраста, а также у мальчиков в возрасте 9–10 лет (младший школьный возраст). Во всех остальных возрастных периодах оценки школьников ниже.

Таблица 4 – Процентное соотношение оценок по результатам бега на 30 м у школьников

Возраст, лет	Балл									
	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
6–7	0	0	0	17,9	14,3	17,9	14,3	14,3	14,3	7,0
7–8	0	0	3,6	10,8	14,2	21,4	14,2	17,8	7,2	3,6
8–9	0	0	10,0	13,4	10,0	16,6	16,6	13,4	13,4	6,6
9–10	16,0	12,0	12,0	16,0	12,0	12,0	12,0	4,0	4,0	0
10–11	5,8	5,8	11,8	14,8	23,5	20,5	14,8	0	0	3,0
11–12	9,7	12,9	9,7	16,4	32,0	9,7	3,2	3,2	0	3,2
12–13	6,2	9,7	12,5	21,8	21,8	12,5	6,2	3,1	3,1	3,1
13–14	6,9	6,9	6,9	20,7	10,3	20,7	6,9	6,9	6,9	6,9
14–15	9,6	9,6	14,2	14,2	9,6	14,2	14,2	4,8	4,8	4,8
15–16	0	5	5	10	30	25	10	5	5	5
16–17	0	4,2	8,4	20,6	25	25	8,4	4,2	4,2	0

В процессе исследования была прослежена возрастная динамика развития скоростно-силовых способностей школьников 6–17 лет.

Анализ полученных результатов показал, что уровень развития скоростно-силовых способностей (на примере прыжка в длину с места) школьников 6–17 лет от года к году улучшается (таблица 5).

Таблица 5 – Возрастная динамика развития скоростно-силовых способностей у мальчиков и юношей в прыжках в длину с места

Возраст, лет	x	δ	Абсолютная разница (с)	Относительная разница (%)	t	p	Рост резуль- татов (%) по отношению к 6–7 летним
6–7	119,5	14,30	–	–	–	–	100,0
7–8	124,0	12,80	1,5	1,26	0,574	> 0,05	103,7
8–9	131,0	13,60	7,0	5,64	2,574	< 0,05	109,6
9–10	142,0	11,09	11,0	8,39	7,348	< 0,05	118,8
10–11	151,7	16,03	9,7	6,83	3,656	< 0,05	126,9
11–12	160,3	14,12	8,6	5,66	2,958	< 0,05	134,1
12–13	168,1	13,06	7,8	4,86	2,908	< 0,05	140,6
13–14	180,0	10,88	11,9	7,07	5,144	< 0,01	150,6
14–15	194,5	13,21	14,5	8,05	6,226	< 0,01	162,7
15–16	208,0	12,31	13,5	6,94	5,494	< 0,01	174,0
16–17	224,5	17,15	16,5	7,93	5,743	< 0,01	187,8

Наиболее интенсивные темпы роста показателей скоростно-силовых способностей наблюдаются у мальчиков в младшем школьном возрасте – в 9–10 лет, в среднем школьном возрасте – в 13–14 и 14–15 лет, в старшем школьном возрасте – в 16–17 лет. Результаты прыжков в длину с места за весь период обучения детей в школе улучшаются на 87,8%.

Обобщая данные исследований, можно констатировать следующее. Для детей школьного возраста закономерным является повышение быстроты движений в онтогенезе. Достаточно высокие темпы развития скоростных способностей детей в школьные годы объяснимы высокой пластичностью их организма, подвижностью нервных процессов. Следует отметить, что скоростные способности у школьниц развиты недостаточно. Для того чтобы обеспечить поступательное улучшение скоростных способностей учащихся, чрезвычайно важно правильно планировать и осуществлять выполнение упражнений скоростного характера.

В ходе эксперимента выявилась возрастная динамика развития скоростно-силовых способностей у девочек и девушек (таблица 6).

Анализируя полученные данные, можно констатировать повышение уровня развития скоростно-силовых способностей у школьниц от года к году и достижение наивысших результатов в возрасте 14–15 лет. Показатели темпов роста скоростно-силовых способностей в разные возрастные периоды находятся в пределах 5,8–9,5 см, наименьшие наблюдаются в старшем школьном возрасте – 0,6–2,0 см.

Рост результатов у школьниц по отношению к 6–7-летним за весь школьный период увеличивается на 52,9%: это намного ниже, чем у школьников (87,8%).

Таблица 6 – Возрастная динамика развития скоростно-силовых способностей у девочек и девушек в прыжке в длину с места

Возраст, лет	x	δ	Абсолютная разница (с)	Относительная разница (%)	t	p	Рост результатов (%) по отношению к 6–7-летним
6–7	113,0	10,3	–	–	–	–	100,0
7–8	120,5	11,2	7,5	6,63	3,117	< 0,05	106,6
8–9	130,0	10,2	9,5	7,88	3,966	< 0,05	115,0
9–10	136,8	11,3	6,8	5,23	2,825	< 0,05	121,0
10–11	143,6	12,0	6,8	4,97	2,609	< 0,05	127,0
11–12	151,2	12,8	7,6	5,29	2,739	< 0,05	133,8
12–13	157,0	13,1	5,8	3,83	2,002	< 0,05	138,9
13–14	164,0	13,5	7,0	4,45	2,434	< 0,05	145,1
14–15	170,2	14,1	6,2	3,78	2,008	< 0,05	150,6
15–16	172,2	12,3	2,0	1,17	0,105	> 0,05	152,3
16–17	172,8	12,8	0,6	0,34	0,213	> 0,05	152,9

Рассмотрим оценку школьниц в прыжке в длину с места (таблица 7). Сопоставляя их результаты по 10-балльной шкале оценки, можно констатировать, что школьницы ни в одном возрасте не достигли показателей, которые соответствовали бы 10 баллам. Незначительный процент результатов по прыжкам в длину с места соответствует и 9-балльной отметке. Это наблюдается в 8–9 лет (14,3%); в 12–13 лет (5,0%); 13–14 лет (4,8%) и в 14–15 лет (16,0%). Невысок процентный показатель, который соответствует оценке в 7 баллов. В основном результаты расположились в пределах 4–6 баллов. Но следует обратить внимание и на такой факт, что многие школьницы, особенно в младшем школьном возрасте, а также в среднем школьном возрасте в 10–11 лет имеют значительный процент результатов низкого уровня, находящихся в пределах 1–3 баллов. Таким образом, имеются достаточные основания утверждать, что на уроках физической

культуры и здоровья в значительной мере следует уделять внимание как формированию двигательных навыков, так и развитию физических способностей детей. Доминирующая роль в учебном процессе должна отводиться физической подготовке.

Таблица 7 – Процентное соотношение оценок по результатам прыжков в длину с места у школьников

Возраст, лет	Класс	n	Балл									
			10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
6–7	1	22	0	0	4,6	9,0	27,3	36,3	9,0	4,6	4,6	4,6
7–8	2	23	0	0	0	0	8,6	43,6	21,7	21,7	4,4	0
8–9	3	21	0	14,3	0	0	14,3	19,0	4,8	23,8	4,8	19,0
9–10	4	25	0	0	0	0	24,0	40,0	12,0	4,0	16,0	4,0
10–11	5	20	0	0	0	20,0	15,0	10,0	15,0	0	15,0	25,0
11–12	6	20	0	0	0	25,0	40,0	25,0	10,0	0	0	0
12–13	7	20	0	5,0	10,0	25,0	40,0	10,0	10,0	0	0	0
13–14	8	21	0	4,8	14,3	19,0	33,3	19,0	4,8	4,8	0	0
14–15	9	25	0	16,0	0	36,0	0	0	32,0	0	0	16,0
15–16	10	25	0	0	4,0	12,0	20,0	44,0	16,0	4,0	0	0
16–17	11	24	0	0	5,0	8,3	16,5	33,0	16,5	12,4	8,3	0

Рассматривая процентное распределение оценок по результатам прыжка в длину с места у школьников в соответствии с 10-балльной шкалой оценок, можно констатировать также невысокий процент результатов, которые соответствуют оценкам 10, 9, 8 баллов (таблица 8).

Таблица 8 – Процентное соотношение оценок по результатам прыжка в длину с места у школьников

Возраст, лет	Класс	n	Балл									
			10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
6–7	1	28	0	0	0	10,7	12,3	16,3	14,3	21,4	14,3	10,7
7–8	2	28	0	0	0	0	0	6,0	15,2	17,5	28,6	32,4
8–9	3	30	6,6	0	20,0	10,1	3,3	16,6	20,0	10,1	0	13,3
9–10	4	24	0	0	8,2	8,2	12,4	12,4	21,2	21,2	8,2	8,2
10–11	5	34	8,9	8,9	8,9	0	11,8	11,8	11,8	8,9	14,5	14,5
11–12	6	31	0	0	6,5	9,7	9,7	16,1	25,8	16,1	9,6	6,5
12–13	7	32	3,2	6,3	12,5	12,5	9,3	9,3	12,5	18,8	9,3	6,3
13–14	8	29	0	0	3,4	0	10,3	17,3	13,8	13,8	24,1	17,3
14–15	9	21	5,0	5,0	8,2	12,0	12,0	16,1	16,1	5,0	20,6	0
15–16	10	20	5,0	0	12,4	8,2	5,0	32,2	12,4	12,4	12,4	0
16–17	11	24	0	0	4,2	16,8	28,7	20,5	13,0	8,4	4,2	4,2

Так, только у 6,6% мальчиков в возрасте 8–9 лет, 8,9% – в 10–11 лет, 3,2% – в 12–13 лет, 5,0% – в 14–15 лет и 5,0% у юношей 15–16 лет результаты равны оценке 10 баллов.

Таким образом, проведенное исследование показывает зависимость результатов двигательной деятельности детей (бег на 30 м и прыжок в длину с места) от степени их биологического развития.

Следовательно, гетерохронность развития двигательных способностей (в частности скоростных и скоростно-силовых) должна в большей мере учитываться в процессе физического воспитания в общеобразовательных учреждениях.

Заключение

Исследование возрастного развития скоростных и скоростно-силовых способностей свидетельствует о том, что возрастное развитие вышеупомянутых способностей у школьников и школьниц подчинено общим закономерностям, которые характеризуются наличием «критических периодов» на отдельных этапах возрастного развития.

Полученные данные согласуются с ранее проведенными исследованиями по изучению закономерностей возрастного развития скоростных и скоростно-силовых способностей. На протяжении одиннадцати лет в развитии каждой способности (скоростной и скоростно-силовой) отмечается от двух до трех сенситивных зон. Большинство достоверных различий физических (скоростных и скоростно-силовых) способностей приходится на младший и подростковый возраст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Физическое воспитание в I – IV классах общеобразовательной школы: для школ с белорус. и рус. яз. обучения / Е. Н. Ворсин [и др.] ; под общ. ред. Е. Н. Ворсина. – Минск : ПКИП «Асор», 1995. – С. 103.

Shukevich L.V., Zdanevich A.A., Budovetz I.V. High-speed both explosive force abilities and their estimation in practice of physical training of general educational exercises

In article parameters of high-speed and explosive force abilities at schoolboys of 6–17 years are considered. Age features of changes of parameters high-speed (are investigated by the example of run on 30 m) and explosive force abilities at schoolboys of younger, average, senior school age.

The level and rates of development of high-speed and explosive force abilities at schoolboys in the age of 6–17 years are determined. The carried out research has allowed determining age zones of the most expressed and less appreciable growth of high-speed and explosive force abilities.

It is established, that during eleven years in development of each ability (high-speed and explosive force) it is marked from two three sensitive zones. The majority of the sensitive periods in development of high-speed and explosive force abilities falls at younger and teenage age.

Certification of pupils of a level of development of parameters of high-speed and explosive force abilities is carried out on the basis of ten-mark system of an estimation of results of physical readiness.

УДК 377

Е.И. Якуш

ОЦЕНОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАСТЕРА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ВХОЖДЕНИЯ В ПРОФЕССИЮ

Поскольку учащиеся приходят в учебное заведение с разным отношением к профессии и с разным пониманием собственных способностей, важных для данного вида труда, постольку и оценка их со стороны педагогов, прежде всего по критерию успеваемости и отношения к общеобразовательным предметам, имеет разное значение и неодинаково влияет на их профессиональное становление. На основе теоретического анализа литературных источников и результатов опытно-экспериментальной работы автор показал разнообразие ситуаций процесса профессионального становления учащихся, выбирающих вариант обучения в профессиональном училище, выявил существенные изменения, которые происходят в мотивации подростков по мере вхождения их в профессию и становления их самосознания как субъектов профессионального труда, а также описал множество факторов, влияющих на процесс профессионального развития будущих рабочих.

Введение

Происходящие социально-экономические преобразования в стране, постоянный рост научно-технической информации, реорганизация производства, активное внедрение новых технологий приводят к жесткой кадровой конкуренции на рынке труда и предъявляют принципиально новые требования к системе подготовки молодых специалистов как в общеобразовательном, так и в профессиональном плане. Поэтому проблема исследования различных аспектов процесса становления молодого специалиста на современном этапе приобретает особую актуальность.

Сегодня, наряду с процессом профессионального обучения, значительную роль приобретает процесс воспитания, поскольку перед профессиональным образованием стоит задача подготовить не только грамотного исполнителя, но прежде всего специалиста, стремящегося к профессиональному, личностному росту и развитию. В связи с этим одной из приоритетных задач общества является создание условий для наиболее полного профессионального становления и самореализации личности как в процессе овладения профессией, так и на протяжении всей трудовой деятельности.

Успешность и эффективность обучения и воспитания в учреждениях профессионального образования во многом определяются не только уровнем усвоения знаний, но и сформированностью профессиональной направленности. Поскольку молодежь, поступающая в учреждения ПТО, имеет невысокий уровень сформированной профессиональной направленности, необходим поиск новых направлений работы с учащимися, использование внутренних резервов личности, социально-психологических и педагогических возможностей образовательных учреждений нового типа (введение новых учебных дисциплин, наличие интегрированных специальностей, обеспечение непрерывности в овладении ступенями профессионального образования).

Теоретический анализ литературных источников и изучение опыта воспитательной деятельности в профессионально-технических училищах республики показали значительное разнообразие ситуаций в процессе профессионального самоопределения

Научный руководитель – Ж.Е. Завадская, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка

и развития учащихся, определяющих вариант обучения в профессиональном училище. Выявились существенные изменения, которые происходят в мотивации воспитанников по мере вхождения в профессию и становления их самосознания как субъектов профессионального труда, а также значительное разнообразие факторов, влияющих на процесс профессионального развития будущих рабочих. Среди них особую роль играет выраженность индивидуального своеобразия каждого из учеников, индивидуальность мастера производственного обучения, ценностно-ориентационное единство учебной группы. Взаимодействие этих трех субъектов воспитания происходит на фоне разнонаправленных отношений в педагогическом коллективе и, более опосредованно, в социальном окружении молодого человека. Все это в совокупности образует многоуровневую сложноорганизованную ситуацию, управление которой во многом обеспечивается квалифицированной оценочной деятельностью мастера производственного обучения.

Организация оценочной деятельности мастера производственного обучения в процессе формирования профессиональной направленности учащихся

Первые дни обучения в училище особенно значимы для большинства учащихся. Многие из них воспринимают переход в новое учебное заведение как возможность утвердить себя в ближайшем окружении и в собственном мнении. Поэтому учащиеся с первых дней стараются проявить себя, приложить определенные усилия при ликвидации пробелов в учебном материале, создать к себе положительное отношение. Поддержка этих стараний на первом этапе обучения должна стать предметом тактической оценки и педагогической поддержки мастера производственного обучения, который становится для первокурсников главной фигурой, воплощающей требования нового учебного заведения и оценивающей их по определенным критериям.

Особенность воспитательной деятельности мастера в том, что ее сложно разделить на этапы. От первых минут встречи с первокурсниками часто зависит построение дальнейших взаимоотношений с ними, поскольку сразу вступают в действие главные инструменты воспитания: требования воспитателя и критерии его оценки – некие перспективные оценочные эталоны, соответствовать которым предлагается новичкам. При этом требования и критерии выдвигаются с обеих сторон – и мастером, и учащимися. Содержание и динамика этих требований и оценок составляет суть развития взаимоотношений между всеми субъектами образовательного процесса и является психологическим механизмом индивидуализации педагогического влияния. Поэтому так важна система требований к учащимся, выдвигаемых мастером уже на первом собрании. Традиционно в систему такого рода требований включается отношение к учебе, к работе, к окружающим, дисциплинированность, позже – уровень достижений, успеваемость. Важно, чтобы сюда включались и требования к личностным качествам: старательность, волевое усилие, стремление достичь значимой цели. Именно в первые дни особое значение приобретает стимулирующая стратегия во взаимоотношениях с воспитанником, причем активно, «профилактически» поощряющая усилия его и в обучении, и в самовоспитании.

Изучение опыта профессионального воспитания в ряде училищ республики (г. Брест, г. Минск) показало, что если оценке качества результатов труда мастера уделяют определенное внимание, то затраченные при этом усилия и проявленные качества учащихся оцениваются очень редко. В частности, в выборе одного из вариантов ответа первокурсников на вопрос: «За что Вас обычно хвалит мастер?» (за качество работы, за старательность и дисциплинированность, за смекалку и сообразительность, вообще не хвалит, затрудняюсь ответить) из 186 опрошенных 19% отметили вариант «качество работы», 16% – старательность, 2% – смекалку, 7% выбрали формулировку «вообще не хвалит», а 4% затруднились ответить. Сопоставление полученных результатов с реаль-

ными наблюдениями за деятельностью мастеров показало, что за качество работы мастер хвалит, в основном, старательных-высокорезультативных учащихся, за исполнительность – старательных-низкорезультативных. Средние по результативности деятельности учащиеся чаще всего критикуются, хотя именно они, как показывает динамика их отношения к работе, особенно нуждаются в поддерживающей оценке мастера.

Снижение старательности учащихся в обучении наблюдается уже к началу второго месяца. Предметом внимания опытных мастеров в это время становится выяснение причин снижения старательности учащихся и оказание им помощи в преодолении низкой мотивированности, безволия, лени.

В зарубежной психологии большое внимание уделяется изучению и формированию мотивации достижения. Исследователи показали, что если опыт субъекта убеждает его в том, что его усилия никак не влияют на ход событий, не приводят к успеху, у него формируется так называемая выученная беспомощность. Для нее характерно торможение попыток активного вмешательства в ситуацию, худшая обучаемость в случаях, которые прежде уже вызывали неудачу, подавленное состояние из-за бесплодности усилий и действий [1].

Поскольку в раннем юношеском возрасте важнейшая потребность – утвердить себя в кругу сверстников, построить свою положительную самооценку на реальных способностях, то снижение мотивации достижения в труде и учебе ведет к активности его в других сферах деятельности, порождая проблемы дисциплинированности и успеваемости.

Развитие волевой регуляции поведения и деятельности – одна из наиболее сложных проблем воспитания. Производственное обучение, с этой точки зрения, обладает наибольшими возможностями. При внимательном отношении к учащемуся ему можно показать связь между волевым усилием и определенным, пусть небольшим результатом: преодолел себя, не поленился – и уже выше качество, больше можешь, по-иному имеешь возможность ценить себя, взглянуть на свои силы, ощутить свое достоинство, независимость, основанные на равноправии и уважении к мастерству, а не на самоутверждении через протестные формы поведения. Такого рода оценочные суждения требуют сосредоточенности внимания мастера не на детали, которую обрабатывает ученик, а на его усилиях, старании, быстрой отвлекаемости, утомляемости. В последних случаях необходима оценка усилий учащегося на коротких временных промежутках. Быстроутомляемых учеников важно убедить в том, что труд требует такой же тренировки физической устойчивости, как и для достижений в спорте.

По проведенным наблюдениям в большинстве своем мастера на заключительном инструктаже почти не обращают внимания на анализ личностных качеств, которые помогли отдельным учащимся получить более высокий результат. Отсутствуют и рекомендации мастера, как снять усталость в монотонной или напряженной работе с помощью небольших физических упражнений, дыхательной гимнастики, движений пальцами рук или ног и т. д. Между тем, такие советы учащимся важны не только для снятия утомления на практике или на уроке, но и для показа подросткам того, что их затруднение, утомление понимается мастером, учитывается как объективное обстоятельство.

Ситуативная оценка на уроке необходима, но не достаточна для развития самосознания и саморегуляции юноши. Ее эффективность незначительна, если нет помощи в формировании жизненных целей и перспектив тем, у кого они отсутствуют или неопределенны. Обсуждение с учащимися значения преодоления трудностей ради достижения желаемого, соотношения целей и средств их достижения – тема, которая в разных вариантах и формах должна быть обсуждаема и в группе, и в индивидуальной работе. И особое значение имеет доверительность, неформальность общения.

Работа в этом направлении сложна по многим причинам и прежде всего потому,

что у большинства первокурсников либо отсутствует четкое представление о своем будущем, либо имеющиеся цели довольно примитивны. В силу преобладания у них мотивации избегания неудач, отношение к жизни строится по пассивному варианту – «как получится», «как буду учиться», «смотря какой будет разряд», «как сложатся обстоятельства», «там видно будет» и т. п. В этих случаях особенно важно формировать у молодых людей уверенность в том, что будет так, как они захотят, к достижению какой цели будут стремиться, что цели впоследствии могут и поменяться, но «мускулы души» – воля, уверенность в своих силах останутся и помогут добиться желаемого в изменившихся обстоятельствах. Для неуверенных в себе учащихся внушение через одобрение и положительную оценку важно как ситуация понимания их проблем. Здесь не может быть каких-то конкретных рецептов, но общим является требование выхода за пределы сегодняшнего дня и эгоцентрической позиции молодого человека, опора не только на мотивы деятельности, но и на ценности личности.

Профессиональные ценности должны осознаваться учащимися как жизненные ориентиры, в соответствии с которыми выбираются цели, строятся планы, сила которых питает положительные эмоции от преодоления себя и жизненных обстоятельств. Беседы мастера о духовных потребностях человека и его ценностях, об иерархии ценностей известных людей помогают воспитанникам разобраться в собственной системе ценностей.

Надо отметить, что само по себе формирование профессиональной направленности, изменения в иерархии его ценностей – процесс долговременный. На него влияет множество факторов. Мастер производственного обучения, как и в целом педагогическая среда, является одним из таких факторов. Его значение тем выше, чем больший эмоциональный, психологический комфорт создается им в коллективе воспитанников. Мастер может влиять на иерархию ценностей учащегося лишь в том случае, если с отдельным учащимся или с группой в целом ему удастся установить неформальный контакт, взаимопонимание, сотрудничество. Наблюдения показывают, что разные по складу мышления и характеру воспитанники тяготеют к мастерам, которые более подходят им по типу, что субъективно воспринимается ими как понимание, сотрудничество.

Эмоциональный контакт – это не только желательное, но необходимое условие эффективного взаимодействия мастера с учащимися, как и его помощь в рефлексии, осознании ими существующего положения, причин конфликтов, напряжений и неуспешности. При этом важно, чтобы при построении такого рода развивающих бесед избегать их дидактического, назидательного, «воспитывающего» характера. Рефлексия, диалог с самим собой должны использоваться учащимися не как средство, рекомендуемое для «исправления», а как процесс их взросления, осознания себя в более широком мире, как становление мировоззрения и развития творческого отношения к жизни вообще и к работе в частности.

Интерес к новой информации о самом себе, желание узнать и оценить свои способности лежит в основе творческого отношения учащихся к своей работе. Это важно осознать мастеру, потому что традиционно считается, что потребность в творчестве основывается на интересе к внешнему миру, к поиску еще не известных комбинаций окружения. Развитие интереса к своему внутреннему миру, формирование мотивации достижения, поощрение усилий учащихся в преодолении разного рода трудностей, в том числе и собственного безволия, нетерпеливости, создающие благоприятную почву для проявления индивидуального стиля деятельности учащихся, индивидуального стиля их мышления, порой оказываются вне поля внимания мастера. Известно, что индивидуальный стиль формируется, прежде всего, при личной заинтересованности воспитанника, т. е. при высокой его мотивированности. Исследования ученых показывают, что стилевые предпочтения проявляются именно у старательных и высокорезультатив-

ных учащихся.

Наблюдая за работой учащихся на практических занятиях, мастеру важно разобраться самому, а затем обсудить свои выводы с подопечным – какая работа него лучше получается: требующая точности, аккуратности, усидчивости или подвижности, ловкости, переключаемости; стремится ли он при этом проявить смекалку, сообразительность, или он силен там, где требуется исполнительность, старательность, дисциплинированность. Если какие-то черты выражены в большей мере, целесообразно показать, в каких операциях они особенно важны, в каких требуют компенсации, а также за счет чего может быть такая компенсация – предусмотрительности, контроля в процессе работы, специальных записей и т. п.

Развитие индивидуального стиля деятельности, создание на практических занятиях ситуаций, когда учащиеся могут выбрать тот или иной прием, выполняя задание, должно быть предметом внимания мастера на протяжении всех лет обучения в училище. Значение этого направления индивидуальной работы с учащимся возрастает по мере усложнения его знаний и умений, по мере выполнения все более сложных и комплексных видов работ. Следует подчеркнуть, что индивидуальный стиль проявляется у мотивированных учащихся, поэтому равнодушие к этой стороне собственного развития свидетельствует о низкой включенности в производственное обучение.

По истечении нескольких месяцев пребывания в училище, в учебной группе складывается определенный баланс взаимоотношений между учащимися, выявляются отношения и предпочтения. К концу первого полугодия важно провести социометрический опрос в группе. Результаты опроса показывают, за счет каких качеств выходят в лидеры те или иные учащиеся. Могут выявиться лидеры-организаторы (их выбирают в совет, в бригаду, в поход), лидеры-профессионалы (их также выбирают в бригаду, отмечают мастерство, надежность), лидер-интеллектуал (помощь в подготовке доклада, задачи), эмоциональный лидер (общение, поход). Нередко на последнем месте в группе оказываются «оппозиционеры», те, кто обладает определенными организаторскими качествами, но не пользуется тем авторитетом и уважением, которого бы хотели.

На первом году обучения все эти взаимоотношения лишь намечаются, но мастеру важно выявить преобладающие ориентации и лидеров, с тем, чтобы в воспитательной работе опираться на актив и общественное мнение в группе, а также постоянно обращать внимание на «отверженных». Как показал опыт работы, они почти всегда нуждаются в поддержке, часто – помощи психолога. Социометрические опросы полезно проводить на каждом курсе, отслеживая динамику взаимоотношений в группе. На втором курсе в лидеры часто выходят профессионалы и организаторы, тогда как на первом – чаще интеллектуалы и эмоционально-отзывчивые учащиеся.

К концу первого полугодия все более проявляются индивидуальные проблемные ситуации воспитанников. Более четкими становятся критерии их самооценки, определяется представление о своем «я могу», собственное положение в группе. И для мастера критерий старательности, усилия – важный на начальном этапе обучения постепенно несколько изменяется. Предметом обсуждения с учеником становится соотношение целей, которые ставит перед собой учащийся, и средств их достижения. И здесь индивидуализация оценок мастера становится еще более значимой.

Стремясь развивать профессиональное самосознание учащихся, важно учитывать, что противоречие между ценностями молодого человека, целями, которые он ставит, и средствами, которые предпочитает, будет движущим началом. Становление личности учащегося будет успешным лишь при условии, если он сам осознает это противоречие. Основная сложность для мастера заключается не в том, чтобы представить учащимся критерий выбора в конфликтной ситуации, а в неразвитости, в ограниченности внутреннего мира юноши, для которого «нет проблем». Трудности и конфликты, по

его мнению, не внутри его, а между каким-то мотивом, сиюминутным желанием и нормой извне, в частности, требованием педагога.

Опыт успешно работающих воспитателей показывает, что наибольшего успеха достигают те, кто каждую конфликтную ситуацию рассматривает многопланово, многосторонне. Рассмотрение любой ситуации необходимо осуществлять с точки зрения пользы, выгоды, интересов самого воспитанника, учебной группы и училища в целом, воспитательных задач мастера (преподавателя) и его человеческого достоинства, профессиональной чести, последствий для других людей, а также с точки зрения культуры, стремление к которой достойно любого человека. Такая полимотивированность способствует осознанию учащимся себя в мире людей.

В профессиональном воспитании усложнение потребностно-мотивационной сферы означает, прежде всего, показ многообразия мотивов, которые могут двигать человеком, смыслов труда и жизнедеятельности. То, ради чего трудится человек, что заставляет его тратить свои силы, энергию, отказываться от сегодняшних удовольствий, для многих учащихся сводится к заработку, возможности материально обеспечить себя и семью, завоевать определенную независимость. Около половины учащихся в каждой группе ценят уважение окружающих за их труд, работу не только для себя, но и для людей, возможность проявить себя, «оставить след на земле», интерес к содержанию работы, желание реализовать свои способности.

Для профессионального становления учащихся в группе важно, чтобы мастер нашел возможность, повод и время для постоянного обсуждения движущих мотивов воспитанников с разными ориентациями, с разной направленностью. Важно поддерживать содержательную мотивацию, попытаться снизить ее «прагматический аспект», когда профессия – только средство заработка и сама по себе ценности не представляет.

При обсуждении такого рода вопросов мастер в условиях рыночных отношений неизбежно столкнется с проблемой самочувствия неконкурентоспособных учащихся – тех, у кого низкая самооценка, неверие в свои силы, но при этом для них, как и для всех молодых людей, характерно желание быть признанным, принятым, успешным. Непросто и тем, для кого ценность – образование, интересная и сложная работа, требующая долгого времени для реализации, так как в ближайшем окружении часто преобладает ориентация на быстрый заработок путем включения в малоквалифицированную, но хорошо оплачиваемую работу. Это те вопросы, которые требуют выработки определенного отношения к ним, выбора определенной жизненной тактики и стратегии. Формы для такого обсуждения могут быть традиционными – проблемный диспут, обсуждение конкретного события, факта, публикации в газете. Все большее распространение принимает организация деловых игр, тренингов.

Вместе с тем, важнейшее направление в разрешении проблемных ситуаций учащихся – это неформальное общение с мастером в производственном обучении и во внеучебное время. Субъективные проблемы первокурсников отражают напряженность рассогласования их потребностей, возможностей и способностей. Причем типичные случаи способствуют в разных вариантах блокированию либо одних, либо других, либо третьих элементов индивидуальности. Важная задача мастера с точки зрения организации взаимоотношения с учащимся – обозначить, показать, что его проблема понимаема, существует как реальная и как решаемая по мере развития. Вместе с учащимися должны быть обсуждены субъективные и объективные обстоятельства, порождающие проблему, а также возможные пути решения создавшихся проблем.

Здесь важна не позиция человека со всеми согласного, всем пытающегося угодить и утешить, а позиция человека более опытного, с более широким кругозором, способного осмыслить разнообразные связи, зависимости, рассмотреть последствия того или иного варианта развития, выбора той или иной стратегии в жизни.

Обсуждение самооценок и представлений о себе как субъекте профессионального труда актуально на всем протяжении обучения в училище. Однако на втором курсе для учащихся особое значение приобретают вопросы социализации. Оценка профессиональных способностей отходит на второй план, так же как перед этим оценка старательности. Важнее для второкурсников понять свое место в социуме, пути и планы саморазвития. Самоутверждение в обществе, взаимоотношения в группе – эти вопросы становятся наиболее актуальными для второкурсников в процессе развития их профессионального самосознания. Учащиеся наиболее чувствительны в этот период к вопросам культуры и этики, общего развития, взаимоотношений с противоположным полом. Однако это не означает, что профессиональное обучение обесценивается: самосознание развивается не столько на основе оценки профессиональных способностей, сколько на основе социальных возможностей, мировоззренческих ориентиров. Эту особенность второкурсников важно учитывать, так как она объясняет падение у многих из них интереса к профессии, появление желания сменить профессию после училища.

Третий курс в учреждении профессионального образования – это время выхода на производство, т. е. на сплошную производственную практику. Восприятие себя как субъекта профессиональной деятельности корректируется условиями и обстоятельствами реального производства. Молодые люди включаются в реальные трудовые взаимоотношения, и для многих из них это включение оказывается непростым. И здесь снова, на ином этапе развития, учащимся требуется поддержка и обсуждение вместе с мастером проблемных ситуаций, возникающих у них на практике.

Реальные производственные отношения в полной мере выявляют перестроившуюся позицию учащегося на позицию рабочего. В процессе индивидуализации профессионального воспитания учащегося важна его субъективная позиция: насколько он считает, что производство должно «вертеться» вокруг него, насколько он подготовлен к восприятию себя в решении общей задачи бригады или участка, на котором он работает. Отличить объективные трудности практики на заводе от субъективной незрелости ученика – задача мастера на этом этапе.

Изучение опыта работы профессионально-технических училищ республики позволило выявить разные формы педагогической поддержки учащихся на этапе сплошной производственной практики. Помимо индивидуальных бесед, активно используются производственные совещания, на которые третьекурсники собираются один-два раза в месяц (в зависимости от условий), и где каждый из них может поделиться своими проблемами, обменяться опытом их разрешения, получить совет и консультацию мастера. На таких совещаниях обсуждаются реальные ситуации адаптации учащихся на рабочих местах, анализируются отношения, возникающие в бригаде между практикантами и рабочими, определяются пути преодоления возникающих напряженных отношений.

Широко используются также такие организационные формы трудового и профессионального воспитания в профтехучилище, как привлечение учащихся в кружки технического творчества, кружки профессионального мастерства, школы новаторов, рационализаторов, изобретателей; конкурсы профессионального мастерства, соревнования умельцев; проведение тематических дней науки, техники, производства, профессии; обзоры книг и журналов по вопросам передовых методов труда, достижений науки в данной отрасли производства; встречи с новаторами, рационализаторами; разнообразные формы работы, направленные на развитие взаимоотношений в трудовом коллективе, на формирование организаторских умений и способностей учащихся.

Однако без сознательной, продуманной оценочной деятельности мастера эффективность организационных форм профессионального воспитания учащихся будет недостаточно результативна. Не менее значимо воздействие системы ценностей самого

воспитателя. Как известно, только личность может воспитать личность. А это означает, что только человек с развитой системой ценностей, богатым духовным миром может способствовать возвышению потребностей и формированию социально значимых мотивов воспитанника. Речь идет не только о примере собственного отношения мастера, педагога к делу, к профессии, но и в целом о его системе оценок, отражающих понимание им, «что такое хорошо и что такое плохо», что достойно и недостойно настоящего профессионала, что заслуживает одобрения и гордости, а что – нет. Причем восприятие учащимися этих оценок происходит не только в специально организованных формах работы, а прежде всего в повседневной практике общения и сотрудничества. Отношения, ценностные ориентации мастера проявляются в интонациях, жестах, мимике, высказываниях о событиях, не имеющих, казалось бы, прямого отношения к профессиональному обучению.

Процесс воспитания обоснованно строится на знании педагогом внутреннего мира учащегося. Однако его изучение не является самоцелью для педагога. Знание об ученике не служит средством управления им, а является способом помощи ему в самопознании, развитии его профессионального самосознания. Анализ, осмысление молодым человеком достигнутого уровня знаний, устремлений, мотивов труда и учения, выбор способов деятельности – все это должно быть в центре внимания воспитателя. Ценности социального взаимодействия и нравственного достоинства личности, созидательной деятельности и профессионального самосовершенствования – это те общие ценности, которые важно культивировать в общественном мнении группы, в оценочной деятельности мастера, какими бы ни казались они «идеалистическими» в меркантильном окружении сегодняшнего дня. Более ста лет назад К.Д. Ушинский писал, что достичь идеала мало кто может, но его существование дает возможность человеку развиваться, стремиться к духовному самосовершенствованию [2].

Помогать учащимся осмысливать опыт согласования личных интересов и интересов других людей, отношения руководства-подчинения в трудовой деятельности, преодоления конфликтов между прагматическими и нравственными мотивами, оценки своего и чужого труда и, главное, опыт согласования дальних, перспективных целей и сиюминутных потребностей – это значит содействовать становлению формирующейся личности, ее адаптации в сложном и противоречивом современном мире. Приоритет самостоятельности и ответственности личности за собственное профессиональное становление – это путь движения от нормативной, внешней регуляции, когда требуется постоянный контроль извне, к саморегуляции, самоконтролю на основе правил и ценностей человеческих взаимоотношений и взаимодействия. Именно такой путь позволяет не просто изменить требования к личности в новых социально-экономических условиях: от исполнительности к инициативности, от коллективизма к конкурентоспособности, но и по-настоящему перестроить пути формирования мотивационной сферы будущего рабочего, специалиста, помочь в формировании его индивидуальности. Анализ условий эффективности воспитательной работы мастера свидетельствует о том, что основным препятствием для перестройки содержания и методов воспитания является, во-первых, прагматическая установка, направленность мастера, его малая заинтересованность в развитии личности учащегося, а во-вторых, устойчивая ориентация на внешнее благополучие, дисциплинированность и успеваемость в группе, уверенность в действенности авторитарных методов взаимоотношений.

Опыт воспитательной деятельности мастеров, которые были заинтересованы в профессиональном развитии учащихся и стремились при этом к осуществлению принципа индивидуализации, педагогическая деятельность приносила результаты, что сказывалось на отношениях учащихся к своему профессиональному становлению. Наибольший эффект при этом имела практика изучения индивидуальных особенностей

учащихся, их ценностных ориентаций, социометрической структуры группы. Обсуждение полученных результатов в процессе индивидуальных бесед с учащимися способствовало осознанию и повышению активности субъектов взаимодействия в образовательном процессе.

Заключение

Полученный нами в ходе проведенного исследования эмпирический материал по проблеме профессионального становления учащихся в разные периоды их обучения свидетельствует о последовательной динамике изменения приоритетов по мере развития их потребностно-смысловой сферы и способностей. При выборе учащимися профессии наиболее значимыми являются интересы, склонности, в меньшей мере – способности; при выборе типа учебного заведения более пристально оцениваются личные способности и возможности; при поступлении в учебное заведение актуализируется согласованность всех этих факторов с отношением к профессии с точки зрения ее престижа и социальной перспективности. На первом году обучения в первом полугодии особое значение для учащегося приобретает отношение к нему мастера, преподавателей и позиция в учебной группе. Начиная со второго полугодия на первом курсе самооценку все более определяет представление о своих способностях к избранной профессии, на основе которых уточняются профессиональные планы. В начале второго курса приоритетной становится оценка социального статуса, образа жизни, престижности и перспективности получаемой профессии, рассматриваются возможности относительно других видов труда и самоутверждения в социуме. С выходом на производственную практику значимой становится возможность завоевания определенной социальной позиции в новом окружении, с иных позиций оцениваются условия труда и перспективность профессии.

Этапы профессионального становления учащиеся проходят по-разному во временных рамках и неодинаково осознают собственное движение. Разное созревание интеллекта, личностных функций, рассогласование в стремлениях и возможностях создают множество ситуаций на каждом из этапов профессионального развития, которые субъективно воспринимаются как определенные жизненные проблемы и для решения которых учащиеся часто нуждаются в помощи взрослых. Этапы профессионального становления, динамика приоритетов, которые определяют отношение к профессии и критерии самооценки в процессе развития, субъективные проблемы, возникающие по мере вхождения в профессию, – все это создает для мастера производственного обучения внутреннюю, психологическую основу формирования учащегося как субъекта труда, требует от него иной тактики воспитания, проектирования и конструирования соответствующей оценочной деятельности, являющейся средством формирования профессиональной направленности учащихся.

Изучение опыта воспитательной деятельности мастера производственного обучения свидетельствует о том, что эффективность процесса формирования профессиональной направленности учащихся возможна при соблюдении следующих педагогических условий:

– осуществление оценочной деятельности мастера производственного обучения на всех этапах профессиональной подготовки будущих рабочих: от процесса профессиональной ориентации до помощи в адаптации к условиям производства на сплошной практике;

– организация психолого-педагогической подготовки мастеров и преподавателей к проведению индивидуально-дифференцированной работы, обеспечивающей реализацию внутреннего потенциала, способностей учащихся, повышению результативности их профессионального становления;

– сплочение и ценностно-ориентационное единство педагогического коллектива и коллектива учащихся на идеях сотрудничества, поэтапной профессиональной подготовки учащихся в учебном заведении, развития системы воспитания на данной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен : в 2-х т. – М. : Просвещение, 1986. – 168 с.
2. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения / К. Д. Ушинский. – М. : Просвещение, 1974. – 557 с.

Yakush E.I. Evaluative activity of a trainer in a vocational establishment as means of formation of pupils' professional orientation on different stages of their entry into profession

As the pupils come to educational establishment with different attitude towards a profession and with different understanding of their own abilities which are important for this very kind of work, so their estimation by the teachers according to the criteria of their progress and attitude to general subjects have different meaning and influences their professional development not in the same way. A considered system of trainer's activity in a vocational establishment is needed to solve the pupils' problems.

УДК 19.00.13

И.В. Ковалевич

СТАРОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье И.В. Ковалевич «Старость как один из этапов развития личности» рассматриваются наиболее актуальные вопросы геронтологической проблематики. Показаны различия между понятиями онтогенез и этагенез, старость и старение, биологический и психологический витуаукт. Вводится термин «психологическая эвтаназия». Высказывается предположение о наличии процессов антистарения на биологическом и на психологическом уровне. Анализируются качественные и количественные характеристики человеческого возраста. Формулируется тезис о комплексном влиянии биологических, социально-педагогических и психологических факторов на процессы, происходящие с человеком в ходе старения. Приводятся наиболее известные типологии старости и старения. Представлены точки зрения, характеризующие крайние позиции в восприятии старости и процессов старения. основополагающими в исследовании являются психолого-педагогические принципы индивидуализации, достоинства, реализации внутреннего потенциала, ухода, участия и независимости.

Введение

Процесс демографического старения приобрел сейчас беспрецедентные масштабы, которые не имеют аналогов за всю историю человечества. Пожилой человек стал крупной фигурой в общественной структуре (1/6–1/8 всей популяции). Демографическое старение представляет собой широко распространенное явление, так как оно происходит практически во всех странах мира. Это глубинный процесс, который сильно сказывается на всех сторонах жизни людей. В экономической сфере старение населения отражается на экономическом росте, накоплениях, инвестициях, потреблении, занятости, пенсионном обеспечении, налоговой политике и передаче накопленных знаний и опыта из поколения в поколение. В социальной сфере старение населения сказывается на составе семьи и условиях жизни, потребностях в жилье, миграционных тенденциях, эпидемиологической обстановке и потребностях в медицинской помощи. В политической сфере старение населения может влиять на результаты выборов и систему политического представительства [1]. Исследования возрастно-психологических возможностей человека в старости являются не только актуальными для науки, но и жизненно значимыми.

Разработкой геронтологической проблематики занимались и занимаются специалисты различных дисциплин отдельно друг от друга (в биологии и медицине: Л.А. Гаврилов, И.В. Давыдовский, Ю.К. Дупленко, В.В. Фролькис, Л.Н. Hayflick, D.S. Woodruff-Pak, D.J. Selko, J.F. Corso; в психологии: Б.Г. Ананьев, Г.С. Абрамова, Л.И. Анцыферова, О.В. Краснова, А.Г. Лидерс, О.Н. Молчанова, М.В. Ермолаева, Т.Д. Марцинковская, Н.С. Пряжников, К. Рошак, Н.Ф. Шахматов, P.V. Baltes, J.E. Birren, I. Stuart-Hamilton, K.W. Schaie; в социологии: М.Д. Александрова, В.Д. Альперович, И.Г. Беленькая, P.C. Яцмирская, Е.И. Холостова, А.А. Козлов, Г.П. Медведева; в демографии и статистике Б.Д. Бреев, Т.А. Демченко, И.Б. Орлова, Б.С. Хореев, R.H. Binstok, L.K. George, M. Jeffreys, P. Johnson, J. Falkingham; в философии: Т.В. Карсаевская, А.Т. Шаталов и др.). Информация о возрастно-психологических характеристиках старости наименее структурирована. Молодая наука геронтология – это комплексная дисциплина, объединяющая несколько направлений, среди которых биология старения, социальная геронтология, геронтопсихология.

Научный руководитель – Л.А. Пергаменщик, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка

Биология старения выясняет первичные механизмы старения организма и факторы, определяющие продолжительность жизни. *Социальная геронтология* (герогигиена) изучает влияние условий жизни и окружающей среды на старение и продолжительность жизни человека. *Геронтопсихология* исследует особенности психики и поведения людей пожилого возраста [2, с. 5–6].

Развитие в старческом возрасте

Если изучать человека во всех проявлениях (соматическом, психофизиологическом, личностном, социальном, культурно-историческом, уникально-индивидуальном и др.), то становится понятным, что именно в периоде старения общая картина развития личности приобретает более четкие границы. Существующее понятие «онтогенез» в его классическом понимании (период становления структур и функций организма в индивидуальном развитии) описывает изменения, происходящие в период созревания организма, и не соответствует идее о том, что развитие продолжается всю жизнь. Другое понятие, «этагенез» (от лат. «aetas» – возраст, «genesis» – формирование, развитие), обозначающее все возрастное развитие, включающее все возрастные периоды [3, с. 9], введенное в обиход в биологии, на наш взгляд, применимо и для других дисциплин: возрастной психологии, социальной геронтологии и геронтопсихологии и т. д. Нам представляется возможным условно разделить всю человеческую жизнь на три основных эпохи: *детство, зрелость и старость*. В рамках каждой эпохи выделены характеристики, дающие полное представление об особенностях развития личности на данном этапе.

В самом периоде старости выделяют различные этапы. Наиболее часто применяемой возрастной периодизацией, является классификация Европейского регионально-го бюро Всемирной организации здравоохранения, в соответствии с которой *пожилой возраст* у женщин укладывается в промежуток с 55 до 74 лет, у мужчин – с 61 до 74 лет, а с 75-го года жизни начинается *старость*. Людей, перешагнувших 90 летний рубеж, относят к *долгожителям*. Понятия «старый», «престарелый», «пожилой человек» употребляются в данной работе в качестве синонимов.

Большинство ученых (В.В. Фролькис, Г.С. Абрамова, М.В. Ермолаева, I. Stuart-Hamilton и др.) сходятся во мнении, что границы между зрелостью и старостью размыты, трудноразличимы и индивидуальны для каждого человека. Хронологический возраст – довольно неточный критерий. Разделение в соответствии с метрическим свойством времени говорит только о количестве прожитых лет.

Интерес для специалистов разных наук, занимающихся геронтологической проблематикой, представляет и качественная характеристика времени. Возраст (объективная, исторически изменчивая, хронологически и символически фиксированная стадия развития индивида в онтогенезе [4, с. 66]) соединяет два этих свойства: «длительность существования и определенность фазы становления – периода развития индивида». Возраст – это «взаимопроникновение природы и истории, биологического и социального», а те изменения, которые происходят с человеком в течение его жизни, «являются одновременно онтогенетическими и биографическими» [5, с. 102]. Причем не правильно воспринимать изменения, происходящие с человеком уже после периода созревания, как угасание функций организма на всех уровнях организации.

Заключительный период жизни человека традиционно воспринимают как период потерь, печали, страданий от болезней и беспомощности. В то же время геронтопсихология рассматривает старость как один из этапов развития личности (Д.И. Фельдштейн, М.В. Ермолаева, О.В. Краснова, Н.С. Пряжников). Негативные характеристики описывают лишь один из возможных вариантов развития человека, а регресс – не единственный путь для изменений. Принцип «индивидуального развития в течение всей

жизни» стал одним из основных концептуальных аспектов Международного года пожилых людей (1999 г.).

Идее развития соответствует адаптационно-регуляторная теория выдающегося физиолога и геронтолога, академика НАН и АМН Украины, профессора В.В. Фролькиса, построенная на доказательстве существования механизма компенсации. Согласно этой теории, наряду с разрушительным процессом старения разворачивается процесс антистарения, или витаукт (от лат. «вита» – жизнь, «ауктум» – увеличивать), «стабилизирующий жизнедеятельность организма, повышающий его адаптационные возможности» [3, с. 28].

Существование механизмов антистарения не исключается и на психическом уровне. Речь идет о «процессах, стабилизирующих деятельность субъекта, компенсирующих нарастание негативных характеристик, уберегающих систему «Я» от разрушения» [6]. Такой механизм назван психологическим витауктом (наличие факторов стабилизации и компенсации Я-концепции).

Если же человек выбирает путь отказа от общественных функций и ролей, оказываясь в социальной изоляции, если «умирание» начинается раньше, чем физическая старость, если стремление жить превращается в желание доживать, проявляется парадокс завершения человеческой жизни раньше предполагаемого срока [5, с. 14]. Другими словами, такой выбор человека можно назвать «психологической эвтаназией».

Таким образом, основной характеристикой процесса старения является его уникальный индивидуальный характер, который зависит от множества факторов, выяснить которые – наша задача. И биология, и социология, и психология старости оперирует рядом характеристик, делающих процесс старения уникальным для каждой отдельной личности. «У каждого из нас процесс старения начинается с различной стартовой линии» [7, с. 27], каждый человек имеет свой «почерк старения», определяющий темп развития в старости и некоторые особенности ее течения [3, с. 43].

Старость и старение

Очевидно, чтобы понять сущность процессов, происходящих в ходе старения, необходимо опираться на достижения различных наук. Тезис о комплексном влиянии биологических, социальных и психологических факторов на процессы, происходящие с человеком в ходе старения, неоспорим.

Schroots и Birren, рассматривая старение как процесс, состоящий из трех компонентов, предлагают даже собственные названия для процессов, происходящих на различных уровнях:

Senescing (от англ. «senescence» – старение) – биологическое старение, которое ведет к возрастанию уязвимости организма и увеличению вероятности смерти.

Eldering (от англ. «elder» – старые люди, старшие) – изменение социальных ролей, паттернов поведения, социального статуса.

Geronting (от англ. «gerontology» – учение о старости, геронтология) – психологическое старение, выбор адаптации к процессам старения, стратегий борьбы с трудностями [8].

Проанализировав различные подходы к восприятию старости как взаимодействию нескольких одновременно протекающих процессов, О.В. Краснова выделяет общие вопросы, актуальные для изучения в русле геронтологической проблематики, которые можно отнести к социально-психологическим: процесс старения личности как члена группы и переживание старости в непосредственном социальном окружении; место пожилой личности в обществе; отношение индивида к своему процессу старения; социальная адаптация к процессу старения; изменение социального статуса и социальных ролей; позиция общества по отношению к стареющим и старым людям; фактиче-

ское место стариков среди других возрастных групп, их функции в обществе [9]. Естественно, что названные факторы указывают на уникальность старения, неравномерность его протекания как для отдельно взятой личности, так и при сравнении различных людей между собой.

Неравномерность прохождения отдельных процессов старения на биологическом уровне описывается следующими характеристиками:

1) *гетерохронностью* – различие во времени наступления старения отдельных тканей, органов, систем;

2) *гетеротопностью* – неодинаковая выраженность процесса старения в различных органах и структурах одного и того же органа;

3) *гетерокинетичностью* – развитие возрастных изменений с различной скоростью в различных тканях;

4) *гетерокатефтенностью* – разнонаправленность возрастных изменений, связанная, например, с подавлением одних и активизацией других жизненных процессов в стареющем организме [3, с. 41–42].

В силу влияния на процесс старения огромного количества переменных, до сих пор не выработана единая концептуальная основа исследования процессов старения. Старость называют «самым парадоксальным и противоречивым человеческим возрастом» [10, с. 191]. Различные точки зрения на старость представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Крайние точки в восприятии старости

Индикаторы процесса старения		Негативные характеристики	Позитивные характеристики
Биологические (естественный износ организма)	Соматическое здоровье	Старость – время болезней, беспомощности и физической зависимости	Болезнь и старость – не синонимы. Часто пожилые люди «конвенционально» признают себя больными из-за распространенных негативных общественных стереотипов [11]
	Общее физиологическое состояние	Старость – период угасания физиологических функций, итогом которого является немощность	Даже в старости организм компенсирует неблагоприятные изменения, происходящие на всех уровнях организации
Социальные (статус, занятость, доступ к различным ресурсам и т. п.)	Время наступления старости	Старость наступает в 50-60 лет (время выхода на пенсию)	Время выхода на пенсию значительно опережает наступление старости (70–80 лет)
	Общественное положение	Люди, вступающие в старость, автоматически превращаются в вымирающий слой	Пожилые люди выполняют важную функцию в обществе, передавая свой опыт
	Положение в семье	Усиливается отчужденность, между членами семьи разных поколений	Осуществляют преемственность поколений
	Реализация свободного времени	Выход на пенсию. Невозможность приложить где-то свои силы и знания	Масса свободного времени, которое можно использовать для реализации давно зародившихся планов

Продолжение таблицы 1

Психологические (к какой возрастной группе человек себя относит)	Изменения, происходящие с личностью	С личностью происходят необратимые закономерные изменения – инволюция	Личность достигает вершины в познании мира, себя, других людей – развитие
	Наличие возрастных новообразований	Появляются новые личностные образования в основном негативного характера	Ничего нового не образуется. Более четкие очертания обретают сформированные в течение предыдущей жизни свойства
	Самоощущение, эмоциональный фон	Тоска по былому, ощущение прожитости жизни, ожидание смерти, существование в унылой реальности, отсутствие надежд	Преобладают спокойствие, умиротворенность, удовлетворение прожитой жизнью
	Целостное восприятие старости	Старость – финал жизни	Старость – новая стадия в развитии человека

Из-за наличия таких противоречивых позиций трудно дать определения терминам, характеризующим рассматриваемый возрастной период. Следует четко разграничивать понятия «старение» и «старость»: «процесс и возрастной период, причину и следствие» [3, с. 35]. Существуют различные определения данных терминов, большинство из которых основаны на биологических характеристиках процесса.

Старение рассматривается как: угасание нормальных функций организма, наступающее после сексуальной зрелости (такое угасание функций продолжается до времени максимальной продолжительности жизни для членов данного вида [7, с. 29]); разрушительный процесс, который развивается из-за нарастающего с возрастом повреждения организма внешними и внутренними факторами [3, с. 35]; закономерный процесс возрастных изменений организма, снижающий его адаптационные возможности и приводящий к старости [12, с. 1279].

Старость характеризуется как: возрастной период жизни организма, наступающий за зрелостью (сопровождается характерными изменениями в органах и системах, ведущими к ограничению приспособительных возможностей организма [12, с. 1280]); неизбежно наступающий заключительный период индивидуального развития [3, с. 35]; заключительный период человеческой жизни, условное начало которого связано с отходом человека от непосредственного участия в производительной жизни общества [4, с. 747].

Из приведенных примеров следует, что в качестве зависимой переменной часто используется показатель протяженности жизни, что не всегда применимо к психологии, так как психологи «чаще интересуются аспектами поведения только некоторых компонентов, которые могут быть отнесены к протяженности жизни» [13, с. 68].

Исходя из задач нашего исследования, в качестве рабочих предлагаем следующие определения понятий:

Старение – закономерный процесс возрастного развития человека, не имеющий четких хронологических границ, характеризующийся уникальностью протекания и наличием потенциала для самосовершенствования.

Старость – период этагенеза человека, этап жизненного пути личности, во время которого происходит окончательная аккумуляция и переосмысление жизненного опыта и определение своего отношения к миру и к себе.

Типология старости

Несмотря на признание старости явлением уникальным, существует много попыток создания типологии старости и старения. В их основу положены различные характеристики личности и отношения к старению. Причем важно не только осознание своего возраста в период, когда тебя уже называют стариком, но и то представление о старении, которое формируется в более ранние годы. Так, в основу своей типологии D.V. Bromley ставит приспособления личности к старости, выделяя пять типов: конструктивный, зависимый, оборонительный, враждебный к окружающим и враждебный к самому себе [14].

И. Кон выделяет шесть типов в зависимости от сферы приложения сил:

- 1) участвуют в общественной жизни, активно настроены;
- 2) энергия направляется на свое самообразование, отдых, развлечения;
- 3) сфера приложения сил – семья;
- 4) забота о собственном здоровье;
- 5) критикуют все вокруг – «агрессивные старые ворчуны»;
- 6) «одинокое грустные неудачники» – обвиняют себя за упущенные возможности [15].

К. Рощак выделил следующие типы старения: конструктивный, защитный, агрессивно-активный, пассивный [16].

Еще один взгляд на типологию старости предоставила М.В. Ермолаева. По итогам собственных исследований и по результатам анализа работ Г.С. Абрамовой, Р.М. Грановской, Н.Ф. Шахматова, Э. Эриксона ею были выделены два типа в зависимости от направленности ведущей деятельности на сохранение себя как индивида или как личности [17].

З.М. Саралиева и С.С. Балабанов в результате эмпирического исследования, охватывающего все существенные стороны жизни пожилого человека (самообслуживание человека, положение пожилого человека в семье, образование, интерес к жизни, социальный статус, радости жизни, интегрированность в социум), выделили 5 групп пенсионеров, сходных по многим признакам:

- 1) умиротворенные верующие;
- 2) обеспокоенная интеллигенция;
- 3) депривированные и больные;
- 4) благополучные пожилые люди;
- 5) одинокие [18].

Принимая во внимание уникальность жизненного пути каждого человека, а следовательно, и процесса старения, мы полагаем, что в основу разделения старых людей на различные типы должен быть положен способ адаптации к себе и своему возрасту, вариант принятия себя в новом качестве, путь самоопределения в новых жизненных условиях. В другом случае, если для создания типологии выделять большее количество различных переменных, существует вероятность упустить все разнообразие связей, существующее между ними. В соответствии с предложенными нами признаками наиболее успешной является классификация Л.И. Анцыферовой. Она содержит всего два типа: конструктивный и неконструктивный, живописно обозначенные как «теплая осень» и «суровая зима». В основе выделения таких типов – уровень активности, способы совладания с трудностями, отношение к миру и к себе, удовлетворенность жизнью [19].

Таким образом, геронтопсихологические исследования должны подчиняться принципу индивидуализации. Каждого пожилого человека нужно оценивать и описывать отдельно. Вызываемые старостью психологические изменения весьма многообразны. Необходимо признавать огромные различия в положении пожилых людей не

только между странами, но также в рамках отдельных стран и между отдельными лицами.

Резолюция 46/91 «Сделать полнокровную жизнь лиц преклонного возраста», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1991 года, определила 18 основных принципов, касающихся положения пожилых людей. Они разделены на пять групп: достоинство; реализация внутреннего потенциала; уход; участие; независимость [20]. Эти принципы носят рекомендательный характер, но четкость формулировок и широта охвата практических задач указывает на то, что предложенные рекомендации должны быть приняты в качестве руководства при решении актуальных теоретических и практических вопросов.

Заключение

Таким образом, этагенез человека складывается из трех условно выделенных периодов: детства, зрелости и старости. Собственно старость разделяется на пожилой (от 55–60 до 74 лет), старческий (75–90 лет) возраст и возраст долгожительства (после 90 лет). Необходимо помнить, что такие рамки задаются произвольно, исходя из хронологических характеристик времени, и не означают факта прихода старости в каждом конкретном случае. В любом возрасте существует потенциал для развития человеческой личности. Период старости не является исключением.

Изменения, происходящие в процессе старения, затрагивают все уровни функционирования индивида и происходят в двух направлениях – разрушение и поддержание жизни. На психическом уровне также могут происходить как деструктивные – «психологическая эвтаназия» (умирание раньше физического одряхления), так и компенсаторные механизмы – психологический витаукт (стабилизация Я-концепции, основанная на фиксации позитивных черт своего характера). Успешная адаптация к своему возрасту (преобладание процессов витаукта) способствует психологическому благополучию личности.

Исследования в области геронтопсихологии имеют объективно-научное значение, которое состоит в установлении взаимосвязи между психологическими, биологическими, социальными и педагогическими факторами старения. Наше исследование ориентировано на преодоление стереотипных представлений о старости как о возрасте немощи и беспольности, на увеличение потенциала развития в старости, его возможных форм и вариантов. Принцип индивидуализации является основополагающим при решении поставленной задачи геронтологической проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Старение населения мира 1950–2050 годы. Резюме // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа : <http://www.un.org/russian/events/olderpersons/ageing07.html>. – Дата доступа : 14.03.2008.
2. Анисимов, В. Н. Молекулярные и физиологические механизмы старения / В. Н. Анисимов. – СПб. : Наука, 2003. – 468 с.
3. Фролькис, В. В. Старение и увеличение продолжительности жизни / В. В. Фролькис. – Ленинград : Наука, 1988. – 239 с.
4. Психолого-педагогический словарь / сост. Е. С. Рапацевич. – Минск : «Соврем. слово», 2006. – 928 с.
5. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.

6. Молчанова, О. Н. Специфика Я-концепции в позднем возрасте и проблема психологического витоакта / О. Н. Молчанова // Мир психологии. – 1999. – № 2. – С. 133–141.
7. Хейфлик, Л. Как и почему мы стареем? / Л. Хейфлик. – М. : Вече, 1999. – 432 с.
8. Schroots, J. F. «The nature of time: implications for research on aging» *Compr. Gerontol* / J. F. Schroots, J. E. Birren. –1988. – С. 21–29.
9. Краснова, О. В. Социальная психология старения как основная составляющая социальной геронтологии / О. В. Краснова // Мир психологии. – 1999. – № 2. – С. 96–106.
10. Толстых, А. В. Возрасты жизни / А. В. Толстых. – М. : Мол. гвардия, 1988. – 223 с.
11. Краснова, О. В. Социальное познание и проблемное поведение в позднем возрасте / О. В. Краснова // Психология зрелости и старения. – 2006. – № 3 (35). – С. 47–66.
12. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов. Энциклопедия, 1989. – 1632 с.
13. Ермолаева, М. В. Практическая психология старости / М. В. Ермолаева. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 320 с.
14. Bromley, D. V. (1988) *Human Ageing. An Introduction to Gerontology*. 3rd edition. Bungalay: Penguin.
15. Кон, И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И. С. Кон. – М. : «Политиздат», 1984. – 336 с.
16. Рошак, К. Психологические особенности личности в пожилом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук / К. Рошак. – М., 1990.
17. Ермолаева, М. В. Структура эмоциональных переживаний в старости / М. В. Ермолаева // Мир психологии. – 1999. – № 2. – С. 123–133.
18. Саралиева, З. М. Пожилой человек в Центральной России / З. М. Саралиева, С. С. Балабанов // Психология старости и старения: Хрестоматия : учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – С. 91–101.
19. Анцыферова, Л. И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы / Л. И. Анцыферова // Психология старости : учеб. пособие / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. – Самара : Издательский Дом БАХРАХ-М, 2004. – С. 564–575.
20. Принципы ООН в отношении пожилых людей. Сделать полнокровной жизнь лиц преклонного возраста // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа : <http://www.un.org/russian/topics/socdev/elderly/oldprinc.htm>. – Дата доступа : 14.03.2008.

Kovalevich I.V. The Old Age As One Of The Stages Of Personal Development

In this article the most important questions of gerontological problematics are viewed. Differences between concepts ontogenesis and aetagenesis, age and ageing, biological and psychological vitaukt are shown. The new term of psychological death injection is entered. There exist the processes of anti-ageing on biological as well as psychological levels. Qualitative and quantitative descriptions of human age are analyzed. The thesis is formulated of complex influence of biological, social and psychological factors to processes of human ageing. The most popular typologies of age and aging are given. Viewpoints describing extreme positions in perception of age and processes of human aging are presented. The basic principles researches would be personalization, dignity, self-potential realization, concern, sympathy and self-sufficiency.

ПРАВА

УДК 342 (07)

О.В. Бреский

ЛОКАЛЬНОСТЬ И ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС

В данной статье исследуется проблема оснований публичного действия человека, которое образует основу гражданского общества, а также вопрос о роли локальных структур и сообществ в формировании гражданского общества.

Предварительные замечания

Тема гражданского общества с 80-х годов стала одной из главнейших в социальных науках. Однако термин «гражданское общество» не обладает устойчивой дефиницией и подвергается многочисленным интерпретациям. Данное обстоятельство свидетельствует как о сложности предмета, который обозначается данным термином, так и о продолжающемся процессе формирования гражданских структур и сосуществования различных моделей развития гражданского состояния. В данной статье гражданское общество рассматривается в контексте изучения связей, соединяющих его с локальными структурами, а также с публичным действием локальных субъектов локальности, выступающем как основание формирования гражданского общества.

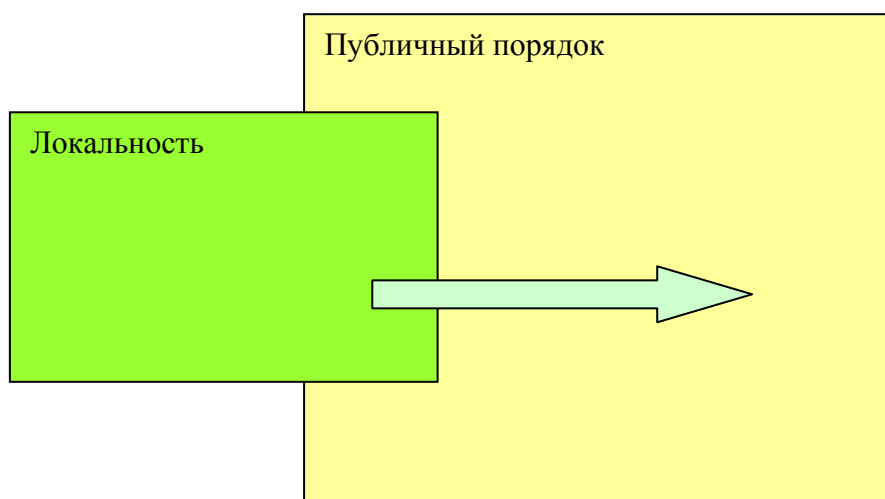
Локальность¹ представляет собой социальное по существу. Она сообщает человеку определенный, очень устойчивый статус (трудно перестать быть сыном, отцом, уроженцем определенного региона и пр.), она помещает человека в некую первичную нормативную систему, определяющую во многом его мировоззрение, его поведение, характер его отношения к другим, она, наконец, помещает человека в определенный мир с четко обозначенными границами:

- во времени (к примеру, через систему праздников, через определенный календарь);
- в пространстве (проводя материальные границы: политические, административные, границы собственности);
- в социуме (устанавливая образцы поведения для принадлежащих ей членов).

Для локального определяющим оказывается социальное место и его характеристики, такие, как статус, граница, нормативная система. Но очевидно, что субъект может находиться и в ином состоянии, преодолевая ограничения, связанные с его принадлежностью к определенной социальной системе. Такое состояние возникает в процессе публичного действия, которое всегда связано с определенным локальным контекстом, но происходит вне его, создавая новую реальность, которую уместно обозначить как пространство «гражданского». Гражданское всегда является результатом отношений, которые складываются между локальностью и публичным порядком, индивидом и публичным порядком².

¹Ср.: Понятие места действия (локальности) подразумевает использование пространства с целью обеспечения среды протекания взаимодействия, необходимый для определения его контекстуализации... Локальности в значительной степени обеспечивают «устойчивость» (или «стабильность») социальных институтов... [8, с. 185].

²Ср.: Для античности решающим было то, что все частное есть лишь частное, что человек в нем, как показывает само слово, живет в состоянии лишения, а именно лишен своих высших



Гражданское состояние отличается от локального именно тем, что задумывается не как следствие из текущих обстоятельств и условий жизни, но потому, что выстраивается согласно некоему плану и видению перспективы индивидуального существования, не обусловленного ничем, за исключением представления об этике и личном достоинстве. Гражданское состояние предполагает, по крайней мере, частичную эмансипацию от власти локальных сообществ, в его основе лежит индивидуализация. Вовсе не случайно тема гражданского общества в эпоху модерна начинает звучать одновременно с развитием двух процессов – индивидуализации и социальной дифференциации, и третьего процесса – становления очень сложной системы поддержания порядка в сложнодифференцированном обществе.

Гражданское состояние развивается в пространстве между локальностью и тотальным публичным порядком, завоевывая место для себя и перспективу дальнейшего роста. Гражданское состояние не возникает в результате эволюционного развития локальности, или в результате моделирования государственной властью социального, – оно опирается, в первую очередь, на индивидуальные практики и первично связано с личной этикой [2, с. 31–42].

Романо-германские языки помнят эти особенности, определяющие качество гражданского. Английский язык в ряду понятий:

- *citizen* (житель страны, гражданин);
- *civitas* (статус гражданина в античном Риме);

возможностей и человечнейших способностей. Кто не знал ничего кроме приватной стороны жизни, кто подобно рабам не имел доступа к общественному или подобно варварам вообще просто даже и не учредил открытую всем публичную сферу, собственно человеком не был. Если мы сейчас в слове «приватный» уже не слышим, что исходно оно означает состояние лишенности, то между прочим еще и потому, что новоевропейский индивидуализм принес с собою столь громадное обогащение частной сферы. Существеннее для нашего понимания приватности однако то, что она теперь отличается не только, как в античности, от публичного, но и прежде всего также от социального, античности неведомого и помещавшего ее по своему содержанию в сферу приватного. Решающе для черт, какие приняло приватное в Новое время, решающе прежде всего для его важнейшей функции, обеспечения интимности, то, что исторически оно было открыто как противоположность не только политическому, но и социальному, с которым оно поэтому и состоит в более тесной и сущностной связи [1].

- *civic* (прилагательное, обозначающее принадлежность к гражданству, к гражданам, к городу);
 - *civilisation* (существительное, обозначающее продвинутую стадию или систему человеческого социального развития);
- предлагает также слово:
- *civil* (прилагательное, обозначающее отношения между гражданами, отделенные от военных и церковных отношений, но также обозначающее и куртуазное, вежливое поведение,
- и еще одно слово:
- *civilise* (близкое по значению с образованием, культивированием, гуманитаризацией, приручением, окультуриванием).

Именно потому Норберт Элиас совершенно справедливо и логично, с точки зрения строения и смыслов языка, представляет процесс цивилизации как усиление в обществе вежливости, усиление значения этики и индивидуализации отношений, выделения в социальной сферы частного и интимного [16]. Именно в процессе цивилизации появляются граждане как своеобразные свободные радикалы в достаточно устойчивой социальной структуре. Граждане не являются проекцией локальностей, их действия не являются прямым продолжением локальных практик, они возникают там, где люди или локальные сообщества презентуют себя в публичном порядке.

Гражданин

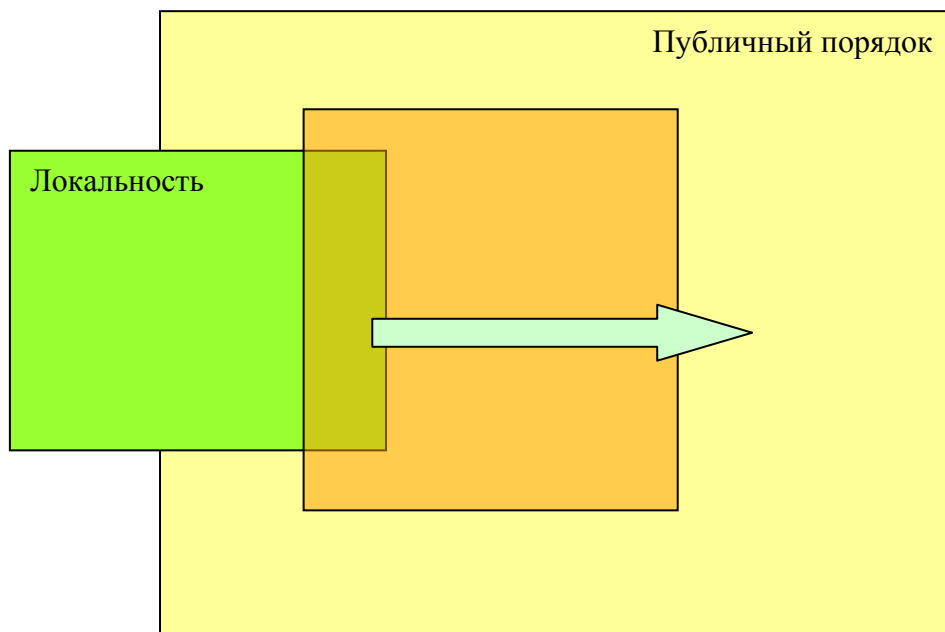
Для обозначения процесса становления гражданского существует не так много адекватных терминов. К этому лексикону, конечно, не принадлежат ни «локальность», ни «аутентичность», ни «народность», но именно «процесс цивилизации», «гражданское общество» и связанные с ними – «свобода», «индивидуальность», «манеры», «конституционализм». Ключевое же значение в описании «гражданского общества», по замечанию Ф. Трентмана, имеет понятие «гражданин» [3].

Существует преемственность, вполне очевидная, между понятием гражданина и рыцаря, шляхтича, джентльмена³. Эти понятия всегда были политическими и цивилизационными, они не являются некими локальными характеристиками человека и несут в себе пафос развития, точно обозначая перспективу последовательного смягчения нравов, нормативизации публичного взаимодействия, воспитания, облагораживания, индивидуализации, личного достоинства, образования в широком значении, приобретения формы, – в обязательном соотношении этих норм с публичным порядком. Без концепции личного достоинства и этики невозможно понять назначение и ценность идеи гражданского общества.

Отсюда вытекает важное следствие. Гражданин не задается неким внешним порядком. Гражданин невозможно создать, потому что «гражданин», в существе своем, – это этическая категория, категория обязывания. Она выражает существо модернизации – умения и необходимости человека быть с другими и участвовать в публичной жизни, оставаясь индивидуальностью. Но для того, чтобы участвовать в публичной жизни, «гражданин» должен иметь некую основу, потому что в публичном «гражда-

³ См. напр. Кончакова С.В. Динамика концепта «джентльмен» в английском национальном сознании (на примере романа Ч. Диккенса «Большие надежды») [13]. См. также самые первые тексты, посвященные появлению нового человека: Defoe, Daniel. The Complete English Tradesman. [1]; Локк, Дж. Мысли о воспитании. 1691...Что изучать джентельмену.1703. в 3 т. [14]. Джентльмен – высокообразованный и деловой человек. Локк придумал концепт *tabula rasa* – ребенок, сознание которого пусто и немо и подлежит «очеловечиванию» через воспитание и образование.

нин» – это только статус, только **репрезентация**, и потому так важен вопрос, кого или что именно гражданин представляет в публичной жизни.



Очевидно, что гражданин в публичном порядке репрезентирует личность. Отсюда следует то важнейшее значение, которое имеет в становлении гражданского общества этика, религия – системы, каждая из которых по-своему предоставляет основу самой личности, основу всякой репрезентации. Надо отметить, что поскольку и этика, и религия участвуют в процессе первичной социализации, данное обстоятельство не позволяет рассматривать личность как монаду, каждый раз обнаруживая ее связь с локальными сообществами, в которых и протекает первичная социализация. Отсюда, как бы ни стремился «гражданин» выступать в качестве монады, ему это не вполне удастся, потому что он не может уйти от вопроса оснований репрезентации или от вопроса первообраза тех образов, которые он представляет в публичном. Потому состояние гражданина указывает, с одной стороны, на индивида, наделенного свободой и автономией по отношению к любому рода локальным структурам и публичному порядку, с другой стороны – создающего особое состояние публичного и политического, рассчитанного на принципиальное участие такого субъекта в публичном, где он вынужденно использует ресурсы первичной социализации, а также ресурсы локальных сообществ. Такого рода презентации всегда укоренены в личной этике, а также в нормативных системах локальных структур.

Отсюда, кризис религии или этики должен непременно влечь за собой и кризис гражданского, что мы можем наблюдать на примере истории XX века. Этот кризис обозначает разрыв между субъектом и его репрезентацией. Вторым важным процессом в становлении гражданского становятся вопросы формализации репрезентации, потому что репрезентация требует правовой формы, устойчивости и защиты со стороны публичного порядка. Именно потому для гражданского общества так важно состояние публичного порядка и определенные формы государства, которые не должны быть агрессивными по отношению к личной свободе. Именно потому существование тоталитарных государств в XX веке производит глубокий кризис в сфере гражданского, разрывая связь между репрезентацией и субъектом. По существу, такая ситуация открывает возможности для существования политического абсурда, в котором возможно раздельное существование человека и, к примеру, его тени или носа.

Гражданское общество

Не так много исторических понятий обладали таким расцветом в самом начале и таким резким аннулированием своего значения, как идея гражданского общества. Это понятие было центральным для истории Запада до конца XIX века, когда оно вдруг исчезает из политического словаря, что означает наступление века тоталитарных идеологий и государств. И вот именно в сражении с тоталитаризмом люди в Южной Америке и Восточной Европе вновь открыли эту идею и попытались снова реализовать ее в социальной практике. Восточной Европе принадлежит заслуга реанимации самой идеи гражданского общества во второй половине XX века. В этом регионе Европы возникновение граждан лишь частично было укоренено в процессах индивидуализации Средневековья и Возрождения; граждане являются здесь главным образом конструктами государственной политики, идущей на уступки частному не под давлением процесса цивилизации, нарастания индивидуализма, но под давлением масс и социальных движений XIX–XX веков. Власть создает конструкт «гражданина», но этот конструкт в Восточной Европе изначально не связан с определенным субъектом, не обусловлен им и относится главным образом к коллективным субъектам, а также представляет государство как некий моральный порядок. Гражданин в таком контексте – это нечто большее, чем репрезентация человека: гражданин предстает как элемент народа, элемент государства. Государство же в такой перспективе является не только политическим, но и моральным проектом, интегрирующим людей в моральную общность.

Рассматриваемый концепт «гражданского общества» определяется мною в первую очередь не как некое сообщество, а как пространство или структура, где могут реализовываться ценности, основанные на индивидуальной свободе, и обеспечивается минимальный уровень достоинства личности при условии ее публичного действия. Советский тоталитаризм, составивший во многом образцы представлений о личности, образцы воспитания и поведения в публичной сфере (не изменяемые быстро), является до сих пор важнейшим контекстом и условием развития гражданского общества в Восточной Европе, также как становление State, бюрократической публичной организации власти, претендовавшей на тотальное регулирование социальной жизни было таким контекстом в XVI–XVII вв., или становление класса наемных рабочих – в XVIII–XIX в. в. Каждый раз постановка вопроса о гражданском обществе – это постановка вопроса не только о взаимодействии индивида с публичным порядком, но и о взаимодействии личности с локальными структурами, а также о моральных основаниях пребывания личности в публичном.

Понятие «гражданское общество» обозначало в период борьбы, пожалуй, все оппозиционное тоталитаризму. Гражданское общество было щитом против государства и было фронтом наступления на тотальное государство. Но в коммунистических странах термин «гражданское общество» стал также обозначать пространство сопротивления власти, параллельную официальной структуре, единственно в которой возможно было реализовывать свою свободу. Причину такой субстанциализации концепции гражданского общества нужно искать в восточноевропейской традиции, заданной определением Вацлава Гавела, согласно которому гражданское общество означает «антиполитику», т. е. «частное проживание в пределах правды с собой и с терпимостью к другим» [5, с. 102–108]. Эта позиция является бесспорной для множества интеллектуалов в Восточной Европе и объясняется историей этих обществ в XX веке. Но в такой формуле кроется множество опасностей, искажающих смысл гражданского и создающих из гражданского общества некую параллельную, не соотносящуюся с государственной структурой.

Гражданское общество потому в перспективе его сведения к определенной форме, в том числе отождествления его с локальным, часто является только слоганом, такой вполне объяснимой реакцией на нечеловеческую цену социальных революций,

в которых определенные нормы социальных взаимоотношений отменяются, казнятся короли, а народ вступает в гражданскую войну. В таком случае можно представить, что гражданским обществом являются все ассоциации, сообщества и организации людей, а также семьи, не находящиеся в прямой зависимости от государственной политики и государственной власти. Но это субстанциальное понимание гражданского общества, достаточно опасное для нормальных условий, когда государство перестает воевать с обществом, с локальными структурами.

Для Восточной Европы два этих обстоятельства – продолжительная война государства с частным и существование гражданских статусов в отрыве от личности – являются решающими в развитии идеи гражданского общества. В развитие субстанциального представления о гражданском обществе создаются разного рода государственные программы развития гражданского общества и помощи ему, являющиеся программами адресной материальной помощи определенным субъектам. Представленное таким образом «гражданское общество» позволяет заключить себя в определенные юридические формы, классифицировать и субстанциализировать, превратить себя в действительно «общество». Критерии принадлежности к гражданскому в этом случае определяет законодатель. Отсюда, к примеру, – селективная политика Беларуси в отношении университетов, общественных организаций, религиозных общин, иностранных спонсоров и пр. Так, в Восточной Европе оказывается возможной идеологизация «гражданского общества», совершающаяся уже в условиях свободы и конституционализма [9]. Этот подход продолжает процесс разрывания связи между репрезентацией и первообразом, между человеком и гражданином; гражданское общество в такой интерпретации является абсолютно объективной вещью, возникающей там, где существуют какие-либо ассоциации.

Очевидно, что описанная ситуация может приводить к двум негативным последствиям:

1) государство в Восточной Европе может заменять своими функциями функции гражданского общества. Государство может выступать моральным, социальным и культурным порядком и подавлять любые локальные и гражданские проекты;

2) укрепление независимости и замкнутости локальных структур и индивидов от публичного. Эта тенденция отнюдь не указывает на укрепление гражданского общества, а напротив, означает отказ от участия в публичном, означает создание множества изолированных замкнутых локальностей, каждая из которых вполне самодостаточна.

Дж. Кин в своей реконструкции идеи «гражданского общества», желая подчеркнуть его практическое значение, дает такое определение:

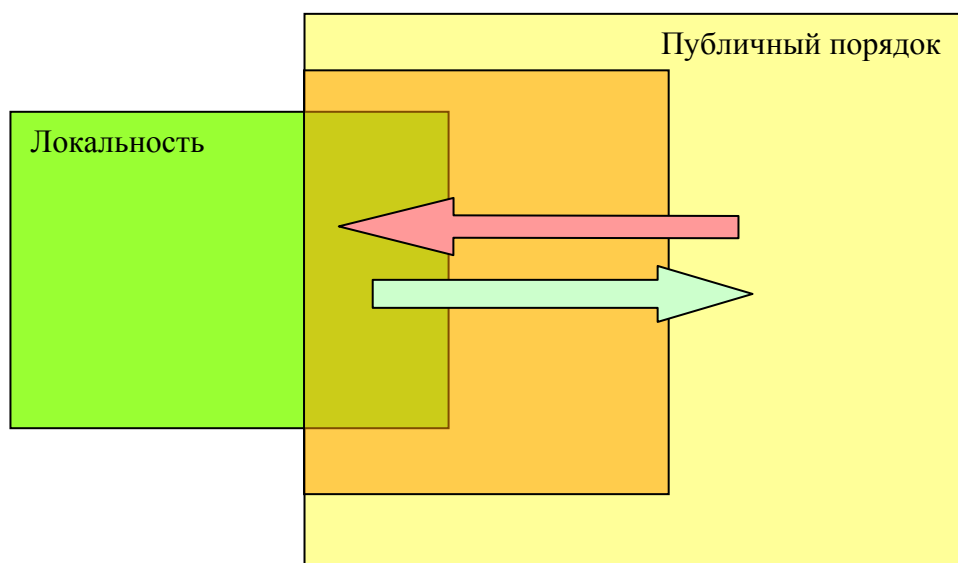
«Гражданское общество»... – это идеально-типическая категория (*idealtypе* в смысле Макса Вебера), одновременно описывающая и предвосхищающая сложный и динамический ансамбль охраняемых законом неправительственных институтов, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и **саморефлексивности**, и которые находятся в постоянных трениях друг с другом и с институтами государственной власти; последние же «оформляют», ограничивают и делают возможной их деятельность [12, с. 18], – тем самым предостерегая против идеологизации понятия «гражданское общество».

Поскольку Джон Кин справедливо предупредил, что самые опасные друзья гражданских обществ – те, кто пробует продать его как идеологическое видение будущего и, таким образом, рискуют повторять ошибки тотальных идеологий, процедурный характер гражданского общества, по контрасту, мог бы быть, по сравнению с идеальным общественным парком, открытым для всех членов общества всегда, где люди свободно присоединяются и составляют различные группы. При этом важным представляется не количество, типология, состав, специфика деятельности таких групп, но сам принцип

возможности их добровольного создания и действия в публичном пространстве. Именно потому гражданское общество – это не функциональная, и тем более не субстанциальная, структура, а процедурная.

Локальное гражданское общество

Возможность исследования соотношения двух явлений – локальных сообществ и гражданского общества – связана с переходом от бесконечных спекулятивных рассуждений над тем, чем именно является гражданское общество, над попытками составить окончательный список субъектов, репрезентирующих гражданское общество, – к исследованиям практик и нормативных систем субъектов, совершающих гражданское действие, одинаково актуальное как для локального, так и для публичного порядка. Практики и нормативные системы, лежащие в их основании, дают ряд социокультурных и нормативных характеристик локальных сообществ, публичного порядка и гражданского общества. Важнейшим институтом, который делает вообще возможным гражданское общество, является институт признания – в первую очередь публичным порядком локальных порядков, что связано всегда с определенным ограничением государственной власти и допущением той или иной степени автономии в обществе. Вообще же исследование процессов, протекающих на локальном уровне, является исследованием нормативных систем. И тогда оказывается, что состояние гражданского общества зависит не только от государства и права, но также от нормативных систем локальных сообществ и от локального порядка, а также от того представления о гражданском, как об определенных положительных практиках человека, оказывающих решительное воздействие на функционирование институтов.



Таким образом, в восточноевропейских странах процесс становления гражданского общества имеет ярко выраженные особенности, связанные с кризисом государства как модели морального единства и постепенным, довольно медленным становлением сферы личной свободы, позволяющей установление связи между личностью и ее репрезентациями в публичном.

Гражданское общество представляет собой совокупность положительных практик, носящих аксиологический характер. В гражданском обществе преимущественное значение уделяется обеспечению свободы человека от насилия, предоставлению права

группам и отдельным индивидам составляют социальные репрезентации, реализации «свободы коммуникации» через создание свободных средств массовой информации, правовому сдерживанию рынка и обеспечению стандартов эффективности производства. Локальные сообщества лишены таких измерений и представляют собой структуры фактически существующие, характеризующиеся социальным местом и определенной нормативной системой. Локальное в своих границах производит определенный нормативный порядок; локальное не является транслятором чужого порядка, оно всегда выработывает его само. Локальность сама по себе не гарантирует свободы человека, предоставление прав отдельным группам, сдерживание экономических акторов и пр. Локальное сообщество может представлять для индивида систему подавления и ограничения. Локальное взаимодействует с публичным именно через нормативный порядок. Иных точек и линий соприкосновения и конкуренции между ними нет. Именно в зоне взаимодействия локального порядка и публичного порядка возникают предпосылки возникновения гражданского общества как системы институтов, опосредующих такие отношения и способствующих существованию личной свободы. И здесь можно, несколько перефразируя определение Э. Гидденса, утверждать, что гражданское общество – это место действия, подразумевающее использование пространства с целью создания среды протекания взаимодействия между личным, локальным и публичным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Defoe, Daniel. *The Complete English Tradesman* / Daniel Defoe. – Edinburg, 1839.
2. George, Robert P. *Natural Law and Human Nature // Natural Law Theory: Contemporary Essays* / Robert P. George – editor. – Oxford : Clarendon Press, 1994. – P. 31–42.
3. *Paradoxes of Civil Society: New Perspectives on Modern German and British History*. Ed. Frank Trentmann. – New York : Berghahn Books, 2000. – P. 3–37.
4. Regulski, Jerzy. *Samorządna Polska* / Jerzy Regulski. – Warszawa : Rosner i Wspólnicy, 2001.
5. Słodkowska, Inka. *Spółeczeństwo obywatelskie na tle historycznego przełomu. Polska 1980–1989* / Inka Słodkowska. – Warszawa : ISP PAN, 2006. – S. 102–108.
6. *Spółeczności lokalneŁ terazniejszość i przyszłość* / red. naukowa Bohdan Jałowecki, Wojcech Łukowski. – Warszawa : Scholar, 2006. – S. 12.
7. Арендт, Хана. *VITA ACTIVA, или о деятельной жизни* / Ханна Арендт. – СПб, 2001.
8. Гидденс, Э. *Устроение общества. Очерк теории структуризации* / Э. Гидденс. – Москва : Академический Проект, 2005. – С. 185.
9. *Гражданское общество, история и современность* / ред. И. Кальной. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2000.
10. *Две страны: Встреча с Александром Милинкевичем*. – Режим доступа : <http://www.nmnby.org/pub/270206/two.html>. – Дата доступа : 24.06.2007.
11. Зигерт, Й. *Гражданское общество в России* / Й. Зигерт // *Отечественные записки*. – 2005. – № 6.
12. Кин, Дж. *Демократия и гражданское общество* / Дж. Кин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – С. 18.
13. Кончакова, С. В. *Динамика концепта «джентльмен» в английском национальном сознании (на примере романа Ч. Диккенса «Большие надежды») / С. В. Кончакова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Выпуск 3/2006.*

-
14. Локк, Дж. Мысли о воспитании. 1691. Что изучать джентельмену. 1703 : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с. – (Филос. Наследие. Т. 103). – С. 407–614.
15. Монтень, М. Опыты / М. Монтень. – М. : Прогресс, 2000. – Кн. 2.
16. Элиас, Н. О процессе цивилизации / Н. Элиас. – Москва – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001.

Bresky O. Locality and public discorce

This article is devoted to the analysis of personal action in public sphere and to the role of local communities in civil society formation. The idea that the process of the civil society genesis in Eastern European countries is strongly connected to crisis of the concept of state as a model of moral unity is underlined.

The most actual is the question of cohering between the person and its representation in public sphere. On the one hand, the individual allocated individual freedom and an autonomy in relation to any sort to local structures and the public order. On the other hand individual is creating a special public and political condition, designed for personal participation in public sphere. Person uses resources initial socialization, and also resources of local communities. This model allows to see communication between representation and personal ethics, and also normative systems of local structures.

УДК 343

С.М. Храмов**МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В статье исследуется латентный аспект преступности. На основе сопоставления статистических данных, результатов научных исследований делается вывод о необходимости комплексного анализа вопросов латентной преступности и методов ее выявления. Среди последних выделяются опросы, анкетирование, виктимологический мониторинг, контент-анализ материалов прессы, информационно-сравнительный метод. Предлагается перспективная методика измерения латентной преступности на основе модульного анализа конструирования социума.

Введение

Одним из специфических свойств преступности является ее латентный характер. Данный социально-правовой феномен детерминирован взаимобусловленным комплексом факторов, находящихся в сферах социально-экономических отношений, правовой и правоприменительной политики, группового и индивидуального сознания. Борьба с латентными проявлениями преступности невозможна без использования современных подходов к ее выявлению. Множество факторов латентности преступлений и разнообразие конкретных способов и приемов ее измерения предполагает определенное упорядочение последних. Цель данной статьи – проанализировать имеющиеся методы выявления латентной преступности в Республике Беларусь, оценить их эффективность и определить дальнейшее направление исследований в данной сфере.

Понятие латентной преступности

Еще в XIX веке создатель научной статистики бельгийский ученый А. Кетле утверждал, что доля скрытых преступлений во много раз превышает долю известных. С точки зрения современных ученых, «тенденция латентности так же свойственна преступности в целом, как стремление скрыть совершенное преступление свойственно отдельному преступнику» [1, с. 46].

В советской юридической науке проблема латентности преступности стала всесторонне исследоваться в 60–70-х годах XX в. Именно в это период времени делались попытки дать научное определение латентности (латентной преступности). В 1969 году Г. Булатов и Н. Майоров определили латентную преступность как «совокупность преступлений, оставшихся невыявленными, неизвестными органам милиции, суда» [2, с. 59].

В 1973 году А.С. Шляпочников и Г.И. Забрянский высказали мнение о том, что «латентным следует считать преступление, скрытое от одного из органов, которым по закону предоставлено право расследовать или рассматривать дела о совершенных преступлениях» [3, с. 98].

Несмотря на то, что эти определения отличаются друг от друга, основной упор в них делается на то, что латентные преступления не зарегистрированы в соответствующих правоохранительных органах. Действительно, в криминологии латентная преступность (от лат. *latens*, род. п. *latentis* – скрытый) рассматривается как часть преступности, которая не получает отражения в уголовной статистике и не становится предметом уголовного судопроизводства.

Говоря о преступности, следует иметь в виду, что некоторые ее виды более латентны, другие – менее. Это зависит как от особенностей конкретных видов преступности, так и от позиции государства и поведения населения, не всегда ставящего правоох-

ранительные органы в известность о совершенных преступлениях. Так, наименее латентны особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь человека. Ежегодно в Республике Беларусь регистрируется около 1 тысячи убийств. Более всего латентны кражи, преимущественно в незначительном размере. Высока латентность преступлений в семейно-бытовой сфере. По данным Министерства внутренних дел (далее – МВД), примерно в 50% случаев потерпевшие вообще не обращаются с заявлениями в милицию.

Согласно статистическим данным в 2007 году в Республике Беларусь зарегистрировано 180 427 преступлений [4, с. 1]. По сравнению с 2006 годом зарегистрированных преступлений даже стало меньше на 5,8%. Соответствуют ли эти показатели реальным размерам преступности? Ответ однозначен: нет, не соответствуют. Причиной тому является наличие латентной преступности, которая характерна для любой страны мира. Республика Беларусь не является исключением.

Некоторые эксперты полагают, что соотношение зарегистрированных и латентных преступлений составляет примерно 1 : 3. Данное соотношение может варьироваться. Ученые высказывают мнение о том, что реальная преступность «в 3–4 раза больше того, что отражается в единых отчетах» [5, с. 167]. По некоторым категориям преступлений соотношение может быть еще большим. По оценкам специалистов, в соседней России «ежегодно совершается около 10–12 млн. преступлений, однако регистрируется только 2,5–3,5 млн.» [6, с. 104]. Эти данные приводятся со ссылкой на руководство МВД и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Кроме того, в различных сферах уровень латентной преступности может быть различным. Например, в банковской системе, по данным И. Викторова и В. Миронова, уровень латентности преступлений составляет не менее 90%, хищений – 70–80% [7, с. 10]. Анализируя эти показатели, В. Хилюта замечает: «Несмотря на то, что в последнее время наметилось определенное снижение преступлений в кредитно-банковской сфере, результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что реальное количество этих преступлений достаточно велико, а статистические сведения отражают в основном лишь эффективность деятельности правоохранительных органов в данном направлении» [8, с. 47].

Актуальность проблем латентной преступности в Республике Беларусь

Наличие латентной преступности способно вызвать крайне негативные последствия. Она создает в криминальной среде психологическую обстановку безнаказанности за общественно опасные деяния, стимулирует преступников на совершение все новых и новых (как правило, более опасных) преступлений; содействует формированию стойких преступных образований; подрывает принцип неотвратимости наказания; снижает общепреventивное значение уголовного закона, существенно ухудшает моральный климат в государстве, отрицательно сказывается на законности и правопорядке в целом. Несмотря на это, до сих пор в нашей стране комплексный анализ вопросов латентной преступности и методов ее выявления не проводился. Отдельные публикации, косвенно касающиеся этой темы, не восполнили, да и не могли восполнить, имеющийся пробел. Они лишь очерчивают видимые контуры существующей проблемы. Так, анализируя статистические показатели о борьбе с коррупцией, общепризнанный специалист в области уголовного права Э.А. Саркисова отмечает, что «достаточно высок и уровень латентности таких преступлений, особенно взяточничества, которое составляет в общей структуре коррупционных преступлений весьма значительный удельный вес (свыше 30%)» [9]. В другой статье на антикоррупционную тематику Э.А. Саркисова замечает: «Разумеется, приведенные данные в силу высокой латентности взяточничества не являются достаточно точным показателем состояния коррупции в стране, но характеризуют в определенной мере активность правоохранительных органов в борьбе

с этим преступлением» [10]. На высокую латентность получения взяток Э.А. Саркисова обращала внимание и ранее [11]. Эту же характерную особенность взяточничества отмечает А.М. Клим, анализируя общесоциальные меры предупреждения данного преступления [12]. Повышенный уровень латентности противоправных действий, совершаемых в сфере незаконной миграции, отмечает в своей статье В.В. Марчук [13].

Как следует из приведенного обзора публикаций на актуальные темы уголовно-правовой и криминологической тематики, авторы единодушно отмечают наличие высокого уровня латентной преступности, особенно в коррупционной сфере, однако не указывают путей ее преодоления.

Интерес к проблеме латентной преступности в нашей стране несколько оживился с принятием в сентябре 2004 года Министерством внутренних дел Республики Беларусь постановления № 207 «О некоторых вопросах оценки эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь», которым была введена в действие Инструкция по организации изучения общественного мнения о работе органов внутренних дел Республики Беларусь. Инструкция в качестве одной из целей поставила определение уровня латентной преступности. При этом МВД откровенно признало, что латентная преступность является одним из проблемных вопросов правоохранительной направленности.

Принятие данного постановления сыграло определенную роль в выявлении скрытых преступлений, поскольку документ был направлен на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь в борьбе с преступностью и обеспечение охраны общественного порядка, соблюдение гласности и объективности в оценке работы милиции, совершенствование системы подведения итогов оперативно-служебной деятельности. Вместе с тем при выявлении латентных преступлений не использовались все имеющиеся методы, в связи с чем их уровень все еще остается недопустимо высоким.

10.12.2007 года МВД внесло некоторые изменения и дополнения в вышеуказанное постановление. К сожалению, они не коснулись чрезмерно лаконичного упоминания о латентной преступности.

Проблема повышения уровня латентности преступлений прямо обозначена в Указе Президента Республики Беларусь от 07.05.2007 № 220 «Об утверждении государственной программы по борьбе с коррупцией на 2007–2010 годы». 18 марта 2008 года на совещании по вопросу укрепления обороноспособности, правопорядка и безопасности государства А.Г. Лукашенко подверг справедливой критике работу правоохранительных органов. По словам Главы государства, доклады и отчеты о складывающейся оперативной обстановке не отражают реальной ситуации. Глава государства напомнил о действовавших в Гомельской области бандах. «Как могло случиться, что они безнаказанно бесчинствовали около 10 лет на глазах милиции, прокуратуры и КГБ. Эти факты говорят о серьезных провалах и проблемах, глубоко укоренившихся внутри наших ведомств», – сказал Президент [14]. Речь здесь идет именно о латентных преступлениях, несвоевременное выявление которых повлекло совершение новых, еще более тяжких общественно опасных деяний.

Методы выявления латентных преступлений

Очевидно, что борьба с преступностью может быть успешной лишь тогда, когда известно истинное положение дел. Адекватная оценка складывающейся криминогенной ситуации, кроме изучения данных официальной статистики, возможна лишь при комплексном использовании различных методов определения латентной преступности. Наиболее востребованными из них в настоящее время являются опросы, анкетирова-

ние, виктимологический мониторинг, контент-анализ материалов прессы и некоторые другие.

В последнее время руководство МВД Республики Беларусь в качестве основного критерия для оценки работы милиции использует мнение населения. Можно только приветствовать эту конструктивную позицию. Если и далее будет соблюдаться такой подход к оценке правоохранительной деятельности, это положительно скажется на правовой защищенности граждан и, без сомнения, будет способствовать снижению уровня незарегистрированных преступлений.

Как метод сбора первичной информации об объективных и (или) субъективных фактах опросы населения получили широкое распространение в республике. Эффективность опроса определяется его систематичностью, разнообразием форм проведения. Чаще всего опросы населения проводятся в формах анкетирования и интервьюирования. При этом применяются возможности современных технологий. Например, на официальном сайте МВД Республики Беларусь в глобальной сети Интренет имеется страничка интерактивных опросов. На вопрос «Если Вы стали свидетелем преступления, обратитесь ли Вы в милицию?» 69,41% из 716 человек, принимавших участие в интерактивном опросе, ответили положительно. Остальные в такой ситуации вообще не будут обращаться в милицию (21,23%) или постараются разобраться сами (9,36%). Вызывает озабоченность, что более 58% опрошенных отрицательно оценивают работу милиции (плохо – 25,95%, очень плохо – 32,70%). Всего в опросе принимало участие 1 052 респондентов.

Сами сотрудники милиции при проведении опросов населения используют специально разработанные анкеты, форма которых утверждена Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 14.09.2004 № 207. Согласно п. 8 названной Инструкции анкетирование населения осуществляется сотрудниками органов внутренних дел с привлечением добровольных помощников из числа граждан, проживающих на территории проведения опроса, а также представителей общественных организаций. К изучению общественного мнения могут также привлекаться на договорной основе организации, осуществляющие деятельность в сфере социологических исследований. При этом положительной практикой является использование возможностей средств массовой информации (далее – СМИ).

При изучении общественного мнения в масштабе республики и отдельных областей 30% респондентов должны составлять жители сельской местности.

Положительно, что в анкете прямо сформулированы вопросы, которые могут прояснить ситуацию об истинном размахе латентной преступности («Пострадали Вы либо члены Вашей семьи от преступлений за последние 2 года и обращались ли при этом в милицию?». «Приходилось ли Вам за последний год обращаться в милицию? Если да, то по какой причине?»).

Для выявления латентных преступлений может проводиться виктимологический мониторинг, который предусматривает опросы лиц, потерпевших от противоправных посягательств. Сам термин «виктимизация» обозначает процесс превращения лица в жертву преступления, а также результат этого процесса как в единичном, так и в массовом порядке. Риск стать жертвой преступления достаточно велик. Опросы населения показали, что «более пятой части респондентов были в прошлом жертвами различных категорий преступлений, причем некоторые из них оказались таковыми два и более раза» [15].

Следует отметить, что проведение виктимологического мониторинга было предусмотрено в Концепции статуса жертвы преступления в Республике Беларусь и предупреждения виктимизации населения от тяжких насильственных преступлений, разработанной в Научно-исследовательском институте проблем криминологии, кримина-

листки и судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Беларусь в 1996–2000 годах. Текст Концепции прошел рецензирование на кафедре уголовного права Белорусского государственного университета и в Прокуратуре Республики Беларусь.

Дополнительным источником информации для изучения общественного мнения являются сообщения в СМИ. Для этого используется метод контент-анализа. В научной литературе контент-анализ рассматривается как метод качественно-количественного анализа массива документов с целью получения достоверной информации, то есть в качестве многоцелевого метода исследования социальной реальности на материале текстов. При использовании контент-анализа в качестве одного из методов определения латентной преступности становится важным не сам текст, а лишь то, что обуславливает его появление в СМИ (например, совершенное преступление). Возможности применения контент-анализа для исследования различных текстовых массивов достаточно широки. В случае анализа материалов СМИ контент-анализ позволяет получить знание о том, какой отпечаток несут эти сообщения в контексте складывающейся криминологической ситуации в обществе.

Выявлению латентной преступности способствует также применение метода экспертных оценок. Экспертная оценка заключается в обобщении мнений научных и практических работников, специально отобранных по признакам стажа, квалификации, круга интересов и знаний и т. п., о будущих параметрах преступности или некоторых ее видов, а также о процессах и явлениях, интенсивно влияющих на ее тенденции. Ценность метода заключается, прежде всего, в том, что высококвалифицированный специалист, высказывая свое суждение о прогнозируемом явлении или событии, использует не только официальные данные, но и свои опыт и интуицию. Проблема использования данного метода состоит в том, чтобы найти достаточно квалифицированного эксперта, способного дать оценку, правильность которой может подтвердиться лишь спустя определенное время.

В правоохранительных органах используют, кроме того, специфические методы выявления скрытых преступлений. Эти методы главным образом применяются в процессе оперативной, следственной и надзорной деятельности. Наиболее распространенным методом установления латентных преступлений в данном случае является сравнение информации о совершенных преступлениях определенного вида с количеством возбужденных по ним уголовных дел. Его можно назвать информационно-сравнительным методом установления латентных преступлений. В эту же группу необходимо отнести изучение (проверку) отказных материалов, а также прекращенных производством уголовных дел. Латентные преступления могут выявляться и при осуществлении проверок исполнения законодательства на предприятиях, в учреждениях, местных исполнительных и распорядительных органах, государственного управления, контролирующих органах. По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в 2007 году по результатам таких проверок было возбуждено 388 уголовных дел.

Особый интерес заслуживают те методические приемы по установлению латентных преступлений, которые базируются на использовании статистической информации и математического аппарата.

Дальнейшее развитие криминологической мысли позволит еще более точно познать масштабы латентной преступности. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Это, в частности, относится к разработке методики измерения латентной преступности на основе модульного анализа конструирования социума, основу которой составляет системный подход к исследованию общества в целом и преступности в частности. Научная концептуальная схема при использовании данной методики опирается на модельную теорию социума. Модульный анализ конструирования социума предполагает широкое использование возможностей применения современной компьютерной техно-

логии, которая позволяет не только вычислить показатели латентных преступников и преступлений, но и определить тенденции развития латентной преступности в Республике Беларусь. Ценность метода модульного анализа конструирования социума заключается и в том, что он позволяет спрогнозировать вероятную тенденцию дальнейшего развития этого явления.

Заключение

1. Латентная преступность представляет собой совокупность незарегистрированных преступлений.

2. В силу своей значительной распространенности и повторности латентная преступность как социально-правовое явление обладает существенной общественной опасностью.

3. Для того чтобы эффективно противостоять латентной преступности, правоохранительным органам Республики Беларусь необходимо на системной основе использовать всю совокупность методов и методик ее выявления.

4. К наиболее востребованным в Республике Беларусь методам выявления латентной преступности относятся опросы и анкетирование населения, виктимологический мониторинг, контент-анализ материалов прессы, информационно-сравнительный метод.

5. Одной из перспективных методик определения уровня латентной преступности является модульный анализ конструирования социума. Преимуществом данной методики является системный подход к исследованию явлений, происходящих в социальной сфере. В сочетании с другими методами она может дать наиболее достоверные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коган, В. М. Социальные свойства преступности : учеб. пособие / В. М. Коган. – М. : РИО, 1977. – 91 с.
2. Булатов, Г. Показательность данных уголовной статистики / Г. Булатов, Н. Майоров // Вестник Моск-го ун-та. Сер. XII. Право. – 1969. – № 3. – С. 59
3. Шляпочников, А. С. Выявление латентной преступности / А. С. Шляпочников, Г. И. Забрянский // Советское государство и право. – 1973. – № 5. – С. 98–103.
4. Отдельные показатели о состоянии преступности на территории Республики Беларусь за 12 месяцев 2006–2007 года / Центр. информ.-аналит. упр. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : М-во внутр. дел Респ. Беларусь, 2008. – 8 с.
5. Капинус, О. С. Современные мировые тенденции и закономерности преступности / О. С. Капинус, А. О. Шорор // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2004. – № 1. – С. 165–176.
6. Волчок, В. Г. Состояние уголовно-правовой статистики и меры по снижению латентной преступности в войсках / В. Г. Волчок // Право в Вооруженных Силах. – 2006. – № 10. – С. 103–107.
7. Викторов, И. Законность в кредитно-банковской сфере / И. Викторов, В. Миронов // Законность. – 1997. – № 11. – С. 10–16.
8. Хилюта, В. Банковская преступность в Беларуси: истоки и тенденции / В. Хилюта // Банкаўскі веснік. – 2004. – № 13. – С. 42–47.
9. Саркисова, Э. А. Преступления и наказания должностных лиц в контексте борьбы с коррупцией (по состоянию на 04.10.2007) / Э. А. Саркисова // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.

10. Саркисова, Э. А. Борьба с коррупцией – актуальная проблема (по состоянию на 25.01.2007) / Э. А. Саркисова // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.

11. Саркисова, Э. А. Получение взятки – опасное проявление коррупции (по состоянию на 10.10.2005) / Э. А. Саркисова // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.

12. Клим, А. Общесоциальные меры предупреждения взяточничества (по состоянию на 20.07.2006) / А. Клим // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.

13. Марчук, В. В. Криминологическая характеристика и правовые средства противодействия незаконной миграции (по состоянию на 01.07.2007) / В. В. Марчук // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2008.

14. Лукашенко, А. Г. Выступление на совещании по вопросу укрепления обороноспособности, правопорядка и безопасности государства 18 марта 2008 года / А. Г. Лукашенко // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2008. – Режим доступа : <http://www.president.gov.by/press55210.html>. – Дата доступа : 19.03.2008.

15. О концепции защиты жертв преступной деятельности : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20.01.2006г., № 74 // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 19. – 5/17152.

Chramov S. M. Latent criminality and methods of its revealing is judged

Clause is devoted to urgent problems of struggle with criminality. Its latent aspect is investigated in it. On the basis of the given statistic analysis the opinions of the authoritative scientists the necessity of the complex analysis of questions of latent criminality and methods of its revealing is judged. Among the last the interrogations, questionnaires, viktimological monitoring, content-analysis of materials of press, informational-comparative method are allocated. The development of technique of measurement of latent criminality is offered on the basis of the modular analysis of designing socium.

УДК 342.731

С.В. Корзик

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ПОВОДУ СВОБОДЫ СОВЕСТИ, ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

В статье показана атеистическая направленность конституционного регулирования отношений по поводу свободы совести, вероисповедания и религиозных организаций в бывшей Советской Белоруссии, раскрыты предпосылки кардинального преобразования конституционного регулирования отношений, связанных с религией и церковью, созданные еще до распада СССР в условиях обретения и закрепления республикой статуса независимого государства, показано историческое значение отмены коммунистического принципа отделения церкви от государства и замены его принципом их взаимодействия, регулируемого законом. Раскрыт гуманный и цивилизованный характер статей, впервые включенных в постсоветскую Конституцию 1994 года и сохраненных без изменений в ее новой редакции 1996 года, и статей, в содержание которых были внесены изменения в ее новой редакции 1996 года. Каждый этап в становлении конституционных основ регулирования отношений в области религии в постсоветской Беларуси объяснен в контексте политико-правовых перемен в государстве и обществе как следствие объективной необходимости, а не результат случайного стечения обстоятельств.

Введение

Последней Конституцией, принятой в Советской Белоруссии, была Конституция 1978 года. В ней только две статьи касались свободы совести и религиозных организаций.

В первой части статьи 32 провозглашалось равенство граждан Белорусской ССР перед законом независимо от их отношения к религии, во второй ее части закреплялось, что равноправие граждан обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни.

Формула «равноправие обеспечивается» делала конституционное положение о равенстве граждан перед законом, независимо от отношения к религии, четким и обязывающим. Однако провозглашение равенства прав всех граждан в качестве одного из кардинальных принципов правопорядка играло в республике во многом пропагандистскую роль. В реальной практике существовали большие ограничения на различные формы деятельности для верующих людей, религиозных активистов. Для них практически была закрыта возможность карьеры в организациях управления, в армии, в системе образования, здравоохранения и т. д. Г.А. Василевич, раскрывая недостатки белорусских советских конституций, отметил, что многие их нормы носили декларативный характер [1, с. 8].

Об объединениях верующих в Конституции 1978 года ничего не говорилось. Право объединяться для совместного удовлетворения религиозных потребностей верующим гражданам предоставлялось Положением о религиозных организациях. В советской республике это право было сопряжено с многочисленными законодательными и фактическими ограничениями.

Научный руководитель – А.Г. Василевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета.

В статье 50 Конституции 1978 года содержалась норма о свободе совести. Религиозное мировоззрение в ней признавалось законным основанием для отправления верующими только религиозных культов. Права на ведение религиозной пропаганды верующие не получили. Граждане же, имеющие атеистические убеждения, получили право свободно их выражать и пропагандировать как устно, так и в печати. Конституция, следовательно, отдавала откровенное предпочтение атеизму. Предоставив атеистам больше прав, чем верующим, законодатель столкнул их между собой, придав советской системе свободы совести конфронтационный характер.

Автор разделяет мнение В.М. Завальнюка и В.И. Новицкого, которые считают главным недостатком бывшего советского законодательства о культах именно то, что верующие «...знаходзіліся ў няроўным становішчы з атеістамі, падвяргаліся ганенням» [4, с. 297].

Кроме принципа свободы совести, в части первой статьи 50 Конституции 1978 года было сформулировано *положение о запрещении в республике возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями*. Однако в СССР в антирелигиозной печати и пропаганде враждебностью считалось высказывание верующими критических замечаний о порядке и законах, связанных с религиозной жизнью.

В части второй статьи 50 Конституции 1978 года был закреплен принцип отделения церкви от государства [5, с. 22]. В ней не было определения указанного понятия, ничего не говорилось также о целях отделения церкви от государства.

На основе принципа отделения церкви от государства в Советской Белоруссии осуществлялось насильственное разрушение ее учреждений путем политико-правовых и организационно-административных мер.

Устойчиво дискриминационный характер режима отделения церкви от государства в Советской Белоруссии нанес «вялікую шкоду духоўнаму жыццю грамадства, непапраўныя людскія страты сярод свяшчэннаслужыцеляў, вернікаў...» [4, с. 168].

Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси в одном из своих пасхальных посланий сказал: «Сапраўды, падзеі тых дзесяцігоддзяў склалі мучаніцкую славу Маці-Царквы» [7, с. 3].

Основная часть

Предпосылки для кардинального преобразования конституционного регулирования отношений в области религии были созданы еще до распада СССР в ряде нормативных правовых актов, принятых в республике *в период с июля 1990 по декабрь 1991 года*. Они включали провозглашение государственного суверенитета; признание национального права регулятором общественных отношений в стране; приостановление деятельности КПБ – КПСС на территории республики; департизацию органов государственной власти и управления республики, государственных предприятий, учреждений, организаций; денонсацию Договора 1922 года об образовании Союза Советских Социалистических Республик и ратификацию Соглашения об образовании Содружества Независимых Государств.

Значение Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь (тогда еще БССР), принятой Верховным Советом Белорусской ССР 27 июля 1990 года, для формирования новой законодательной базы в области религии определялось тем, что в ней закреплялось положение о недопустимости обращения деятельности общественных объединений, следовательно, и религиозных, против национальной государственности Республики Беларусь (часть четвертая статьи 1). Установив верховенство республиканского законодательства над союзным, Декларация поставила перед законо-

дателем задачу разработки новой собственной законодательной базы дальнейшего развития страны, в том числе в сфере религии.

Важной правовой предпосылкой формирования национального законодательства в области религии явилось провозглашение в статье 9 Декларации самостоятельности республики в решении вопросов духовного развития белорусской нации и других национальных общностей, закрепление принципа сохранения национальных духовных традиций белорусского народа.

Особенности становления постсоветского законодательства в области религии были predeterminedены также в Законе Белорусской Советской Социалистической Республики от 27 февраля 1991 года «Об основных принципах народовластия в Белорусской ССР». В нем содержались положения: о запрете на принятие совместных актов органов государственной власти, управления и общественных объединений (часть четвертая статьи 7); о запрете вмешательства общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц, равно как и вмешательство государственных органов в деятельность общественных объединений, кроме случаев, когда это прямо предусмотрено законом (часть первая статьи 9). В части четвертой статьи 3 указанного закона было установлено, что законодательство СССР действует на территории Белорусской ССР, если оно не противоречит законодательству Белорусской ССР.

Постановление Верховного Совета Белорусской ССР от 25 августа 1991 года «О временном приостановлении деятельности КПБ – КПСС на территории Белорусской ССР» законодательно оформило уход Коммунистической партии с политической арены. С принятием данного постановления окончательно утратили силу положения партийной программы, постановления партийных пленумов, резолюции партийных конференций, съездов, касающиеся церкви и верующих. В республике были созданы правовые условия, при которых идеалы и ценности одной партии, насколько бы они не были многообещающими, уже не могли быть определяющими при разработке нового национального законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях.

Принципиальное значение для становления постсоветского белорусского законодательства в области религии имела статья 3 Соглашения об образовании Содружества Независимых Государств, в которой закреплялась норма, обязывающая государство способствовать выражению, сохранению и развитию религиозной самобытности национальных меньшинств, населяющих территорию республики.

Однако политико-правовые преобразования в Беларуси в период с июля 1990 по декабрь 1991 года – это еще не появление нового белорусского законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях, а всего лишь, как отмечено выше, его ближайшая предыстория. *История же началась с обновления положений Конституции 1978 года, непосредственно касающихся отношений между государством и церковью (конфессиями).*

Спустя месяц после распада СССР Закон Республики Беларусь от 9 января 1992 года «О внесении изменений в Конституцию (Основной Закон) Республики Беларусь» исключил из части второй статьи 50 Конституции 1978 года формулировку: «Церковь в Белорусской ССР отделена от государства и школа от церкви» [5, с. 22]. Это стало первым шагом на пути кардинального преобразования конституционных основ регулирования отношений в области свободы совести и религиозных организаций, потому что в Конституцию вместо требования об отделении церкви от государства была внесена норма об их взаимодействии, регулируемом законом. Законодатель установил, что основополагающие аспекты взаимоотношений государства и церкви (конфессий) должны определяться не в ведомственных актах, а в законе, которые нельзя отме-

нять приказами местных чиновников. Вторжение в сферу регулирования государственно-церковных отношений других ветвей власти недопустимо.

Дальнейшие кардинальные перемены в конституционных основах законодательства в области религии связаны с принятием Конституции 1994 года и ее новой редакции 1996 года [6]. Конституция 1994 года и ее новая редакция 1996 года – это не две, а одна Конституция, но ее статьи, касающиеся религии и религиозных организаций, можно разделить на две группы: статьи, впервые включенные в постсоветскую Конституцию 1994 года и сохраненные без изменений в ее новой редакции 1996 года, и статьи Конституции 1994 года, в содержание которых были внесены изменения и дополнения при принятии ее новой редакции 1996 года.

Рассмотрим сначала первую группу статей и закрепленные в них нормы и попытаемся раскрыть характер изменений, произошедших в конституционных основах регулирования отношений в области религии и религиозных организаций в связи с переходом от Конституции 1978 года к Конституции 1994 года и ее новой редакции 1996 года.

Возможность создания и деятельности религиозных организаций в постсоветской Беларуси вытекает из права каждого на свободу объединения, закрепленного в статье 36 Конституции. Непосредственно право верующих на объединение закреплено в статье 31 Конституции, в которой говорится, что каждый имеет право совместно с другими исповедовать любую религию. Конституция не диктует людям тип общинного участия. Каждый вправе самостоятельно определяться в соответствии с религиозными убеждениями. Статья 31 дает каждому право принимать участие в религиозной жизни в аутентичном сообществе других людей со схожими убеждениями.

Постсоветская Конституция Беларуси (статья 4) не допускает исключительности какой-либо одной идеологии. Это относится и к религиозной идеологии, представляющей собой более или менее систематизированное изложение религиозных догм и мифов профессиональными церковниками и богословами.

В настоящее время значительная часть граждан Беларуси принадлежит к религиозным объединениям, созданным на основе различных доктрин и взглядов. Признавая неизбежность и естественность поликонфессионального состояния общества, Конституция Беларуси защищает граждан от диктата идеологии какого-либо одного религиозного объединения. Стремление любого религиозного объединения превратить свою идеологию в единственно универсальную, абсолютную ценность и мерило истины является антиконституционным, не отвечает интересам общества и государства. Идеология, к примеру, Белорусской Православной Церкви, которая в соответствии с ее уставом является республиканским религиозным объединением, не может быть возведена, как и идеология других религиозных объединений, в ранг обязательной для всех граждан республики. Она не может обладать исключительностью и по сравнению с идеологией, скажем, свободомыслия. Государство признает, что церковь является однородной идеологической системой, преобразуемой частично в систему службы и духовного управления верующими. Однако она не может принуждать граждан руководствоваться в отношениях с другими гражданами религиозными нормами, решать на их основании вопросы своей личной жизни. На религиозных организациях лежит ответственность за любые попытки превращения своей идеологии в обязательную для всех, а на государстве – обязанность контроля за реализацией конституционных предписаний относительно религиозной идеологии.

Конституция направляет свое запретительное предписание, несомненно, на обеспечение гарантий религиозных прав и свобод каждого человека и тем самым на совершенствование демократических основ построения государственно-церковных отношений. Она не препятствует гражданам поддерживать доктрины, взгляды религиоз-

ных организаций и деятелей, отстаивающих интересы нации, общества, не противоречащие нормам государственного права и естественной морали.

Для исключения каких-либо предпосылок использования религии и церкви в антигосударственных и антиобщественных целях в *постсоветскую Конституцию включены нормы, предусматривающие определенные запреты в качестве мер превентивного характера*. В части третьей статьи 5 предусматривается такая важная конституционная основа обеспечения и защиты прав человека на свободу совести и вероисповедания, как запрещение создания и деятельности политических партий, а равно других общественных объединений, ведущих пропаганду религиозной вражды между людьми. В данном запрете реализовано требование статьи 59 Конституции о том, что белорусское государство обязано принимать все доступные меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан республики, включая право на свободу совести и свободу вероисповедания. В силу этой конституционной обязанности государство не может допустить, чтобы на его территории создавались и действовали объединения, целью которых является пропаганда религиозной вражды, провоцирующая в конечном счете обострение государственно-конфессиональных отношений, нарушение сложившегося баланса в отношениях между религиозными конфессиями. Все это создает угрозу обществу, которое на религиозном уровне делится на сторонников вероисповеданий и конфессий, принадлежащих к 26 направлениям. Конституция Республики Беларусь, следовательно, предоставила политическим партиям, а равно другим общественным объединениям, право выбора – либо действовать в рамках Конституции и законов Республики Беларусь в целях содействия выявлению и выражению политической воли граждан, либо вообще не заявлять о себе как элементе политической системы, если преследуются цели, запрещенные частью третьей статьи 5 Конституции.

Однозначно отрицательное отношение государства к политическим партиям и другим общественным объединениям, ведущим пропаганду религиозной вражды, соответствует требованию части второй статьи 21 Конституции, согласно которой государство ответственно за создание условий для свободного и достойного развития личности, не расходится с международными правовыми нормами.

В соответствии со статьей 12 Конституции *Республика Беларусь может предоставлять право убежища лицам, преследуемым в других государствах за религиозные убеждения*. Предоставление права убежища означает, что получившие его лица не выдаются государству, которое их преследует. Статья 12 Конституции республики принципиально отличается от статьи 36 белорусской Конституции 1978 года. Основания, по которым БССР представляла право убежища, носили преимущественно классово-политический характер. Конституция 1978 года не включала в число иностранцев, имеющих право на убежище, лиц, преследуемых за религиозные убеждения. Только в постсоветской Конституции иностранцы, преследуемые за религиозные убеждения, получили право на убежище.

Большое общественное значение имеет статья 57 Конституции, предоставляющая гражданам право на замену воинской службы альтернативной. Значение данного права определяется тем, что оно предотвращает случаи превращения религиозных верований отдельных личностей в уголовно наказуемое поведение. Если вопросы религиозной веры и воинской службы не урегулированы внутринациональным законодательством, отказ молодых людей от воинской службы по религиозным убеждениям может порождать преступность. Все религиозные организации, отрицательно относящиеся к военной службе, потенциально могут провоцировать преступления. Следовательно, конституционная норма, сформулированная в статье 57, направлена на то, что-

бы религиозная вера не провоцировала преступлений, не способствовала росту уровня преступности в республике.

Общее конституционное положение о том, что в Беларуси человек имеет право выбора между обязанностями: выполнять свой долг перед обществом в виде военной службы или в виде альтернативной – конкретизировано в специальных нормативных актах.

В постсоветской Конституции законодатель гарантирует равную защиту приверженцам различных религий и вероисповеданий, не фиксируя и не учитывая их индивидуальных черт и свойств. Юридическое равенство, закрепленное в части первой статьи 16 Конституции, способствует фактически неравным религиозным организациям в отстаивании своих прав. Социальная значимость нормы о равенстве религий и вероисповеданий перед законом состоит также в обеспечении их мирного сосуществования, в предупреждении межконфессиональной враждебности. Законодатель, учитывая важность сохранения здоровых межрелигиозных отношений в обществе, исходит из необходимости устранения обид, накопившихся между религиозными конфессиями в прошлом, а также из необходимости предотвращения конфликтов на почве споров из-за храмов, из-за допуска к средствам массовой информации, из-за распределения экранного и эфирного времени и многого другого. Исключая дискриминацию законно существующих на территории Беларуси религий и вероисповеданий, юридическое равенство не устраняет их фактического неравенства, ибо религии не равны по своему имущественному и неимущественному положению, по числу сторонников, по социальному влиянию, по роли в формировании традиций белорусского народа.

Как видно, все статьи, впервые включенные в белорусскую Конституцию 1994 года и сохраненные без изменений и дополнений в ее новой редакции 1996 года, отличаются гуманным и цивилизованным характером.

Если большинство норм Конституции 1994 года, касающихся религии и религиозных организаций, сохранилось в ее новой редакции 1996 года в неизменном виде, то в некоторые из них были внесены изменения и дополнения, вызванные необходимостью преодоления либерально-демократического подхода к постсоветским конституционным основам регулирования отношений в области религии.

В части первой статьи 16 Конституции 1994 года кроме нормы о равенстве всех религий и вероисповеданий перед законом была запись: «Наданне якіх-небудзь пераваг або абмежаванняў адной рэлігіі або веравызнання ў адносінах да іншых не дапускаецца» [3, с. 5]. С точки зрения либерально-демократической идеологии такая норма имела массу привлекательных свойств. Она не ставила преград никаким религиозным организациям, не мешала им свободно действовать на территории страны.

Либеральная правовая норма о недопустимости установления преимуществ или ограничений одной религии или вероисповедания по сравнению с другими стала правовой лазейкой для проникновения западных неопротестантских миссионеров на белорусское постсоветское религиозное поле.

Не сразу пришло понимание того, что отношение государства ко всем без исключения религиям и вероисповеданиям должно быть *не единообразным, а справедливым*. Справедливое же отношение к любой религии и вероисповеданию требует отдавать должное им в соответствии с их заслугами, строить взаимоотношения с ними на избирательной основе, учитывая их историческое прошлое, количество последователей, степень участия в процессах, которые формируют современный облик республики.

Постепенно стала очевидной необходимость усиления деятельности государства по преодолению эйфории широкой религиозной свободы без обязанностей, и поэтому норма о недопустимости установления преимуществ или ограничений одной религии или вероисповедания по сравнению с другими была отвергнута в новой редакции 1996 года как не выдержавшая проверки на необходимость ее реализации.

В части второй статьи 16 Конституции 1994 года содержалась норма, в которой было записано, что в Беларуси: «Забараняецца дзейнасць канфесійных арганізацый, іх органаў і прадстаўнікоў, якая накіравана супраць суверэнітэту Рэспублікі Беларусь, яе канстытуцыйнага ладу і грамадзянскай згоды ці звязана з парушэннем правоў і свабод грамадзян» [3, с. 5]. Позитивное значение ее состояло в установлении того, что противостоять действиям деструктивных религиозных организаций должно само государство.

Однако круг запретительных оснований оставался узким вплоть до принятия новой редакции Конституции Республики Беларусь 1996 года, в которой (часть третья статьи 16) появились такие *дополнительные основания* запрещения деятельности религиозных организаций, их органов и представителей, как препятствие исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей и нанесение вреда их здоровью и нравственности.

После принятия Конституции 1994 года более двух лет шел поиск ответа на вопрос, что учитывать в первую очередь, регулируя законом отношения государства и церкви (конфессий): религиозно-обрядовую, хозяйственную, просветительскую, благотворительную деятельность; прошлое или сегодняшнее участие конфессий в процессах, определяющих облик страны. Поиск привел к тому, что в новой редакции Конституции 1996 года, в части второй статьи 16, была сделана следующая запись: «Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [6, с. 52].

Главным в конституционном принципе культурно-исторической избирательности, положенном в основу построения постсоветских государственно-церковных отношений в Беларуси, является *не предоставление преимуществ* определенным конфессиям, а *восстановление справедливости* по отношению к религиям, которые исторически были носителями духовного и культурного потенциала белорусского народа.

В 1994 году, в статье 31 Конституции, было установлено, что в Беларуси «кожны мае права самастойна вызначаць свае адносіны да рэлігіі, асабіста або сумесна з іншымі вызначаць рэлігію або не вызначаць ніякай, выказваць і распаўсюджваць перакананні, звязаныя з адносінамі да рэлігіі, удзельнічаць у адпраўленні рэлігійных культаў, рытуалаў, абрадаў» [3, с. 7]. В данной статье, как видно, отсутствует понятие «свобода вероисповедания». Нет в ней терминов «свобода мысли», «свобода совести». Мне представляется, что *в приведенной статье закреплена одна из составляющих социальных свобод человека – свобода на определение своего отношения к религии, о которой можно говорить как о самостоятельном конституционном виде свободы в системе неотъемлемых и неумаляемых личных свобод человека.*

Право на определение отношения к религии включает, во-первых, возможность каждого действовать в соответствии со своей собственной волей и, во-вторых, возможность не подвергаться незаконным ограничениям при выборе религиозных с мировоззренческой точки зрения курсов действий, устанавливаемых кем-либо или от чьего-либо имени.

В статье 31 Конституции в редакции от 15 марта 1994 года *не было никаких ограничений права на участие в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов.* Конституция допускала абсолютную свободу в этом.

Бесспорно, принцип уважительного отношения к внутренним установлениям церкви не позволяет государству вмешиваться в разработку религиозных культов, ритуалов и обрядов. Однако государство ответственно перед гражданами за обеспечение и охрану прав, свобод и законных их интересов. Поэтому в новой редакции Конституции 1996 года появилось предписание о том, что каждый имеет право участвовать в отправ-

лении религиозных культов, ритуалов, обрядов, *не запрещенных законом*. Данное конституционное установление выступает в качестве *превентивной меры* предупреждения умышленного использования религиозных культов, ритуалов и обрядов для посягательств на интересы, права и обязанности граждан и соответствует международному праву, в котором признано, что право на религиозные культы, ритуалы и обряды может быть объектом ограничений, которые установлены законом и необходимы для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод.

Заключение

Результатом перехода от Конституции 1978 года к постсоветской Конституции явилось создание качественно новых гуманных и цивилизованных конституционных основ построения белорусского законодательства в области религии. Установленные в новых исторических условиях конституционные основы законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях являются отражением, во-первых, демократического характера посткоммунистической светской власти, во-вторых, преодоления в обществе догматичных, вульгарных взглядов на сущность религии, избавления общества от предвзятых оценок происходящей активизации религиозной жизни.

Законодательство в области религии – сложное правовое явление, зависящее от других явлений и изменяющееся по мере изменений последних. Из совокупности изменяющихся общественно-правовых явлений, влияющих на его развитие, следует выделить изменения в общественных отношениях по поводу свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций, требующие своего законодательного урегулирования, и изменения в Конституции республики, касающиеся регулирования общественных отношений, связанных с религией и церковью. Эти изменения оказывают на содержание законодательства о религии не причинное, а функциональное воздействие. Поэтому его развитие является *общей функцией* приведенных выше переменных. Она показывает, что переход законодательства в области религии от одного качественного состояния к другому в конечном счете зависит не от воли и желания законодателя, а от указанных изменяющихся общественно-правовых явлений.

Изменения в общественных отношениях, подлежащих регулированию законодательством о свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях, – это изменения потенциального влияния на законодательство, ибо указывают на потенциал для разработки и осуществления программ и планов его развития. Изменения же в Конституции республики можно квалифицировать как изменения *императивного (безусловного) характера*, потому что они требуют однозначно внести изменения или дополнения в законодательство. В совокупности указанные изменения обуславливают процесс развития законодательства как свое закономерное следствие.

Указания на зависимость развития законодательства от Конституции и общественных отношений содержатся в работах Г.А. Василевича. «Вокруг Конституции, – пишет он, – развивается все законодательство, которое должно чутко улавливать потребности общественного развития» [2, с. 65]. Н.В. Сильченко также в одной из своих работ подчеркивает, что законодательство может развиваться только в пределах правового поля, определяемого Конституцией государства. Другим полюсом выступают регулируемые законодательством общественные отношения [9, с. 69].

Конституционные нормы о свободе национально-культурной (статья 15) и религиозной (статья 16) деятельности, равенстве перед законом религий и вероисповеданий (статья 16) вытекают из требований таких фундаментальных принципов постсоветского

конституционного строя Республики Беларусь, как народовластие, гарантированность прав человека, недопущение государственного произвола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий) / Г. А. Василевич. – 2-е изд. – М. : Издательство «Право и экономика», 2001. – 485 с.
2. Василевич, Г. А. Роль права в эффективном регулировании социальных и экономических отношений / Г. А. Василевич // Право Беларуси. – 2002. – № 20. – С. 65–70.
3. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. – М. : Польша, 1994. – 30 с.
4. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В. Грыгор’ева [і інш.] ; навук рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : ВП Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
5. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. – Минск : Беларусь, 1979. – 63 с.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями) : принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. – 2-е изд. – Минск : Польша, 2002. – 94 с.
7. Пасхальнае пасланне Мітрапаліта Мінскага і Слуцкага Філарэта, Патрыяршага Экзарха ўсея Беларусі // Народная газета. – 2001. – 14 крас.
8. Радугин, А. А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии : курс лекций / А. А. Радугин. – М. : Издательство «Центр», 1997. – 240 с.
9. Сильченко, Н. В. Концепция совершенствования законодательства: понятие, структура, содержание / Н. В. Сильченко // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. – 2001. – № 3. – С. 68–73.

Korzik S.V. Formation of Constitutional Foundation of Relation Regulation of Conscience and Religion Freedom and Religious Organizations in Sovereign Belarus

Peculiarities of methodological approach to the analysis of the development of constitutional regulation of religion relations are described, atheistic orientation of constitutional regulation of the relations in the sphere of conscience and religion freedom and religious organizations in the former Soviet Belarus is shown, the premises of cardinal transformation of constitutional regulation of the relations connected with religion and church created before the disintegration of the USSR while gaining and reinforcing the status of independent sovereign state by the republic are revealed, the historical significance of the abolition of communist principle of state-church separation and its replacement by the principle of interaction, regulated by law is shown in the article. Humane and civilized nature of the articles which were included into post-soviet constitution of 1994 for the first time and kept without changes in its new modification of 1996 is shown. Every stage in the formation of constitutional foundations of relation regulation in religion sphere in sovereign Belarus is explained in the context with political-legal changes in the state and society as the consequence of objective necessity but not as the result of casual concurrence of circumstances.

УДК 342

К.Г. Галимов

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены отдельные аспекты кодификации образовательного законодательства, что является весьма насущной проблемой как для отечественной правовой действительности, так и для правоведческой науки. Актуальность такого вида систематизации нормативно-правового массива, регулирующего отношения в сфере образования, обусловлена, в частности, его громоздкостью, наличием внушительного числа пробелов и коллизий. В исследовании делается попытка дать краткую теоретическую характеристику кодификации как способу систематизации законодательства, а также обосновать точку зрения, в соответствии с которой именно кодификация представляется наиболее эффективным методом систематизации в сложившейся ситуации. Помимо этого рассматриваются практические моменты кодификации белорусского законодательства в сфере образования, ее предпосылки, реально предпринятые законодателем шаги и возможные результаты данного процесса. Пристальное внимание уделяется непосредственно Концепции образовательного кодекса Республики Беларусь, находящейся ко времени написания статьи на рассмотрении в Парламенте.

Введение

Стоит признать, что система действующих источников образовательного права далека от идеального состояния и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Множественность органов и организаций, правомочных осуществлять правовое регулирование образовательных отношений, неизбежно создает дополнительные препятствия на пути создания полной и логически последовательной системы норм права. Основными недостатками системы национального законодательства в сфере образования, на наш взгляд, являются:

- декларативный характер значительной части правовых норм;
- наличие коллизий между нормами Конституции, законов и подзаконных нормативных правовых актов;
- присутствие большого числа пробелов в законодательстве, регулирующем сферу образовательных отношений.

В частности, статья 51 Конституции Республики Беларусь устанавливает свободу научного творчества [2]. В статье 34 Закона Республики Беларусь «Об образовании» говорится: «В высших учебных заведениях гарантируются свобода педагогической и научной деятельности, свобода выбора форм и методов обучения, автономия управления» [4].

Согласно статье 37 Закона Республики Беларусь «О высшем образовании» международное сотрудничество высших учебных заведений осуществляется в рамках международных договоров, действующих для Республики Беларусь, договоров, заключаемых высшим учебным заведением с международными организациями, иностранными физическими и юридическими лицами, международных и национальных проектов и программ в сфере высшего образования [6].

Однако Постановление Министерства образования Республики Беларусь № 39 от 13 мая 2005 года устанавливает разрешительный порядок выезда граждан Республики Беларусь, обучающихся в организациях системы образования Республики Беларусь на учебу за границу, а также для участия в течение учебного года в спортивных, культурных

Научный руководитель – В.Н. Кивель, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета

и иных массовых мероприятиях [6]. Таким образом, с нашей точки зрения, данный нормативный правовой акт ущемляет права учащихся и нарушает автономию учебных заведений.

Приведем еще один пример. Некоторые высшие государственные учебные заведения взимают плату с учащихся за студенческие билеты и зачетные книжки, что, по нашему мнению, противоречит целому ряду норм Закона Республики Беларусь «О высшем образовании», касающихся прав студентов, порядка финансирования государственных высших учебных заведений и направлений их деятельности [6].

Данные примеры не ограничивают круг проблем, но наглядно иллюстрируют вышеприведенные утверждения о несовершенстве законодательства в сфере образования.

При этом нормативный правовой массив является субстанцией весьма динамичной. Одна ее часть подвергается изменениям, дополнениям, определенная часть актов подлежит отмене. Законодательство постоянно дополняется вновь принятыми актами.

Все вышесказанное убедительно свидетельствует о том, что назрела насущная необходимость в систематизации массива законодательства, регулирующего образовательные отношения.

Под *систематизацией* законодательства принято понимать деятельность уполномоченных государственных и негосударственных органов, организаций, учреждений по упорядочению нормативных (законодательных) актов, приведению их в упорядоченную, согласованную систему [10, с. 456–462].

Систематизация законодательства, несомненно, носит важный характер и имеет прогрессивную природу. Данный процесс несет в себе большую практическую ценность и потенциал для дальнейшего конструктивного развития. Данный вывод основывается на следующих факторах: *во-первых*, научно обоснованная систематизация является необходимым условием для дальнейшего эффективного, своевременно модернизирующегося законодательства.

Во-вторых, единая согласованная система законодательства с отсутствием пробелов является основным условием соответствующего его применения и использования, что, в свою очередь, гарантирует осуществление принципов законности и правопорядка.

В-третьих, системное законодательство обеспечивает правовую грамотность населения, реальное знание закона, своих прав и обязанностей гражданами страны.

К числу основных способов систематизации законодательства обычно относят инкорпорацию, консолидацию и кодификацию нормативно-правовых актов (законодательства). Для решения задачи, наиболее целесообразной для систематизации законодательства, многими исследователями в области образовательного права и практических специалистов системы образования признается именно кодификация [1, с. 138–145].

Теоретический анализ проблемы кодификации законодательства

Кодификация как способ систематизации есть упорядочение юридических норм в процессе правотворческой деятельности, издание на этой основе единого, юридически и логически цельного кодифицированного акта (основ, кодекса, устава, положения и др.). Кодификация выступает как средство (способ) совершенствования и упорядочения законодательства и проводится с той целью, чтобы: а) объединить и систематизировать апробированные в течение достаточно длительного времени действующие установления; б) уточнить (переработать) их содержание и в) изложить с соблюдением требований законодательной стилистики и законодательной техники [11, с. 306–315].

Согласно Закону Республики Беларусь «О нормативно-правых актах Республики Беларусь» кодекс Республики Беларусь (кодифицированный нормативный правовой

акт) – закон, обеспечивающий **полное системное** регулирование определенной области общественных отношений [7].

Особенность кодификации состоит в том, что она обеспечивает выполнение двух задач, а именно систематизирует законодательство, придает ему новую форму, а также поднимает на новый качественный уровень. Таким образом, **главная практическая ценность** кодификации заключается в ее способности изменить само содержание правового регулирования и придать ему комплексный системный характер.

Как правило, результатом кодификации законодательства является соответствующий кодификационный акт, призванный регулировать ту или иную сферу отношений в обществе. Такой акт имеет соответствующее наименование, указывающее на его вид, обладает определенной, довольно сложной и разветвленной, структурой, делением на общую и особенную части, имеет особый порядок принятия и, как правило, особую процедуру вступления в силу, что выражается в установлении конкретной даты.

Опираясь на исследования отечественных и российских специалистов, можно выделить наиболее характерные черты кодекса как одной из форм закона:

- кодекс – форма закона, содержащего нормы, наиболее полно и комплексно регулирующие достаточно большой круг общественных отношений, относящихся к сфере общественной жизни;
- кодекс – это основной законодательный акт, с которым своеобразно соотносятся иные акты законодательства; его нормы являются приоритетными;
- кодекс принимается в условиях, когда необходимо создать или коренным образом изменить правовое регулирование в той или иной сфере, либо при накоплении громоздкого нормативного массива, требующего новых способов его структурирования;
- кодекс содержит всю или основную массу норм, регулирующих ту или иную сферу общественных отношений;
- нормы статей кодекса имеют прямое действие, т. е. правоприменитель при принятии правового решения руководствуется непосредственно нормами данного кодекса [9].

Таким образом, вышеприведенные доводы подтверждают целесообразность и, более того, необходимость создания подобного акта в целях усовершенствования и упорядочения правового регулирования отношений в сфере образования.

Практические аспекты кодификации белорусского законодательства в сфере образования

Следует отметить, что целенаправленной работы в этом направлении с момента обретения Республикой Беларусь суверенитета и до последнего времени не проводилось, что обусловлено рядом моментов. В частности, была проведена огромная работа по кодификации ведущих отраслей права, и сфера образования осталась вне поля зрения законодателя. Сложившаяся и проверенная временем система образования выглядела довольно крепкой и четкой, что привело к попыткам регулирования отношений внутри ее посредством разрозненных нормативных правовых актов.

Помимо этого, для создания качественного кодификационного акта необходима соответствующая нормативная база. На сегодняшний день в Республике Беларусь приняты законы «Об образовании» от 29 октября 1991 года (с последующими изменениями и дополнениями) «О профессионально-техническом образовании» (от 29 июня 2003 года) и «Об образовании лиц с особенностями психофизического развития» (от 18 мая 2004 года). Законы «О высшем образовании» и «Об общем среднем образо-

вании» были приняты совсем недавно, 11 июля 2007 года (№ 252-3) и 5 июля 2006 года (№ 141-3) соответственно.

Наконец, есть определенные трудности, связанные с отсутствием специалистов именно в области образовательного нормотворчества, отсутствуют и системные научные исследования проблем в сфере правового регулирования образовательных отношений.

Однако законодатель отдает себе отчет в том, что назрела насущная необходимость кодификации образовательного законодательства. И первые конкретные шаги в этом направлении уже предприняты. 7 апреля 2006 года Совет Министров Республики Беларусь принял Постановление № 472 «Об утверждении Концепции проекта Кодекса Республики Беларусь об образовании». Следует отметить, что подобный проект был разработан в России впервые в 2003 году, а в мире образовательный кодекс существует и действует только во Франции [12].

При разработке Концепции проекта Кодекса Республики Беларусь об образовании законодатель учитывал законодательство Республики Беларусь в области образования, содержание международных договоров и основных актов таких международных организаций, как, в частности, ООН и ЮНЕСКО.

Что касается положений действующих актов законодательства, то коренных изменений Концепция кодекса об образовании (далее – Концепция) не предусматривает. В то же время законодатель признает, что существует целый ряд отношений в сфере образования, не урегулированных правом. Статьей этим регулятором и призваны нормы Кодекса об образовании (далее – Кодекс).

С точки зрения законодателя, реализация положений Концепции при разработке проекта Кодекса позволит решить такие насущные задачи, как:

- создание единого механизма правового регулирования на базе сложившихся институтов, сохранив правовую преемственность;
- сокращение количества нормативных правовых актов в данной сфере, разработка эффективного механизма их реализации;
- обеспечение эффективного взаимодействия норм различных отраслей права, устранение упущений и коллизий, а также поднятие до законодательного уровня регулирование отдельных отношений в сфере образования;

Учитывая последнее, особое внимание при разработке проекта Кодекса предполагается уделить нормам, призванным обеспечить:

- урегулирование отношений, возникших в ходе реформирования всех звеньев национальной системы образования;
- совершенствование системы непрерывного образования, преемственность уровней и ступеней образования на основе введения образовательных программ;
- переход к функционированию системы образования на основе внедрения государственных социальных стандартов по обслуживанию населения;
- закрепление изменений в организации образовательного процесса, связанных с внедрением современных коммуникационных и информационных технологий;
- регулирование отношений, связанных с дисциплинарной ответственностью обучающихся [3].

Насколько целесообразно столь широкое централизованное государственное регулирование деятельности образовательных учреждений, представляется вопросом дискуссионным, однако данный аспект не входит в предмет исследования данной статьи.

В Кодексе предполагается раскрыть основы законодательства об образовании, которое призвано обеспечить реализацию конституционных прав граждан на образование, основываясь на комплексных институтах, образующих нормы Закона Республики Беларусь «Об образовании» и иных законов в сфере образования. В частности, большое

внимание законодатель уделяет такому институту, как государственная социальная защита обучающихся (речь идет о государственных учреждениях образования). В разделе «Общие положения» указывается, что в белорусском законодательстве об образовании сложилась система льгот при зачислении в учреждения образования. Эти нормы должны быть унифицированы и систематизированы по уровням образования. Нормы о предоставлении отдельных льгот обучающимся следует поднять на более высокий уровень правового регулирования, закрепив их в Кодексе.

Принятие Кодекса должно завершить процесс формирования законодательства об образовании как полной, логически последовательной и эффективной системы правовых норм. Данная система должна быть в состоянии успешно решать задачи нормативного правового регулирования отношений в сфере образования, обеспечить более полное соответствие этих норм современному состоянию образовательных отношений и проводимым в этой сфере преобразованиям, устранить недостатки, имеющиеся в законах и иных нормативных правовых актах Республики Беларусь в сфере образования. Принятие Кодекса должно привести к упрощению правового регулирования и применения правовых норм, совершенствованию правоотношений в сфере образования, повышению качества предоставляемого образования.

Говоря о структуре, следует отметить, что Кодекс подразделяется на Общую и Особенную части. Общая часть призвана закрепить основополагающие нормы правового регулирования общественных отношений. В Особенной части устанавливаются нормы, закрепляющие специфику тех или иных образовательных отношений как самостоятельного вида общественных отношений. Каждому уровню образования (дошкольное, общее среднее, профессионально-техническое и т. д.) в Кодексе посвящен отдельный раздел Особенной части. Помимо этого, Особенная часть содержит разделы «Внешкольное воспитание и обучение», «Поддержка детей, находящихся в социально опасном положении, и детей, нуждающихся в особых условиях воспитания», «Специальное образование», а также «Образование взрослых».

При разработке Кодекса законодатель ставит перед собой задачу достичь системного и полного регулирования отношений в сфере образования. С точки зрения разработчиков Концепции, выполнение вышеуказанной задачи невозможно без включения в Кодекс норм, регулирующих отношения в отраслях, которые тесно связаны с системой образования. Так, указывается, что надлежащие материальные, информационные, кадровые и иные условия для получения обучающимися качественного образования, а также эффективность образовательных отношений являются результатом управления системой образования и возникающих в этой системе управленческих правоотношений. Исходя из этого тезиса, при разработке ряда разделов Общей части проекта Кодекса большое внимание предполагается уделить формулированию нормативных предписаний, которые бы конкретизировали, дополняли и развивали нормы соответствующей отрасли права применительно к предмету правового регулирования и могли действовать только в сфере образования.

С точки зрения законодателя, подобный подход позволит объединить нормы, регулирующие отношения в сфере образования, в единое целое, установить единую логику их структурирования, завершить формирование самостоятельной отрасли права [3]. Таким образом, в Концепции декларируется выделение новой для Республики Беларусь отрасли права – образовательного.

Внесение проекта Кодекса об образовании на рассмотрение действующей Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь ожидается в течение работы ее седьмой сессии.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы еще раз отметить, что и ученые-правоведы, и специалисты-практики признают кодификацию высшей формой систематизации, которая обеспечивает переработку и трансформацию действующего законодательства в той или иной сфере регулируемых им отношений и в результате выводит его на качественно новый уровень. Кодификация образовательного права позволит эффективно устранить коллизии и пробелы в ныне действующем несистематизированном образовательном законодательстве, обеспечит устранение неэффективных и дублирующихся правовых норм, внесет четкость и ясность в понятийный аппарат и терминологию, позволит более четко разграничить компетенцию соответствующих органов управления и т. д.

В качестве шага, предшествующего созданию и принятию Кодекса, можно рекомендовать подготовку и издание инкорпорированных сборников нормативно-правовых актов типа «Сборник нормативных актов по образованию», «Сборник нормативных актов по вопросам высшего и послевузовского образования» и прочее, что позволит упростить и упорядочить правоприменительную деятельность на данном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанова, С. В. Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации: административно-правовые вопросы / С. В. Барабанова – Казань : Изд-во Казанского университета, 2004.
2. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. — 48 с.
3. Концепция проекта Кодекса Республики Беларусь об образовании : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, от 7 апр. 2006г., № 472 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 59.
4. Об образовании : Закон Респ. Беларусь, 11 июля 2007 г., № 253-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 171. – 2/1350
5. Об утверждении инструкции о выдаче письменных разрешений на направление граждан Республики Беларусь, обучающихся в организациях системы образования Республики Беларусь, на учебу за границу : постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 13 мая 2005 г., № 39 // Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : <http://www.minedu.by>. – Дата доступа : 10.11.2007.
6. О высшем образовании : Закон Респ. Беларусь, 11 июля 2007 г., № 252-3 // Министерство образования Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : <http://www.minedu.by>. – Дата доступа : 10.11.2007.
7. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь 10 янв. 2000 г., № 361-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь, 7 мая 2007 г., № 212-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 118. – 2/1309.
8. Сырых, В. М. Введение в теорию образовательного права / В. М. Сырых. – М. : ЦОЗ Минобразования России, 2002. – 340 с.
9. Сырых, В. М. Введение в теорию образовательного права. Правовое регулирование образовательной деятельности : учеб. пособие / под ред. проф. В. М. Сырых. – М. : Академия труда и социальных отношений, 2000.
10. Теория государства и права : учебник / под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Юрайт, 2005. – 613 с.

11. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : учебник / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрайт, 2003. – 422 с.

12. Ягофаров, Д. А. Правовое регулирование системы образования / Д. А. Ягофаров // Федеральный центр образовательного законодательства [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : <http://www.lexed.ru>. – Дата доступа : 25.10.2007.

Galimov K. G. Some Theoretical and Practical Aspects of Codification of Educational Law

The above article is dedicated to the study of certain aspects of Educational Law codification, which is a vital problem of Belorussian legal environment as well as legal science. This short research is an attempt to give a brief theoretical characteristic of codification which is the most effective way to systemize law. Besides that in the article some practical aspects of codification of the Belorussian Educational Law are being studied; reasons for codification and possible positive outcomes are being discussed.

УДК 338.48

Т.И. Яковук

ВКЛАД ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ В ПРАКТИКУ ОРГАНИЗАЦИИ ОБСЛУЖИВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Эта статья посвящена одному из малоизученных в отечественной социологии туризма аспекту – деятельности ордена тамплиеров, направленной на становление организованного туристического движения. Падение Римской империи привело к разрушению сложившейся на протяжении тысячелетий системы обслуживания паломников и путешественников. Более того, в эпоху Средневековья передвижение по многочисленным дорогам оказалось сопряженным с опасностями засад, грабежей и убийств. В этих неспокойных условиях за организацию массовых выездов паломников на Святую Землю, а именно в том направлении были сосредоточены их основные потоки, и обеспечение безопасности передвижения взяли рыцари Ордена тамплиеров, заложившие основы современной методики и практики обслуживания международного туристического движения, гостиничного хозяйства, маркетинга, банковского дела, рекламного бизнеса.

Введение

Человечеству издревле была присуща способность к передвижению. Отсюда возникшая настоятельная потребность в обслуживании потока странников, вояжеров, туристов. Изучение практики формирования туристической инфраструктуры позволяет нам определить этапы формирования туристического движения, отследить мотивацию поездок, вскрыть источники организации и финансирования услуг, связанных с путешествиями. При этом оказывается, что весь основной комплекс туристических услуг сформировался еще в Древнем мире, а вклад средневекового ордена тамплиеров довел до совершенства не только структуру организованных туристических выездов, но и сформировал основы современных банковских операций.

Уже в эпоху Древнего и античного мира развилось и процветало активное туристическое движение, о чем свидетельствует, с одной стороны, то, что это движение было обеспечено хорошо развитой туристической инфраструктурой в виде обустроенных дорог, транспортных средств, гостиничной базы и организованного питания, а с другой стороны, юридической базой, гарантировавшей личную безопасность странников. В то время функционировала хорошо отлаженная система коммуникации, причем преградой для контактов жителей разных стран не являлись даже моря и океаны, поскольку существовала развитая морская связь между различными континентами. Именно путешествия и хорошо налаженные перевозки, по мнению историков туризма, объясняют высочайший уровень архитектуры в странах Южной Америки до ее открытия Колумбом и поражающие воображение замечательные удобные мощеные дороги в Андах и их низинах, сохранившиеся до наших дней.

Зенит развития туристического движения совпал с расцветом Римской империи, поскольку социально-экономические, политические и культурные условия, наличие хорошо оборудованных дорог и системы морских коммуникаций сделали доступной любую страну, прилегающую к Средиземному морю. Однако с закатом Рима рухнула система международного туристического движения, которая могла существовать и развиваться исключительно в мирных и безопасных условиях. С разрывом политических и экономических связей, разрушением городов и бегством их жителей дороги стали опасны. На некоторое время античный мир был захвачен варварами, однако, несмотря на

это, по утверждению историков туризма, часть населения продолжала навещать родных и близких, ездить на лечение в хосписы, паломничать к святым местам и торговать.

Туризм новой эры

В Средневековье и Новое время туризм продолжал жить и развиваться, причем это развитие было связано, прежде всего, с расширением спектра целей поездок. По-прежнему путешествовали, в основном, купцы и паломники, пользовавшиеся защитой традиций гостеприимства и закона. С развитием и расширением ремесленничества постепенно начинают путешествовать ремесленники в поисках тайн совершенствования своего ремесла, а с момента возникновения и развития университетов – студенты, перемещавшиеся по всей Европе из университета в университет вслед за любимыми профессорами. Тем не менее, наиболее популярными и широко распространенными целями странствий по миру в то время по-прежнему оставались паломничество и посещение хосписов, в которых лечили как мужчин, так и женщин, причем женскими болезнями занимались исключительно женщины-врачи, женщины-акушерки, женщины-сестры.

В павшем Риме перестает функционировать система почтовой связи, использовавшая омнибусы, в завоеванной Греции прекращается организация Олимпийских игр, что, в свою очередь, явилось причиной значительного снижения интенсивности движения на дорогах, ведущих к Олимпу, хотя великолепные дороги, несколько разрушенные дыханием грозного времени, оставались на своем месте. В то же время уцелели и функционировали основанные римлянами и сохранившиеся до наших дней купальни и лечебные термы (бани), поскольку люди по-прежнему болели и по-прежнему старались от этих болезней избавиться, путешествуя на воды и к святым местам. Изменилась лишь локализация этих мест. Поэтому, несмотря на катастрофические перемены, на дорогах по-прежнему можно было встретить паломников, которые значительно отличались от предыдущих.

Радикально изменились и сами дороги: на европейских просторах стали хозяйничать викинги (в переводе с древне-норманского языка – пираты). После упадка Месопотамии, Египта, Греции, Рима пала и Финикия, славившаяся своими морскими экспедициями за янтарем, прокладываясь вдоль побережья Атлантического океана, через Ла-Манш, Северное море до берегов Южной Балтики. Вскоре на пустынных морях также появились викинги.

Трудно сказать, что склоняло норманнов к пиратству. Историкам известно, что у них были хорошо налажены торговые отношения с другими народами, при этом скандинавы считали, что торговля – это труд, а разбой – настоящее удовольствие [1, с. 72]. Зимой мужчины отдыхали, а также готовили лодки, оружие и планы набегов. Весной выходили в море на грабеж или за данью, получаемой от людей, предпочитавших откупиться, а не защищаться от морских разбойников. Известно, что викинги плавали к берегам Исландии и доплывали даже до берегов Северной Америки. На протяжении столетий их саги воспринимались как сказки-небылицы, но в ходе археологических раскопок открылось, что саги повествуют о реальных событиях, т. е. викинги действительно доплывали и до Исландии, и до берегов Америки [1, с. 75].

А. Михалек в работе «Крестовые походы» приходит к выводу о том, что первая серьезная экспедиция с целью грабежа была предпринята ими в 8 июня 789 года, когда на монастырский остров Линдисфорне, лежащий у северного побережья Англии, прибыли неизвестные корабли. Монастырь, служивший местом паломничества, был разграблен [2]. Этот скандинавский набег явился не только началом бури, принесшей несчастья средневековым европейским народам, но и важнейшим феноменом, перекроившим карту Европы.

Активность норманнов, связанная с торговлей, корсарскими набегами, поисками лучших и более удобных мест для жительства, а также паломничество к новым, христианским святыням позволили историкам туризма сделать вывод об активизации туристического движения, пусть даже в пределах одного народа [2, с. 13]. Подчеркивая угрозу для путешественников, исходившую от викингов на морских и сухопутных путях, историки туризма обращают внимание на то, что на северных морях грабили не только викинги, но и славяне. Корсарство в то время было занятием весьма прибыльным и, благодаря именно ему, знаменитый алтарь Ганса Мемлинга «Страшный Суд», украденный с флорентийской галереи гданьской каравеллой «Петр из Гданьска» и пожертвованный гданьскому костелу Пресвятой Девы Марии до сегодняшнего дня притягивает толпы верующих и неверующих туристов.

На территории бывшей Римской империи с возникновением новой веры появляются совершенно новые жизненные ориентации. После долгих лет жестокого преследования христианства во всей средневековой Европе начинается его бурное становление, а вместе с ним и паломничество к местам, освященным деятельностью Иисуса, святых Апостолов и мужей Церкви. В Константинополе по мере распространения христианства возникло огромное количество церквей, а в них множилось количество реликвий, поскольку реликвии в то время входили в большую моду.

В Европе странствовали по путям Апостолов, а путей этих было множество. Безусловно, в число важнейших центров паломничества входил Рим, город, освященный смертью св. Петра. Необходимо было также посетить располагавшийся на границе современной Турции и Сирии город Антиохи, в котором останавливались Апостолы, в том числе св. Петр, считавшийся первым епископом Антиохи, а также св. Павел, после которого на протяжении нескольких сотен лет в городе хранились в качестве священных реликвий принадлежавшие епископу предметы повседневного обихода, среди которых были его стол и кресло.

Реликвии собирали частные лица и церкви; приобретением реликвий интересовались знатные вельможи, цари и короли. Реликвии проще всего было купить или получить, достигнув цели паломничества. Определенная мода на реликвии способствовала росту паломничества. Поскольку в основном именно паломники передвигались по средневековым дорогам, которые не всегда были безопасны, на повестке дня оказалась необходимость их защиты. В ответ на насущный вызов тревожного времени на крупнейших сухопутных и морских путях появляются рыцари-тамплиеры.

Деятельность тамплиеров по организации и осуществлению обслуживания туристического движения

О средневековом Ордене тамплиеров и его утраченных несметных сокровищах современной исторической науке известно крайне мало, поскольку это был один из наиболее тайных рыцарских орденов. В то же время на протяжении столетий продолжают распространяться и подогреваться слухи о том, что, несмотря на разгром ордена, публичное сожжение папской инквизицией на костре его Великого Магистра и не менее скандальную кассацию рыцарского имущества, орден продолжает существовать. Поводом к этим спекуляциям послужило прежде всего то, что с самых первых дней существования ордена все его начинания были окутаны глубокой тайной.

Историки туризма, как и историки религии, не в состоянии определить точное время возникновения этого ордена, выявить причины его создания, назвать имя основателя. Историк туризма Мартин Бауэр, автор работы «Тамплиеры: мифы и действительность» цитирует высказывание Иакова из Витры, епископа, жившего в XIII веке в Акки, о том, что было 10 мужей, принявших святое решение: на протяжении 10 лет нести службу в светской одежде, подаренной верующими в качестве милостыни [3, с. 9].

В 1118 году в присутствии Гаримонда, патриарха Иерусалима, рыцари-тамплиеры принесли присягу жизни в аскезе, чистоте и послушании. Кроме того, они поклялись сделать все для безопасности на дорогах и защиты паломников от нападений и засад неверных [3, с. 9]. Согласно уставу рыцари Ордена нищих рыцарей Христа и стражников Святыни – именно так звучало полное название Ордена тамплиеров – должны были поклясться вести жизнь в нищете, послушании, работе и науке. Они должны были носить белые одеяния (символ чистоты), на которых в 1147 году появлялся красный крест. Тамплиеры без колебаний должны были вступать в бой с неверными, даже если количество врагов многократно превышало их силы. Рыцарям запрещалось завивать волосы, украшать себя и коня драгоценными камнями и изделиями из драгоценных металлов, им запрещалось также поднимать меч на христианина, разве что христианин трижды их спровоцирует.

В этот орден могли вступать молодые, здоровые, сильные мужчины, представители всех народов и сословий, но, как правило, его членами становились сыновья из дворянских семей, поскольку дети мещан и крестьян не могли быть приняты на службу, т. к. не в состоянии были явиться в орден с как минимум одним собственным конем и оружием, что предусматривалось уставом ордена. Руководство ордена состояло из рыцарей, происходивших из очень знатных родов, владевших огромными латифундиями, часто целыми регионами в странах Европы.

Сплетни, касавшиеся ордена, появились в первые же годы его возникновения и были связаны с таинственным пребыванием этого ордена в Иерусалиме. Тогда же появились слухи о подземельях в иерусалимской резиденции ордена, о том, что в подвалах древней святыни еврейского царя Соломона, на которой она располагалась, тамплиеры нашли клад, который скрыли от всех, которым ни с кем не поделились. До сих пор историки спорят о том, действительно ли рыцари нашли таинственную Арку Мира, каменные Таблицы Заповедей и Кубок Грааля. Одной из причин сплетен о рыцарях было наличие у ордена целой сети пунктов обмена денег, а также центров, дающих деньги в кредит под имущественный залог. Современники злословили о том, что люди брали в долг у рыцарей небольшие суммы на короткий срок, а отдавали собственные деньги уже навсегда.

Как видим, тамплиеров не любили, но, тем не менее, путешественники останавливались в монастырских домах, называвшихся командориями. Они могли там поесть, переночевать, обменять деньги, взять кредит, заранее оплатить стоимость всего путешествия, после чего получить документы, на основании которых получить соответствующие услуги на протяжении всего пути следования, а в конце маршрута получить сумму, необходимую для пребывания в месте назначения.

Орден должен был охранять паломников, пилигримов, отправлявшихся на Святую землю – Иерусалим. В связи с этим тамплиеры построили хорошую сеть дорог и обеспечили безопасное путешествие в Иерусалим. Но в 1187 году Иерусалим оказался в руках неверных, год спустя мусульмане заняли Тиберию, позже Сирию, потерпел неудачу поход св. Людовика, в невероятно кровавом бою погиб Великий Магистр ордена. После возвращения тамплиеров в Европу по ее городам и весям поползли невероятные слухи о рыцарях ордена.

П. Халатинский в своих «Очерках по истории туризма» отмечает, что, несмотря на весь хаос, существовавший на дорогах того времени, и всю тяжесть далекого пути, Средневековье явилось периодом множества путешествий и мощного движения на дорогах. С одной стороны, для покаяния необходимо было посещать такие важные для христианских верующих святыне места, как места захоронения канонизированных святых, места, связанные с жизнью и религиозной деятельностью отцов церкви, необходимо было ездить в Рим к месту упокоения св. Петра и в Иерусалим. С другой стороны,

такие паломничества очищали души грешников и их отношения с обществом, перед которым они таким образом искупали свою вину. Были также политические причины путешествий, например, таких, как приезды королей на Великие Соборы. В моду постепенно входило коллекционирование реликвий. Единственным способом приобретения аутентичной, не фальшивой реликвии было, как отмечалось выше, паломничество.

Итак, паломническое движение развивалось, но на дорогах было все еще небезопасно, и тогда на них появились тамплиеры, которые призваны были защищать пилигримов, путешествующих по территориям Святой Земли на участке от порта до Иерусалима. Когда орден окреп, то рыцари конвоировали и сопровождали путешественников и дальше, пока те не достигали намеченных целей на территории Святой Земли. Тамплиерам, несомненно, отводилась цивилизационная миссия, но эта роль была невозможна без связующих дорог. Паломники путешествовали по дорогам тамплиеров от одной командории до другой, находясь все это время под опекой и защитой ордена.

У историков туризма нет ответа на вопрос, сколько было командорий и сколько было безопасных дорог, поскольку не сохранилась документация ордена. Тамплиеры охраняли мосты, переправы, пересечения дорог, иногда вооруженные рыцари конвоировали, сопровождали, паломников; в случае высокой пошлины за проезд через мост проводили их по другой, более дешевой переправе. Но если на карту Франции нанести все командории, то окажется, что вся страна была покрыта сетью дорог ордена тамплиеров. За пределами Франции в наилучшем состоянии находится сохранившаяся до наших дней дорога, ведущая в Сантьяго де Компостелла.

Особого внимания заслуживает двойное, а в отдельных местах и тройное кольцо крепостей и связующих их дорог на побережье Средиземного моря от Монако до Барселоны. Это была исключительно мощная фортификационная защита побережья от нападений сарацинских пиратов. На всех контролируемых участках тамплиеры находились в состоянии полной боевой готовности защиты своих крепостей, дорог, портов, собственных кораблей, перевозивших паломников на Святую землю. Тамплиеры были также владельцами портов, к числу наиболее известных сегодня относятся Монте Карло и Сан Трапез. В чужих портах орден располагал собственными командориями и замками. Особый интерес вызывает комплекс командорий в районе Ла Рошель, который до прихода туда тамплиеров не был даже городом. Там располагался лишь принадлежавшие ордену порт и корабли, которые плавали в неизвестном направлении, т. е. не в Средиземном море и не к Британским островам, куда можно было добраться гораздо ближе через Ла-Манш. Более того, порты Средиземного моря были связаны с каналом двумя удобными и хорошо обустроенными дорогами, одна из которых проходила через Париж. Большинство историков сходятся во мнении, что корабли из принадлежавшего ордену порта Ла Рошель отплывали в порты Америки. Оттуда привозилось серебро, которое в то время в Европе ценилось дороже лекарства, причем во времена деятельности ордена запасы серебра на европейском континенте резко возросли, а цены на этот металл значительно снизились. Существует также предположение о том, что Христофор Колумб запланировал путешествие к берегам Америки после знакомства с хрониками и архивами, принадлежавшими тамплиерам.

Однако наиболее интересным феноменом, с точки зрения истории туризма, является деятельность тамплиеров по организации и осуществлению обслуживания туристического движения. Рыцари строили собственные порты, дороги и командории, трактиры и гостиницы, а также занимались организацией удобного и, что отнюдь немаловажно, безопасного паломничества по святым местам. Т. е. этот орден, с нашей точки зрения, явился первым в истории крупнейшим туроператором, новаторская деятельность которого легла в основу рекламы, маркетинга и управления туристическим бизнесом.

Появление ордена и предприимчивых рыцарей, вся их деятельность по созданию туристического продукта и его прибыльной реализации являются свидетельством оживленности передвижений жителей европейских стран, востребованности этого вида услуг и готовности тамплиеров дать адекватный ответ на религиозный и культурный вызов Средневековья.

Достойной удивления, восхищения и отдельного изучения является способность тамплиеров в том еще недостаточно цивилизованном мире, лишенном возможности использования вычислительной техники, а также удобств привычных нам средств коммуникации, справляться с перерасчетом курсов различных валют, с обменом денег, с использованием транспортных накладных и закладных писем, дорожных чеков путешественников того времени.

В настоящее время историки туризма затрудняются определить точное количество командорий Ордена нищих рыцарей Христа и стражников Святыни, но предположительно во всей Европе их было около 10 тысяч. В каждой из командорий существовали обменные пункты валют, причем после обмена паломники вместо денег получали дорожные чеки (близкие по своей сути современным ваучерам), которые реализовывались на протяжении всего пути и были действительны в любой командории. Появление дорожных чеков явилось уникальным открытием тамплиеров, поскольку значительно обезопасило передвижение путешественников по беспокойным морским и сухопутным дорогам, полным засад корсаров и разбойников. Тамплиеры ввели также в оборот чеки, соответствующие современным банковским дорожным чекам и платежным карточкам, которые в настоящее время являются не только платежным средством путешественников, но и одним из самых надежных средств хранения населением конвертируемой валюты.

Любой из путешественников мог обратиться в любую из командорий как в профессиональное бюро путешествий и заказать участие в туристической поездке. От высокопрофессионального специалиста он получал совет относительно маршрута передвижения, условий участия и стоимости. Будущий участник паломничества оплачивал стоимость поездки, причем в разных монетах, выпускать которые могли не только государства, но и отдельные города, районы, феодалы. За участие можно было частично заплатить драгоценностями, землей и скотом, например лошадьми. Тамплиер все это быстро оценивал, пересчитывал (без использования калькулятора!), вносил записи в соответствующие бухгалтерские книги, выдавал клиенту дорожный чек, а по желанию, и кредитную карточку, использование которой позволяло снимать денежные суммы небольшими частями на мелкие расходы.

Паломники передвигались, как правило, группами, и тамплиер всегда четко знал, когда и откуда отправляется ближайшая группа. Он не должен был резервировать места, поскольку на дороге один или несколько дополнительных путешественников не являлись проблемой. Однако если паломник решался на морское путешествие, то даже этот один пассажир становился проблемой, потому что таких командорий было множество. В то время часто встречались небольшие по размерам перегруженные паломниками суда, которые тонули сразу же после выхода из порта. Но нет ни одного источника и ни одного слуха, сообщающего о гибели перегруженного корабля тамплиеров.

В каждой командории имелись определенные финансовые запасы, что позволяло ей помимо транспортных, гостиничных и гастрономических услуг оказывать широкий спектр оговоренных выше банковских услуг. Именно командории явились предтечей современных банков, что вновь свидетельствует о масштабности туристического движения эпохи позднего Средневековья, о востребованности туристических услуг, на основе которых современная экономика обогатилась целым рядом самостоятельных бизнесов: гостиничным, гастрономическим, транспортных перевозок и банковских услуг, а также конвоирования грузовых и людских потоков.

В ходе упразднения ордена пропало все его движимое и недвижимое имущество, потомкам достались только старые сплетни об огромных рыцарских сокровищах, которые где-то по-прежнему существуют и поиск которых на протяжении веков увлекает многочисленных мечтателей и авантюристов. Однако настоящим сокровищем являются не мнимые клады рыцарей, а тот вклад, что был внесен в развитие нашей цивилизации, в ее социокультурную и экономическую составляющие: в религиозное, духовное воспитание, способствовавшее дисциплинированию средневекового общества и укреплению социальных связей, в развитие международных культурных контактов, в лингвистический обмен и обогащение языковой культуры, в маркетинг, в управление, в банковское дело и новаторство в сельскохозяйственном производстве, в организацию служб правопорядка, соответствующих современной полиции.

Скандалное упразднение ордена навеки скрыло от потомков такие, например, его достижения, как морские походы, сопровождавшиеся открытием новых земель. Причем все эти достижения являлись побочным продуктом деятельности тамплиеров, присягнувших служить Господу и Святой Земле, что, говоря современным языком, потребовало глубокой разработки методики и практики обслуживания туристического движения. Активная деятельность рыцарей на этом поприще, безусловно, явилась счастливым ответом духу того времени и способствовала развитию человеческого потенциала в целом.

Заключение

Итак, мы можем подойти к следующим выводам:

- орден тамплиеров возник в ответ на необходимость организации и обеспечения индивидуальных и групповых выездов к святым для христианского мира местам;
- деятельность братьев-тамплиеров была направлена на создание мощной туристической инфраструктуры и высокой организационной культуры, что способствовало росту числа выездов европейского населения;
- в основе методики и практики современного обслуживания туристического движения лежат принципы и механизмы, выработанные орденом тамплиеров, что является ярким свидетельством необыкновенного организаторского таланта и трудолюбия братьев-тамплиеров, их огромного вклада в духовное и культурное развитие Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Łazarkowie, Marianna i Roman. Śladami historii turystyki. Od starożytności do współczesności / Marianna i Roman Łazarkowie. – Lublin, 2005.
2. Michałek, A. Wyprawy krzyżowe / A. Michałek. – Warszawa : BELLONA, 2004.
3. Bauer, Martin. Templariusze mity i rzeczywistość / Martin Bauer. – Wrocław : Wydawnictwo Dolnośląskie, 2003.

Yacovuk T.I. Deposits of the Templier's Order into Practice of Organization of Traveling Movement Service

The history of tourism and first institutions, associated with the service of tourist traffic, have their roots in the Ancient world and the epoch of antiquity. The height of the development of the tourist traffic concur with the flowering of the Roman Empire, and the decline of this development lead to the breakdown of the system of the service system, set up for the pilgrims and travelers and existed for ages. Moreover, in the Middle Ages the travel along numerous roads associated with the danger of robbery and murder. In such uneasy conditions it were the knights of the Order of knights Templars, who took up the organization of the large-scale traveling of the pilgrims to the Holy Land, and they laid base of the contemporary methodology and practice of the service organization of the tourist traffic, marketing, banking and advertising business.

УДК 316

Д.В. Гриценко

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ, ПРИГРАНИЧНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ СНГ И СТРАНАМИ БАЛТИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

На основе статистической информации автором рассмотрена динамика и объем безвозвратной и трудовой миграции между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, Украиной, Латвией, Литвой за период с 1995 по 2005 гг. Получены подтверждения гипотетической зависимости между территориальной близостью различных регионов республики и характером миграционных процессов с приграничными государствами СНГ и странами Балтии. Изучена также территориальная структура миграционных потоков и интенсивность миграционного обмена населения. Проанализированы миграционные процессы в период с 1995–2005 гг., так как в это время происходили значительные, по сравнению с первой половиной 90-х гг., изменения в объеме миграционного оборота населения между Беларусью и государствами СНГ, странами Балтии. Выявлено, что данная динамика не влияет на изменение национальной структуры населения регионов Республики Беларусь.

Введение

Актуальность исследования миграционных процессов населения в современном государстве, захватывающих различные социальные слои и группы общества, является несомненной.

В структуре межгосударственной миграции населения Республики Беларусь доминирующее положение по-прежнему занимают граничащие с Беларусью государства СНГ и страны Балтии (Российская Федерация, Украина, Латвия и Литва), что объясняется этническим, хозяйственным, природным сходством территорий и исторически сложившимися связями между странами и народами [2, с. 15].

Изучение миграционных процессов между Беларусью и граничащими с ней государствами требует проведения регионального анализа. Такой подход позволяет выявить, в какой мере территориальная близость различных регионов Беларуси и граничащих с ней государств СНГ и стран Балтии влияет на миграционные процессы и какую роль она играет в миграционном движении населения. Кроме того, региональный анализ дает возможность детально рассмотреть территориальную структуру миграционных потоков из различных регионов, интенсивность миграционных связей между ними и приграничными странами.

В данной работе подвергаются анализу миграционные процессы в период с 1995 по 2005 гг. Это объясняется тем, что 1995 г. можно считать переломным в отношении сокращения объема эмиграции (как и общего миграционного оборота) населения Республики Беларусь в страны СНГ и государства Балтии. В определенной мере этот факт можно объяснить снижением эмиграционного потенциала национальных меньшинств и развитием партнерских отношений с Российской Федерацией [1, с. 119].

Миграция населения между Беларусью и Россией

Россия является абсолютным лидером по внешнему миграционному обмену

Научный руководитель – Д.Г. Ротман, доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета

с Республикой Беларусь. В структуре иммиграции Беларуси с государствами СНГ и странами Балтии за период с 1995 по 2005 гг. доля России составила 59,7%, в структуре эмиграции – около 80%. Для всех белорусских областей и г. Минска на Российскую Федерацию приходится не менее 60% миграционного оборота. Данный показатель является самым высоким для Витебской области – 68,7%, далее, соответственно, для Могилевской – 67,8% и Гомельской – 67% областей и г. Минска – 67,7% (по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь).

Таблица 1 – Миграция населения между областями Республики Беларусь, г. Минском и Российской Федерацией за период с 1995 по 2005 гг.

Регион	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции	Объем миграции
Брестская область	23 477	13 399	10 078	36 876
Витебская область	23 339	14 309	9 030	37 648
Гомельская область	31 488	17 020	14 468	48 508
Гродненская область	13 205	9 084	4 121	22 289
г. Минск	21 565	12 063	9 502	33 628
Минская область	22 767	12 368	10 399	35 135
Могилевская область	18 935	11 069	7 866	30 004
Всего:	154 778	89 312	65 464	244 088

По объему миграционного оборота населения между Республикой Беларусь и Россией на первом месте находится Гомельская область. Примерно каждый пятый гражданин Российской Федерации, иммигрировавший в Беларусь в указанный период, как и гражданин Республики Беларусь, эмигрировавший в Россию, приходится на данный регион. Доля Гомельской области в общем миграционном приросте за счет населения из России за 1995–2005 гг. составила 22,1%.

На втором месте в миграции между Республикой Беларусь и ее восточным соседом находятся Витебская и Брестская области. Для данных областей относительно высока доля в структуре эмиграции населения Беларуси (16 и 15% соответственно).

Минская область, занимающая третье место в общем миграционном обороте, опережает Витебскую и Брестскую области по миграционному приросту населения за счет лучшего соотношения «прибытие–убытие».

В целом за период с 1995 по 2005 гг. для всех областей Беларуси и г. Минска характерно положительное сальдо миграционного обмена с Россией. Объем миграционного оборота между всеми регионами Беларуси и Российской Федерацией, за исключением некоторого роста в 1997–1999 гг., постепенно сокращается.

Коэффициент интенсивности миграционного оборота (рассчитывается путем деления абсолютного показателя миграционного оборота в регионе (стране) за год или за определенный период на среднегодовую численность постоянного населения и умножается на 1(10) тыс.) между Беларусью и Россией за 1995–2005 гг. составляет около 2,22 [2, с. 22]. Лидером среди регионов является Гомельская область – 2,88. Для Витебской области коэффициент интенсивности миграционного оборота равен 2,52.

По Могилевской и Брестской областям данный показатель немного превысил общереспубликанский (2,28 и 2,27 соответственно) (по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь).

Таким образом, за период с 1995 по 2005 гг. происходил весьма интенсивный миграционный оборот между большинством регионов Республики Беларусь и Россией. Доминирующие позиции в данном процессе занимают восточные области республики.

Данные о национальном составе граждан, проживающих в регионах Республики Беларусь, предоставляют переписи населения. Анализ переписей 1989 и 1999 гг. говорит о сокращении доли русского населения в национальной структуре жителей всех областей Беларуси и г. Минска в среднем на 1,8%, или на 28,6 тыс. человек. Примечательно, что наибольшие потери в этническом русском населении понесла столица Беларуси – 61,1 тыс. человек [7, с. 451].

Одним из важнейших видов миграции на современном этапе является трудовая миграция, но для проведения ее регионального анализа данных недостаточно. Известно, однако, что значительная часть трудового потенциала Республики Беларусь вынуждена искать источники существования за рубежом. В России, по данным переписи населения 2002 г., проживает 40,3 тыс. граждан Беларуси, или 3,93% от числа иностранцев, указавших свое гражданство. Если распространить показатель удельного веса граждан республики на число иностранцев, не указавших гражданство (169,8 тыс. человек), то эта величина возрастает более чем в 2,5 раза. По некоторым подсчетам, в России официально проживает более 100 тыс. граждан Республики Беларусь. Еще в 2,5 раза больше жителей Беларуси работает там частным образом, наездами, неофициально. Таким образом, число белорусских трудовых мигрантов превышает 300 тыс. человек [3, с. 163]. При этом официальная статистика свидетельствует о сокращении доли России среди стран-реципиентов легальных трудящихся мигрантов из Беларуси с 48,6% в 1994 г. до 24,6% в 2003 г. [1, с. 146].

Миграция населения между Беларусью и Украиной

В структуре внешней миграции населения между Беларусью, странами СНГ и государствами Балтии второе место после Российской Федерации занимает Украина. Ее доля в структуре иммиграции населения Беларуси за период с 1995 по 2005 гг. составила около 17%, а эмиграции – 14%. Наибольшей доля Украины в миграции со странами СНГ и Балтии является для Брестской (23,7%), Гомельской (18,8%) и Могилевской (15,7%) областей (по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь).

Таблица 2 – Миграция населения между областями Республики Беларусь, г. Минском и Украиной за период с 1995 по 2005 гг.

Регион	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции	Объем миграции
Брестская область	10 644	3 683	6 961	14 327
Витебская область	4 530	1 546	2 984	6 076
Гомельская область	10 179	3 391	6 788	13 570
Гродненская область	3 164	1 566	1 598	4 730

Продолжение таблицы 2

г. Минск	4 871	1 947	2 924	6 818
Минская область	5 505	1 818	3 687	7 323
Могилевская область	5 123	1 809	3 314	6 932
Всего:	4 4016	15 760	28 256	59 776

Таким образом, Брестская и Гомельская области занимают первое и второе место в структуре миграции между Беларусью и Украиной. На эти регионы приходится около 46,7% от общего объема миграции между двумя странами за период с 1995 по 2005 гг. За два года до переписи населения 1999 г. в Брестскую и Гомельскую области из Украины прибыло 6 556 человек (соответственно 3 472 и 3 084), что составило 50,5% от общего числа украинских иммигрантов за данный период [4, с. 186]. За лидерами следует Минская область, доля которой в структуре миграции населения между Беларусью и Украиной составила 12,3% (для сравнения: доля Брестской области – 24%).

Для всех областей и г. Минска в миграционном обмене с Украиной за период 1995–2005 гг. характерен прирост населения. Начиная с 1997–1998 гг. общий миграционный оборот с Украиной для всех регионов Беларуси, за исключением Брестской области, где был отмечен рост объема миграции в 2002–2003 гг., постепенно сокращается.

Коэффициент интенсивности миграционного оборота между Республикой Беларусь и Украиной за период с 1995 по 2005 гг. составил около 0,54. Для Брестской области он равен 0,88, для Гомельской области – 0,81. Почти приблизилась к среднему показателю только Могилевская область – 0,53 (по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь).

Данные переписи населения Республики Беларусь за 1989 и 1999 гг. свидетельствуют о сокращении в национальной структуре населения республики числа этнических украинцев, что наиболее характерно для Гомельской области и г. Минска. Следует отметить, что число украинцев в Брестской области за период между переписями сократилось только на 3,6 тыс. человек [6, с. 42].

В этот период значительное распространение получили временные поездки граждан Украины в Беларусь на сезонные, временные работы или с целью мелкой торговли [5, с. 5]. Сегодня трудовая и фронтьерская миграция населения приграничных территорий Беларуси и Украины осуществляется с целью торговли и посредничества [3, с. 128]. К 2003 г. из 95%, приходящихся на трудовых мигрантов, въезжающих в Беларусь из стран ближнего зарубежья, 77,9% составляли украинцы (для сравнения: в 1994 г. их доля была всего 2,9%). Большая часть трудовых иммигрантов оседает в приграничных районах Брестской области, что во многом связано с их дальнейшими планами эмиграции на Запад. Очевидно, по этой причине на указанную область к 2003 г. приходилось 63,9% всех прибывших трудовых мигрантов [1, с. 125, 146].

Миграция населения между Республикой Беларусь, Латвией и Литвой

В отличие от России и Украины, доля Латвии и Литвы в структуре миграции между Беларусью, государствами СНГ и странами Балтии невелика: за период с 1995 по 2005 гг. она составила примерно 1,7% для каждой из прибалтийских стран. При этом доля Латвии в миграционном приросте населения Беларуси за счет стран СНГ и Балтии – 3,4%, а Литвы – только 1,8%. В структуре миграции населения регионов Республики Беларусь наибольшая доля Латвии приходится на Витебскую область,

а Литвы – на Гродненскую (4,6% и 6%, соответственно) (по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь).

Таблица 3 – Миграция населения между областями Республики Беларусь, г. Минском и Латвией за период с 1995 по 2005 гг.

Регион	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции	Объем миграции
Брестская область	676	67	609	743
Витебская область	2 237	295	1 942	2 532
Гомельская область	437	57	380	494
Гродненская область	593	82	511	675
г. Минск	641	112	529	753
Минская область	676	69	607	745
Могилевская область	482	24	458	506
Всего:	5 742	706	5 036	6 448

Безусловным лидером среди регионов Беларуси в миграционных процессах с Латвией является Витебская область. На нее за период с 1995 по 2005 гг. приходится 39,3% от общего объема миграционного оборота между двумя странами. За два года до переписи населения 1999 г. в Витебскую область на постоянное место жительства из Латвии прибыло 607 человек, или 40% иммигрантов [4, с. 186].

Доля остальных регионов меньше в три раза. Так, на г. Минск, Минскую и Брестскую области приходится от 11,7% до 11,5% в миграционном обмене между двумя странами за период 1995–2005 гг. При этом доля столицы в миграционном приросте несколько меньше, чем доля указанных регионов.

Миграция между Беларусью и Латвией за период с 1995 по 2005 гг. проходила с миграционным приростом для всех регионов республики. Начиная с 1998 г. объем миграции постепенно сокращался. Период с 2000 по 2001 гг. характеризовался относительной стагнацией в миграционном обороте между двумя странами. Для г. Минска она продолжалась фактически до 2004 г.

Коэффициент интенсивности миграционного оборота между Беларусью и Латвией за период с 1995 по 2005 гг. равен 0,06. Для Витебской области он почти в три раза больше – 0,17. По интенсивности миграционного оборота с Латвией к общереспубликанскому показателю приблизилась только Гродненская область – 0,05 (по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь).

Таблица 4 – Миграция населения между областями Республики Беларусь, г. Минском и Литвой за период с 1995 по 2005 гг.

Регион	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграции	Объем миграции
Брестская область	333	84	249	417
Витебская область	822	312	510	1 134

Продолжение таблицы 4

Гомельская область	252	79	173	331
Гродненская область	1 429	729	700	2 158
г. Минск	947	440	507	1 387
Минская область	525	157	368	682
Могилевская область	183	91	92	274
Всего:	4 491	1 892	2 599	6 383

По миграции населения между Республикой Беларусь и Литвой в период с 1995 по 2005 гг. первенствует Гродненская область. На нее приходится каждый третий мигрант в общем миграционном обороте между двумя странами. По данным переписи 1999 г., в данный регион за два года прибыли 429 граждан Литвы, или около 41% [4, с. 186]. В структуре миграции между Беларусью и Литвой велика доля г. Минска и Витебской области (соответственно 21,7% и 17,8%). Примечательно, что Витебская область, отставая от Минска почти на 4% по валовой миграции, имеет равный со столицей показатель миграционного прироста населения.

Миграция между Беларусью и Литвой за период 1995–2005 гг. проходила для республики с миграционным приростом населения (как и с Россией, Украиной и Латвией). Начиная с 1995 г. объем миграции сокращается. 2001 г. для всех регионов республики, кроме Гомельской области, характеризовался ростом иммиграции из Латвии.

Интенсивность миграционного оборота между Беларусью и Литвой примерно такая же, как и с Латвией (0,06). Для Гродненской и Витебской областей коэффициент миграции с Латвией равен примерно 0,17. По интенсивности миграционного оборота с Литвой Витебская область и г. Минск превысили общереспубликанский показатель (соответственно 0,08 и 0,07) (по данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь).

Заключение

Таким образом, по объему миграции между регионами Беларуси и граничащими с ней странами СНГ и государствами Балтии лидирует Гомельская область, далее следуют Витебская и Брестская области. Это связано с преобладанием во внешней миграции Республики Беларусь российского и украинского направлений. Относительный показатель – коэффициент интенсивности миграционного оборота – в отношении всех регионов и направлений в основном подтверждает абсолютные показатели. При этом следует отметить, что Могилевская область, доля которой в валовой миграции незначительна, имеет средний показатель по интенсивности миграционного оборота с Россией и Украиной.

Для всех регионов Республики Беларусь миграция с Россией, Украиной, Латвией и Литвой проходила с положительным соотношением в прибытии–убытии населения. По миграционному приросту населения первенствует Гомельская область, за ней следуют Брестская и Минская области. Минская область уступает по валовой миграции Витебской области, но в общем объеме миграционного прироста населения занимает второе место по результатам миграции с Россией и Латвией и третье – с Украиной и Литвой.

Объем безвозвратной миграции между всеми регионами Беларуси, приграничными государствами СНГ и странами Балтии постепенно сокращается. Этот процесс

имеет свои особенности в каждом регионе Беларуси, но общей тенденцией сокращения населения является уменьшение доли национальных меньшинств. Следует, однако, отметить, что активный миграционный обмен населения зачастую не связан со значительным сокращением численности той или иной национальной группы. Так, данной зависимости не выявлено в отношении Брестской области в ее миграции с Россией и Украиной и Витебской – в миграции с Российской Федерацией. И наоборот, значительное сокращение этнического русского и украинского населения в г. Минске не отражается на интенсивности миграционного обмена населения с соответствующими странами за период 1995–2005 гг.

Трудовая эмиграция отражается на общей динамике миграционного обмена между Беларусью и Российской Федерацией. По официальным данным, доля России в структуре стран-реципиентов трудовых эмигрантов из Республики Беларусь сократилась за период с 1994 по 2003 гг. вдвое, тем не менее она остается безусловным лидером по данному показателю среди государств СНГ и стран Балтии.

Большинство трудовых иммигрантов попадает в Беларусь из Украины. Более половины всех легальных трудовых мигрантов прибывает в Брестскую область. Следует отметить, что проблемы, связанные с различными видами временной приграничной миграции, требуют дополнительного изучения.

В структуре миграции между Беларусью и граничащими с ней государствами СНГ и странами Балтии приграничные области республики играют особую роль. Фактор территориальной близости напрямую влияет на характер миграционного обмена между странами: доминирующее положение в миграции с Россией занимают Гомельская, Витебская и Могилевская области Беларуси, с Украиной – Брестская и Гомельская области, с Латвией и Литвой – Витебская и Гродненская области. Исключением в миграционном обмене населения с Литвой являются Брестская область, не имеющая границы с Россией, но занимающая третье место по объему миграции с восточным соседом за период с 1995 по 2005 гг., и г. Минск. В данных случаях, очевидно, влияние оказали экономические и национальные факторы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарь, А. В. Мировой рынок труда в условиях глобализации и особенности развития его белорусского сегмента : монография / А. В. Бондарь. – Минск : БГЭУ, 2005. – 155 с.
2. Загорец, И. В. Миграции населения и миграционная политика / И. В. Загорец. – Минск : Лучи Софии, 2000. – 86 с.
3. Злотников, А. Г. Демографическое измерение современной Беларуси / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2006. – 212 с.
4. Миграция населения Республики Беларусь: Итоги переписи населения РБ 1999 г. : статист. сб. / Мин-во статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2002. – 329 с.
5. Пирожков, С. Внешние трудовые миграции в Украине : монография / С. Пирожков, Е. Малиновская, А. Хомра / Совет нац. безопасности и обороны Украины, Ин-т проблем междунар. безопасности. – Киев : НИПМБ, 2003. – 134 с.
6. Регионы Республики Беларусь 2002 : статист. сб. / Мин-во статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2002. – 707 с.
7. Регионы Республики Беларусь 2006 : статист. сб. / Мин-во статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2006. – 793 с.

***Hrytsenka D.V.* The migration of population between The Republic of Belarus, boundary states of Commonwealth of Independent States and Baltic Countries: regional analysis**

Author considers a dynamics and an extent of non-returnable and work migration between regions of the Republic of Belarus, the Russian Federation, the Ukraine, the Latvia and Lithuania from 1995 to 2005. The territorial structure of migratory flows and the intensity of migratory population exchange are studied.

УДК 32.001(075.8)

Н.А. Антанович

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАК ОТРАСЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье политический анализ рассмотрен как отрасль профессиональных исследований и деятельности. Показано, что становление политического анализа было связано с изучением публичной политики и государственного управления в связи с расширением сферы вмешательства в социально-экономические отношения. Рассмотрены особенности сферы политического анализа в СССР, России, Беларуси, в западных странах.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть становление политического анализа как отрасли профессиональных исследований и деятельности в различных странах. Политический анализ представляет собой прикладную политико-управленческую дисциплину, использующую множественные методы исследования и аргументации с целью разработки принципов и методов подготовки, принятия и осуществления публично-политических решений в проблемных ситуациях, обладающих общественной значимостью [1, с. 13]. Вклад в становление политического анализа внесли следующие авторы: Б. Хогвуд, Л. Ганн, И. Квейд, Д. Ваймер, А. Вайнинг, А. Вилдавски, Г. Лассуэлл. Новейшие разработки принадлежат А.С. Ахременко, К.С. Боришполец, А.А. Дегтяреву, К.С. Симонову, Д.Г. Балуеву, С.Г. Туронку.

Институционализация политического анализа как области исследований и деятельности, как сферы публичного обсуждения и решения политически релевантных проблем приходится на 1930–50-е гг. XX в. Становление политического анализа было связано в первую очередь с изучением публичной политики и государственного управления. Одна из причин – обслуживание нужд государственного управления в связи с расширением сферы вмешательства в социально-экономические отношения. Возникла потребность в оценке эффективности принимаемых решений. Так, в 1937 г. в Гарварде была учреждена Школа государственного управления, проводившая программы, связанные с политическим анализом. Наиболее бурно политическая аналитика стала развиваться в США и в СССР в послевоенный период, что в немалой степени было обусловлено ядерным противостоянием.

Аналитические центры в СССР

С конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. советское государство взяло курс на освоение результатов и развитие научно-технической революции, что было продиктовано процессами внутренней модернизации страны. Политика экономического соревнования с Западом требовала обстоятельного изучения западной экономики и политики. Вместе с модернизацией советской экономики шла культурная модернизация. Все эти процессы проходили осмысление в различных аналитических центрах. Среди партийных институтов лидировали Академия общественных наук при ЦК КПСС; Институт общественных наук при ЦК КПСС, работавший в закрытом режиме; Институт марксизма-ленинизма ЦК КПСС. Аналитические структуры КПСС и части государственных учреждений приближались по критериям комплексности и прикладного характера исследований к современным аналитическим центрам. Помимо *партийных* аналитических

центров к государственным аналитическим структурам СССР относились *академические исследовательские институты*.

В апреле 1956 г. президиум Академии наук (АН) инициировал создание Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), который проводил исследования по развитию экономики и политики капитализма. Был также создан Институт международного рабочего движения (ИМРД). Для обеспечения внешней политики создавались специализированные институты при АН: Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), Институт Латинской Америки, Институт Африки, Институт Дальнего Востока, Институт США (позже переименованный в Институт США и Канады – ИСКАН). ИСКАН (образовался в 1967 г.) впоследствии стал партнером и основным конкурентом ИМЭМО в исследовании таких проблем, как сокращение и нераспространение стратегического и наступательного вооружения, вопросов окружающей среды и отношений Севера и Юга.

К 1970–80-м гг. академические исследовательские институты расширились, усложнились и сложились в разветвленную сеть, состоящую из множества специализированных звеньев. Одни выполняли функции сбора информации (Всероссийский институт научной и технической информации – ВИНТИ, Институт научной информации по общественным наукам – ИНИОН), другие – функции аналитических центров (ИМЭМО, ИСКАН), третьи – пропагандистского обеспечения (Агентство печати Новости (АПН)), Советский комитет защиты мира, Комитет молодежных организаций, Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки и др.). Они конкурировали за влияние на высшее партийное руководство. Хотя эти институты финансировались из государственного бюджета, они были достаточно независимы в формулировках исследовательских задач. Большинство институтов выпускали свои собственные издания. Многие из них имели связи с зарубежными институтами. Оперативность работы, структурирование информационных потоков, стиль и форма подачи результатов исследований в виде аналитических записок, практика ситуационного анализа, «мозговых штурмов», междисциплинарный характер исследований – все это было передано новым аналитическим центрам.

Перестройка 1980-х гг. ознаменовала новый период в эволюции академических исследовательских институтов. Политическая система столкнулась с проблемами перехода к рыночной экономике и демократии. Горбачевская администрация пыталась опираться на ученых из академических институтов, ориентированных на реформы. Некоторые были непосредственно вовлечены в формирование новой государственной политики. Например, С. Шаталин (академик АН СССР), Т. Заславская (ВЦИОМ), А. Аганбегян (Сибирское отделение АН СССР), Е. Примаков (ИМЭМО), Л. Абалкин (Институт экономики). Они заняли высокие посты в новых государственных структурах. Некоторые экономисты из академических институтов попытались разрабатывать альтернативные программы (например, программа «500 дней» Г. Явлинского и С. Шаталина).

Аналитические центры в России и Беларуси

Новый этап в развитии аналитических центров связан с возросшей активностью гражданского общества в конце 1980-х гг.: возникновением неформального, кооперативного движений. На этом этапе появляются различные клубы, народные фронты и другие общественные организации. Некоторые ставили перед собой информационно-исследовательские задачи. Были созданы такие организации, как «Перестройка», «Мемориал», «Демократический союз», Клуб социальных инициатив (КСИ). На волне активизации гражданского общества были созданы аналитические структуры, обеспечивающие и поддерживающие общественные организации и движения (Фонд политико-

правовых исследований «Интерлигал», Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» и пр.). Помимо мозговых центров появились новые организации: центры публичной политики (public policy centers).

Распад Советского Союза изменил систему аналитических институтов. В 1990–1991 гг. возникли новые аналитические центры и одновременно понизилась роль академических исследовательских институтов. Можно выделить следующие причины возникновения новых аналитических структур. Во-первых, в тот период государственное финансирование науки, в частности политической науки, минимизировалось. Во-вторых, развитие института выборов, многопартийной системы с политическим и идеологическим плюрализмом позволило аналитическим центрам (АЦ) работать на различных представителей политической элиты, относить себя к тому или иному политическому спектру. В-третьих, после проведенной приватизации появляется новый политический игрок – структуры бизнеса. Тенденция роста бизнес-заказов у АЦ проявилась в 1992–1994 гг., именно тогда бизнесмены начали активно создавать АЦ при банках, крупных компаниях. Возникали частные АЦ, ориентированные на самокупаемость, которая стала возможной с появлением бизнес-заказов. В-четвертых, возникла конкуренция между АЦ, занимающими общую исследовательскую площадку (внутренняя политика, экономическая политика, внешняя политика).

Среди современных российских АЦ лидируют государственные, например: Экспертное управление при Администрации Президента Российской Федерации (с 20.08.2004 г.); Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации (с 16.09.2006 г.), Институт экономического анализа (ИЭА), Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Существуют и негосударственные АЦ. Центры этой группы отличаются следующими чертами: работа на контрактной основе; стремление к самокупаемости; среди клиентов этих центров значительна доля представителей бизнеса; стремление к диверсификации исследовательского продукта и клиентской базы. Примерами подобных центров являются Фонд предпринимательских инициатив «Экспертиза», Центр политических технологий (ЦПТ), Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), центр «Информатика для демократии» (ИНДЕМ), Российский общественно-политический центр (РОПЦ).

Экспертное управление при Администрации Президента Российской Федерации осуществляет экспертно-аналитическое обеспечение реализации Президентом его конституционных полномочий; готовит экспертные заключения, аналитические доклады и иные необходимые Президенту и Руководителю Администрации Президента Российской Федерации экспертные и аналитические материалы; обеспечивает экспертно-аналитические работы по финансированию деятельности Президента и Администрации Президента Российской Федерации; координирует разработку и экспертизу общенациональных проектов. Положение об Экспертном управлении Президента Российской Федерации утверждено Указом Президента Российской Федерации от 20 августа 2004 г. № 1086 (http://kremlin.ru/state_subj/group62351.shtml).

Среди государственных аналитических центров Республики Беларусь выделим Институт социально-политических исследований при Президенте Республики Беларусь (ИСПИ до 2006 г.) и Институт социально-политических и экономических исследований при Минском горисполкоме. Государственные аналитические центры работают по заказам властных структур, специализируются на проведении мониторингов текущей внутривластной и внешнеполитической ситуации.

Ведущим государственным исследовательским и аналитическим центром был Институт социально-политических исследований (ИСПИ), образованный в 1997 г. Основными направлениями работы ИСПИ являлись научное и информационно-аналитическое обеспечение деятельности Администрации Президента Республики

Беларусь, проведение комплексных исследований социально-политического характера в процессе планирования и формирования государственных программ развития Республики Беларусь. В настоящее время действует Информационно-аналитический Центр при Администрации Президента Республики Беларусь (ИАЦ). Как пояснил первый заместитель главы Администрации Президента А. Рубинов в январе 2008 г.: «Предполагается создать на базе ИАЦ новый центр. Фактически он должен вырасти в мощный серьезный центр, который бы занимался не только информационным и аналитическим обеспечением, но и политехнологиями, координацией этой работы и, возможно, частично организацией» [2].

Динамику институционализации политической аналитики отражает подготовка кадров высшей квалификации в сфере политических наук. Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций на соискание ученой степени по политическим наукам создан при Белгосуниверситете в 1992 г. Докторантура и аспирантура по политическим наукам существует в Белгосуниверситете, Республиканском институте высшей школы, в Академии управления при Президенте Республики Беларусь. За последние 15 лет в Республике Беларусь подготовлено более 40 кандидатов политических наук и 10 докторов политических наук. На сегодняшний день Белгосуниверситет является ведущим научным учреждением Беларуси по подготовке аспирантов и докторантов по специальностям: «Теория политики, история и методология политической науки», «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии», «Политические проблемы международных отношений и глобального развития». По специальности «Теория политики, история и методология политической науки, политические институты» подготовлено 12 кандидатов и два доктора наук, по специальности «Национальные и политические процессы и технологии» подготовлено 17 кандидатов наук и четыре доктора наук, по специальности «Политические проблемы международных отношений и глобального развития» три кандидата наук, три доктора.

Политическая наука стала достоянием белорусского общества – это значимое явление в системе образования. Пришло осознание, что политический анализ и разработка политических технологий – это сфера деятельности профессионалов. Современный стандарт политолога-профессионала сформирован: базовое политологическое образование, соответствующая ученая степень, регулярные публикации, постоянное повышение профессионального уровня, способность к объективно-научному политическому анализу посредством мониторинга и регулярной экспертизы политического процесса. Оперативность работы, структурирование информационных потоков, привлечение широкого круга ученых, мобильность – вот основа формирования экспертной среды политологов.

Западные аналитические центры

Многие политологи отсчет институциональной истории политического анализа в США ведут с 1950-х гг., когда начинается «политико-управленческое движение» (policy movement). Г. Лассуэлл поставил перед упомянутым движением двуединую задачу: способствовать повышению эффективности публичных решений и одновременно развивать демократические принципы и гуманистические ценности [3]. Речь шла о придании политической науке прагматической и прикладной направленности путем соединения теории с управленческой практикой.

Важнейшим показателем формирования западного сообщества политических аналитиков является становление фабрик мысли. После Второй мировой войны в США начинают создаваться негосударственные аналитические центры – «мозговые тресты» (brain trusts) и «фабрики мысли» (think tanks). В 1948 г. была учреждена РЭНД Корпо-

рэйшн, которая сразу же получила заказ от Министерства военно-воздушных сил на разработку ряда оборонных проектов. РЭНД Корпорэйшн (имя корпорации является сокращением от первых букв английского словосочетания *r esearch an d d evelopment* – исследование и развитие) приобрела известность как крупнейший центр политического анализа благодаря разработке сценариев глобального термоядерного конфликта и выполнения других заказов, полученных от Пентагона.

Позднее возникли Институт Брукинса, Фонд наследия, Институт урбанистики и др. В итоге к концу 1960-х гг. в США сложилась целая индустрия политического анализа, которая внесла весомый вклад в создание политико-аналитического инструментария. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, достаточно упомянуть такие аналитические разработки РЭНД Корпорэйшн, как методика «программирование – планирование – бюджетирование» (PPBS – «Programming – Planning – Budgeting System»), система групповой и итеративной экспертной оценки Дельфи, а также пакет аналитических методик «издержки–выгоды» (cost – benefit analysis) и «издержки – эффективность» (cost – effectiveness analysis), включающий набор стандартных инструментов оценки эффективности политических программ и решений, акций и их результатов.

Другим фактором институционализации политического анализа стало развитие сферы *политического консалтинга*, направленного на обслуживание избирательных кампаний. После Второй мировой войны учреждаются Американская ассоциация политических консультантов и Международная ассоциация политических консультантов. Роль политических консультантов и аналитиков в политической конкуренции вырисовывается достаточно ясно: кампании стали превращаться не только в соревнование самих кандидатов, но и работающих на них профессионалов. Начиная с 1950-х гг. вступающие в предвыборную борьбу кандидаты предпочитают сотрудничать не с собственными партийными структурами, а с профессиональными консультантами. С 1970-х гг. использование политического консультирования стало стандартом проведения любых выборов в США. Имена крупнейших специалистов по производству «политических звезд» известны во многих странах – Джозеф Наполитан, Мэтт Риз, Клифтон Уайт, Тони Шварц [4, с. 6–7].

Политический анализ явился продуктом соединения нескольких тенденций научного, технического и социального плана. Предпосылками развития политического анализа также стали развитие военной теории, кибернетики, статистики, экономики. В 1960–70-е гг. происходила институционализация политического анализа как университетской дисциплины. С конца 1960-х гг. в Калифорнийском университете (Беркли), а затем в других ведущих американских университетах создавались специализированные курсы и программы по прикладному политическому анализу, велась подготовка магистров и докторов по данной специальности. Параллельно шел процесс превращения политического анализа в особую профессиональную сферу. В государственных органах федерального, регионального и муниципального уровней формируются (или расширяются) аналитические подразделения, в их штатных расписаниях появляется стандартная единица «аналитик» (analyst).

Составляющей институционализации научной дисциплины является образование профессионального сообщества, создание специализированных журналов и профессиональных ассоциаций. Этот процесс разворачивается в США в 1970–80-е гг.: появился ряд журналов, ориентированных на вопросы прикладного политического анализа, – «Policy Sciences», «Policy Studies Journal», «Policy Studies Review», «Journal of Policy Analysis and Management» и др.; формируются профессиональные ассоциации аналитиков – Организация политико-управленческих исследований (Policy Studies Organization), объединившая в основном политологов, и междисциплинарная Ассоциация политического анализа и менеджмента (Association of Public Policy Analysis and

Management), в состав которой в настоящее время входит более двух тысяч практикующих аналитиков и университетских ученых.

В Европе процесс институционализации политического анализа шел менее бурно, чем в США. Неодинаковыми были и темпы его развертывания в отдельных странах. Они зависели от нескольких факторов:

- 1) уровня спроса со стороны правительства на аналитическую продукцию;
- 2) исторически сложившихся организационных моделей органов государственного управления;
- 3) взглядов и установок политической элиты;
- 4) способности и готовности сообщества ученых-обществоведов включиться в аналитическую работу.

Показателен в этом отношении пример Великобритании, где с приходом к власти правительства М. Тэтчер стали свертываться программы по государственному планированию и экспертизе, а в 1983 г. была ликвидирована Центральная служба политического оценивания (Central Policy Review Staff).

В целом основное становление политического анализа как академической дисциплины приходится в европейских странах на 1980-е гг. В этот период в той же Великобритании появляются университетские курсы по политическому анализу, в ряде университетов (Бирмингема, Бристоля, Стрэтчклайда, Лондона и др.) создаются специальные программы по государственному управлению. Уникальный опыт интеграции академической науки и практической политики и применения политического анализа в муниципальном менеджменте накоплен в Университете Уоррика. Наряду с созданием типовой программы по подготовке магистров государственного управления, там был образован Консорциум местного самоуправления, куда вошли университетский Центр муниципального управления, состоящий из аналитиков и экспертов, и около 40 муниципалитетов, которые финансируют проводимые им экспертно-аналитические работы. Однако отставание от США до конца не преодолено.

Американская школа политического анализа проделала эволюцию в сторону ориентированного на инкрементальные (частичные, поэтапные, эволюционные) изменения в противоположность радикальным изменениям и выводам. Сам анализ является децентрализованным, построенным по принципу «снизу – вверх». Американский политический анализ локален, ориентирован, скорее, на части, чем на целое. Проблема дробится на составляющие, и выделяются те из них, над которыми клиент способен осуществлять контроль. В США политологи активно работают как в государственных агентствах, так и в лоббистских организациях. В Европе политический анализ сохранил свою первоначальную форму: долгосрочное планирование, концентрация самой работы в высших государственных органах.

С.Г. Туронок следующим образом оценивает специфику американской и европейской политической аналитики: «Американский политаналитик по природе своей децентрализатор. Вместо того, чтобы наращивать дополнительную нагрузку на государство, он будет скорее искать возможности высвобождения нереализованных возможностей общества, частной инициативы... Американские школы политического анализа учат инкрементализму, стремясь скорее избежать известных зол, чем достичь великих благ; они воспитывают стиль практически ориентированный и умеренный, в противоположность европейскому стилю большой, дорогостоящей, единообразной и, возможно, необратимой политики» [1, с. 28].

Американская аналитика на первое место выдвигает критерий эффективности, тогда как европейские аналитики способны жертвовать эффективностью в пользу легитимности. Этот вывод иллюстрирует включенность политического анализа в культуру конкретного общества. Политические аналитики в таких условиях делятся на инсайде-

ров (работают на государственные агентства) и аутсайдеров (работают независимо от официальных политических институтов). В стабильных конкурентных политических системах в различных значимых областях политики (мы исходим из многоуровневого понимания политики) может существовать несколько конкурирующих центров анализа. Государственная бюрократия в таких политических системах постепенно утрачивает монополию на аналитику и экспертизу. Прежде закрытая информация о публичной политике – как она осуществляется, как принимаются решения, какие были альтернативы, можно ли было принять более адекватное решение и т. п. – становится достоянием обществу.

Подводя итог, можно отметить, что в СССР существовала развитая сеть аналитических структур. Помимо *партийных* аналитических центров, к государственным аналитическим структурам СССР относились *академические исследовательские институты*. К 1970–80-м гг. академические исследовательские институты расширились и сложились в разветвленную сеть, состоящую из специализированных звеньев по сбору информации, аналитике и обеспечению пропагандисткой деятельности. Распад Советского Союза изменил систему аналитических институтов. В 1990–1991 гг. возникали новые аналитические центры и одновременно понижалась роль академических исследовательских институтов. На современном этапе среди центров политического анализа в Беларуси и России лидируют государственные. В США политологи активно работают как в государственных агентствах, так и в лоббистских организациях. В Европе политический анализ сохранил свою первоначальную форму: долгосрочное планирование, концентрация работы в высших государственных органах.

Республика Беларусь как независимое государство нуждается в укреплении всех элементов политической системы. В связи с этим на первый план объективно выдвигается проблема эффективности государственного управления, которую невозможно решить без соответствующей теоретико-методологической базы. Следует проявить особую заботу о качестве преподавания и изучения политологии, об уровне научных исследований в этой сфере. Следовательно, нужны обоснованные и регулярно обновляемые государственные образовательные стандарты по политологии, механизмы контроля за их соблюдением, координация политологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Туронок, С. Г. Политический анализ / С. Г. Туронок. – М. : Изд-во «Университетский гуманитарный лицей», 2003.
2. Незванов, А. Аналитика – дело тонкое / А. Незванов // Советская Белоруссия. – 2008. – 15 янв.
3. Lasswell, H. The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Method / H. Lasswell, D. Lerner. – Stanford, 1951. – P. 16.
4. Справочник по политическому консультированию / под ред. проф. Д. Д. Прелматтера ; пер. с англ. – М. : Консалтинговая группа «Имидж-контакт»: Инфа_М, 2002. – с. 330 с.

Antanovich N.A. The Formation of Politic Analysis as a Branch of Professional Research and Work

The article "Policy and Political Analysis as a sphere of the research and professional activity" is devoted to the specific process of constitution of Policy and Political Analysis in the USSR, Republic of Belarus, Russia, Western countries. The key state policy analysis centers are analyzed. Some features of Political and Policy Analysis institutionalization are revealed.

УДК 316.46+303.4

А.И. Лысюк

ОБЪЕКТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Данная работа посвящена анализу совокупности концепций, исследующих влияние объективных факторов на становление и развитие феномена политического лидерства. Изучаются разработанные Гегелем методологические основания объективистского подхода к детерминации лидерства. Дается оценка марксистской интерпретации детерминации политического лидерства, являющейся диалектическим единством общего, особенного и единичного. Исследуются концепции постиндустриального общества, в которых деятельность лидеров жестко определена логикой и требованиями нового научно-технического порядка, процессов глобализации. Специальному анализу подвергается проблема зависимости политического лидерства от институциональных и правовых факторов. Делается вывод о том, что объективные обстоятельства политической деятельности государственного лидера своей детерминирующей потенциал проявляют главным образом через систему профессиональных требований к обладателю высшей политической позиции, правовое регламентирование его деятельности, образцы политических карьер, социальные обстоятельства и вызовы.

В мировой политической науке существует ряд концепций, исследующих влияние объективных факторов на становление и развитие феномена политического лидерства. В самом общем виде условно их можно разделить на две группы. Первая представлена теориями макросоциального уровня, рассматривающими лидера как орудие, своего рода марионетку Объективного духа, социальной закономерности, исторической необходимости и т.п. Лидерство в этом случае основано на способности лидера стать персонификатором и волевым импульсом исходящих от них императивов, выразить их смыслы и деятельные силы.

Вторая группа концепций анализирует степень влияния на лидерство объективных факторов, главным образом правовых и институциональных, в рамках которых оно осуществляется. Как отмечает D. Kavanagh, вопрос, «насколько моделируют объективные обстоятельства политического лидера, является до сих пор в науке нерешенным, так как, с одной стороны, теории «великого человека» признаны ошибочными, поскольку они уделяют слишком большое внимание роли человеческого выбора. С другой стороны, экономический детерминизм лидерства, разрабатываемый в рамках марксистской интерпретации и лишивший политических лидеров социального пространства для инноваций и маневрирования, не нашел своего эмпирического подтверждения» [10, с. 132–133].

В настоящее время многими учеными признается как «фундаментально ошибочная атрибуция» склонность ряда исследователей рассуждать об исторических политических личностях, не учитывая в достаточной мере внешние детерминанты их поведения. Важной в этом отношении является констатация D. Simonten, который, излагая результаты собственных исследований факторов, определивших исторические роли и масштабы влияния 342 европейских монархов средневековья и нового времени, американских президентов, пришел к выводу о значительном перевесе ситуационных, объективных факторов над личностно-психологическими [11].

В связи с этим было бы целесообразно исследовать потенциал объективных факторов в системе политического лидерства и проследить их возможные взаимосвязи с социокультурными детерминантами. Решение этой проблемы является **целью** данной работы

Методологические основания объективистского подхода к системе детерминации лидерства были заложены Гегелем, определившим мировую историю как самопро-

явление Объективного духа. Одной из форм подобной объективации является государство как действительность субстанциональной воли, содержащее «в себе и для себя разумное». Соответственно, лидер определенного государства является выражением воли мирового духа, а содержание его власти как последнего волевого решения, призванного объединить все власти в интегративное единство, является началом и вершиной целого – конституционной монархии [1, с. 319–321].

Согласно концепции Гегеля, так как дух действителен лишь в качестве того, «чем он себя знает» и государство в качестве духа народа является вместе с тем пронизывающим все его отношения законом, нравами и сознанием индивидов, то государственное устройство определенного народа оказывается зависимым от характера и развитости самосознания граждан. Следовательно, качественное содержание как государства, так и его главы определяется тем, что мы сегодня называем культурой общества.

Кроме того, по утверждению Гегеля, действия людей вытекают из их потребностей, страстей, интересов, характеров и способностей, которые играют в системе детерминации человеческой деятельности главную роль. Воля Мирового духа содержится в целях отдельных индивидов, социальных групп и осуществляется благодаря им, что является своеобразной *хитростью разума*. «Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов» [2, с. 84]. Естественным образом понимание источников политического лидерства включает в себе анализ мотивов и способностей лидера, его последователей.

Что же касается «высоких» мотивов, то, как полагает Гегель, такие общие цели, как желание добра, благородная любовь к отечеству и др. – все эти добродетели играют ничтожную роль в преобразовании социального мира, поскольку то, чего требует и что совершает в себе и для себя конечная цель духа, стоит выше обязанностей и требований, которые выпадают на долю индивидуальности, ее нравственности. Поэтому совершенно неразумно предъявлять к всемирно-историческим политическим персоналиям моральные требования.

Принципиальное значение для данной работы имеет положение Гегеля об активности социальных субъектов, обусловленной имманентно присущим им принципом свободы. «Субстанцией, сущностью духа является свобода» [2, с. 70]. Социальное пространство в понимании Гегеля предстает полем осуществления сущностных сил человека, где человек выступает как свободная, деятельная сила. Естественным образом, это в полной мере относится к процессу проявления политическим лидером его деятельных сил.

Гегель указывает также на способ осуществления свободы человека, который имеет непосредственное отношение к проблеме соотношения свободы и необходимости. Он отмечает, что мы должны рассматривать внутренний, в себе и для себя сущий духовный процесс как необходимое, а то, что в сознательной воле людей представляется их интересом, является проявлением свободы. Деятельность есть средний термин заключения, одним из крайних пунктов которого является общая идея, пребывающая в глубине духа, а другим – внешность вообще, предметная материя. Благодаря деятельности совершается переход общего и внутреннего к объективности. Поэтому именно в деятельности политического лидера, его последователей происходит соединение, «сопряжение» внутренних и внешних обстоятельств их политического бытия.

В конечном счете Гегель указывает на конкретные условия достижения лидерских политических позиций, используя в качестве образца политическую деятельность Юлия Цезаря. В понимании Гегеля «историческими людьми» в сфере политики являются те персоны:

- а) в целях которых содержится всеобщее;
- б) частные цели которых содержат в себе тот субстанциональный элемент, который составляет волю мирового духа;

в) понимающие «что нужно», что является целью и вложившие в ее осуществление свою энергию;

г) сделавших это *своевременно* («их действия, их речи – лучшее в данное время»);

д) «великие люди желали доставить удовлетворение себе, а не другим» [2, с. 81–82].

Цезарь в подобном ракурсе предстает как образец римской целесообразности, принимающий решения в высшей степени обдуманно и приводящий их в исполнение энергично, практично и целесообразно. Он выступает как примиритель внутренних противоположностей, отстаивающий сплоченность римского мира от партикуляризма. В его личности партикулярная субъективность стала свободной от всяких ограничений, ничем не ограниченным произволом, «но под властью одного этого человека все оканчивается в *порядке*» [2, с. 337].

Таким образом, представленная Гегелем схема детерминации политического лидерства включает в себя два основных компонента. С одной стороны, анализ детерминант политического лидерства предполагает конкретное исследование его структурных компонентов, процессуальных характеристик, поскольку именно посредством их «дух» проявляет себя.

С другой стороны, Гегель указывает на жесткую зависимость деятельности субъектов политического процесса от императивов Объективного духа, умопостигаемые конструкции которого, в конечном счете, определяют содержание и рамки деятельности человека.

Объективистский подход Гегеля к организации социальной деятельности в своих принципиальных характеристиках был заимствован марксистским учением. При этом, однако, была осуществлена определенная переформулировка концептуальных парадигм Гегеля: место Объективного духа заняла историческая закономерность, национального духа – классовый интерес, партикулярных отношений – социальные антагонизмы, свободы личности – необходимость подчинения целому (коллективу и государству). Конкретный политический лидер занимает властную позицию по сути дела благодаря случайному стечению обстоятельств и действию объективных общественных сил. К. Маркс отмечал, что люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, и при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно существуют, даны им и перешли от прошлого [4, с. 422]. Если у исторического процесса возникала нужда в том или ином лидере, то он с необходимостью появляется, отражая новое сочетание социальных сил.

Это не означает, правда, что личностные и политические качества лидера не имеют никакого значения. «Влиятельные личности благодаря особенностям своего ума и характера, – отмечал В. Плеханов, – могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами... Чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрел благодаря ему огромное влияние на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи. Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность» [5, с. 326–327]. В марксистской интерпретации детерминация политического лидерства является диалектическим единством общего, особенного и единичного: общее – это развитие производительных сил, способ производства, особенности исторической эпохи; особенное – историческая обстановка, соотношение классовых сил; единичное – индивидуальные особенности политических руководителей и «других «случайностей», благодаря которым события получают свою «индивидуальную физиономию».

Роль объективных факторов как детерминантов государственного лидерства в их наиболее обобщенной форме представлена позицией русского писателя-философа Л.Н. Толстого, в концепции которого основные субъекты политической жизни практически полностью лишены, несмотря на масштабы политической власти, возможности реального политического целедостижения, так как по причине «наложения» деятельностей миллионов людей конечный исторический продукт всегда непредсказуем. Л.Н. Толстой писал, что «действия Наполеона и Александра... были так же мало произвольны, как и действие каждого солдата... Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Наполеона и Александра... была исполнена, необходимо было совпадение бесчисленных обстоятельств... Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей... Царь – есть раб истории. История, то есть бессознательная, общая, роевая жизнь человечества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя как орудием для своих целей... В исторических событиях так называемые великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые так же, как и ярлыки, менее всего имеют связи с самим событием... Воля исторического героя не только не руководит действиями масс, но сама постоянно руководима» [6, с. 9–11, 752].

В настоящее время объективистские позиции относительно проблемы детерминации политического лидерства занимают идеологи постиндустриального общества, в концепциях которых деятельность лидеров жестко определена, «сжата» логикой и требованиями нового научно-технического порядка, процессов глобализации при одновременной минимизации значимости личностного выбора, а также «культурные детерминисты», доказывающие, что социальные обстоятельства оказывают решающее воздействие на лидера, определяют его мотивы и поведения, оставляя минимальное пространство для его инициативности и политического маневрирования. Согласно данной позиции происходит деперсонализация политического лидерства: всемогущая личность заменена управленческим штатом, где основную роль играют технические специалисты и бюрократическая организация. Социальную креативность и независимость лидер берет только в условиях разрушения устойчивых социальных связей и отношений.

Наряду с глобально-объективистскими концепциями, жестко ограничивающими социальное пространство и возможности для проявления политическими лидерами своего потенциала, существуют институционально-объективистские концепции, в которых непосредственными источниками, точнее, регуляторами лидерства, выступают институциональные и правовые факторы.

Проблема зависимости политического лидерства от институциональных и правовых факторов активно разрабатывалась и разрабатывается в силу исторической традиции прежде всего в немецкой политической науке, в то время как в американских исследованиях основной акцент делался на анализе психологических и социокультурных источников лидерства. В связи с этим было бы целесообразно проследить формы и уровни влияния объективных факторов на политическое лидерство, выделенные немецкими исследователями на основе анализа деятельности послевоенных государственных лидеров (канцлеров) Германии.

Необходимо прежде всего указать на то обстоятельство, что для Германии характерно традиционно сильное политическое влияние немецких канцлеров, что способствовало появлению таких политических терминов, как «канцлеровская демократия» и «демоавторитарное руководство». Авторитаризации системы политического лидерства в ФРГ способствовала целая совокупность объективных обстоятельств.

Во-первых, наличие соответствующих правовых предпосылок. Как отмечал W. Hennis, «наш основной закон дает в руки канцлеру все правовые возможности для реализации своей компетентности... Он выбирает сотрудников, имеет обширные ин-

формационные возможности, обладает значительными институциональными инструментами... В момент его избрания «рысак» уже оседлан. Дальнейшее определяется уже личными качествами политика, его искусством государственного управления» [8, с. 27].

Существенную роль в создании сильных правовых предпосылок власти канцлера сыграло и то обстоятельство, что первый послевоенный канцлер (К. Аденауэр) явился непосредственным творцом новой конституции, первым интерпретатором конституционно-правовой компетентности канцлера, создателем институциональных инструментов и параметров, регулирующих его деятельность.

Во-вторых, существенную политическую роль традиционно играет администрация канцлера, контролирующая большинство министерств и являющаяся противовесом роста их влияния.

В-третьих, в силу большой роли партий в политическом процессе страны карьера того или иного политического деятеля в решающей степени зависит от эффективности партийной политики, его успехов или неудач на выборах, поддержки партией того или иного политического деятеля, отношений с партийным аппаратом. Кроме этого, поддержка партии жизненно необходима канцлеру для исполнения государственных функций. Наиболее известные немецкие канцлеры (Г. Коль, К. Аденауэр, В. Брандт) вошли в историю именно как «партийные» политики, опиравшиеся на партийный аппарат. Политическая карьера канцлеров обычно заканчивалась тогда, когда они утрачивали поддержку «своей» партии (Л. Эрхард, К. Кизингер, Г. Шмидт).

В целом взаимодействие партии и ее лидера носит противоречивый характер: авторитет партии может как ограничивать возможности лидеров, так и расширять их. В подтверждение этого тезиса можно привести некоторые данные социологических исследований. Так, например, в 1969 году за К. Кизингера как претендента на пост канцлера высказалось 54% респондентов, в то время как свои политические симпатии блоку ХДС/ХСС, который он возглавлял, адресовали 44% опрошенных. Второй претендент на пост канцлера В. Брандт получил поддержку 32% респондентов, а «его» партия СДПГ – 46%. Перед выборами 1976 году 46% опрошенных высказались в поддержку Г. Шмидта как претендента на пост канцлера, но одновременно только 43% отдали политическое предпочтение СДПГ. В это же время лично Г. Коля поддержало 40% опрошенных, в то время как ХДС – 49% [7, с. 51, 57].

В-четвертых, содержание и эффективность деятельности государственного и партийного лидера во многом определяются соответствием этой деятельности объективным ситуативным обстоятельствам, способностью ответить на «вызовы времени».

Вышеприведенные объективные факторы воздействуют на лидерство и посредством «социального заказа» на определенный тип политического лидерства и характерный для него образец политической карьеры в рамках определенного государства. Как отмечал D. Herzog, «политические карьеры являются социально структурированными и создают образец именно в том смысле, что в каждой исторической ситуации имеются не бесконечно разнообразные и предельно индивидуализированные пути политического восхождения, а только немногие, посредством которых все снова и снова одинаковым способом рекрутируются новые поколения политических деятелей. Эти пути обусловлены не только общим государственным строительством, организационными формами партий и избирательной системы, но также и едиными способами поведения» [9, с. 66]. Только тот политик обречен на успех, кто будет следовать в унисон существующим в определенном политическом пространстве карьерным образцам.

Кроме этого, социальная среда способствует актуализации определенных групп политических способностей, необходимых для осуществления эффективной деятельности, а также определяет направления ценностно-идеологической интеграции политиче-

ских позиций лидера и последователей. В силу этого тенденция бюрократизации, например, создает спрос на административные способности, рост сложности и комплексности проблем – на организационные таланты, революция «участия» и революция «информационная» – на коммуникативные компетентности, идея «деидеологизации» общества – на необходимость апелляции к религиозно-нравственным ценностям и «новым» потребностям (экологическим, гендерным и т. п.). В качестве примера можно привести тип современного государственного лидера, действующего в геополитическом пространстве западной цивилизации, необходимыми предпосылками политической карьеры которого являются:

- а) обладание точным знанием по широкому комплексу общественных проблем;
- б) способность к координации деятельности различных политических акторов;
- в) овладение искусством коммуникации, актуализированным интенсивной функциональной дифференциацией современного общества и несоответствием данным условиям иерархических линий приказа;
- г) умение выполнять функции не столько «посредничества интересов», сколько их «конверсии» и др.

В американской политической науке преобладает позиция, указывающая, что детерминирующее воздействие институциональных факторов проявляется через систему требований к президенту. Он должен быть способным убеждать, торговаться, придать четкую направленность национальной политике, выступать символом и олицетворением нации и государства.

В свою очередь украинский политолог Г. Зеленко указала на наличие детерминирующей зависимости между фазой демократического транзита и господствующим типом политического лидерства [3].

Таким образом, объективные обстоятельства политической жизнедеятельности государственного лидера свой детерминирующий потенциал проявляют главным образом через (1) систему профессиональных требований к обладателю высшей политической позиции, (2) правовое регламентирование его деятельности, (3) соответствие определенным стандартам его политико-карьерного восхождения, (4) социальные обстоятельства и вызовы, обуславливающие политическую практику лидера.

Можно утверждать, что концепции, исследующие детерминирующее воздействие объективных факторов на систему политического лидерства, указывают на совокупность важных условий, регламентирующих деятельность лидера и последователей.

Наряду с этим вне анализа остаются важные факторы, регулирующие взаимодействие лидера и последователей. Во-первых, практически полностью из системы лидерства исчезают имманентно присущие им мотивационные образования.

Во-вторых, игнорируется содержание культурных систем, в рамках которых осуществляется процесс политического лидерства.

В-третьих, не рассматривается самое главное в феномене лидерства – система взаимодействий между лидером и последователями, естественным образом, в силу своей «личности», «человечности», «рукотворности», носящая социокультурный характер.

В-четвертых, за контекстом рассмотрения остается важнейшая составляющая лидерства – последователи.

В-пятых, отсутствуют даже слабые попытки выявить различные уровни детерминационных систем и установить между ними логические связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель. Философия права / Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

2. Гегель. Философия истории / Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.
3. Зеленко, Г. Контексти політичного лідерства на постсоціалістичному просторі / Г. Зеленко // Політичний менеджмент. Спеціальний випуск. – 2006. – С. 136–146.
4. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс Избр. произвед. : в 3 т. – М. : Политиздат, 1979. – Т. 1. – С. 418–516.
5. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Политиздат, 1956. – Т. 2. – 565 с.
6. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1983. – Т. 3, Т. 4. – 799 с.
7. Haungs, P. Kanzlerdemokratie in der Bundesrepublik Deutschland. Von Adenauer bis Kohl / P. Haungs // Zeitschrift für Politikwissenschaft. – 1986. – Nr. 1. – S. 50–77.
8. Hennis, W. Richtlinienkompetenz und Regierungstechnik / W. Hennis. – Tübingen : Opladen, 1964. – 211 S.
9. Herzog, D. Der moderne Berufspolitiker / D. Herzog // Eliten in der Bundesrepublik Deutschland. – Stuttgart/Berlin/Köln : Kohlhammer, 1990. – 180 S.
10. Kavanagh, D. Political Science and Political Behavior. Political Leaders / D. Kavanagh. – London, 1983. – 223 p.
11. Simonten, D. K. Personality and Politics. Handbook of Personality Theory and Research. / ed. L. A. Pervin. – New York, 1990. – P. 680–690.

Lysiuk A.I. Objective Determinants of Political Leadership: Conceptual Basis

A given article is dedicated to the totality of concepts, which study the influence of objective factors on the formation and development of political leadership phenomenon. Studied is worked out by Hegel methodological basis for objectivist approach to the leadership determination. Evaluated is the Marxist interpretation of political leadership determination, which is the dialectic unity of common, specific, and single. Studied are the concepts of postindustrial society, in which the leaders' activity is strictly determined by logic and requirements of scientific and technical order, processes of globalization. Specifically analyzed is the problem of political leadership dependence upon institutional and legal factors. It is concluded that the objective circumstances of political activity of a state leader reveal their determining potential mainly through the system of professional requirements to the owner of a higher political position, legal regulation of his activities, models of political careers, social circumstances and challenges.

УДК 327

О.Н. Гринёва**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Одной из наиболее обсуждаемых проблем прошлого столетия стала глобализация. Исследованию данного феномена было посвящено множество монографий, статей, конференций и т. д. На сегодняшний день особое внимание уделяется не столько самой глобализации, сколько связанным с ней аспектам. В статье анализируются перспективы политики нейтралитета сквозь призму существующих в научной литературе сценариев дальнейшего развития глобализации и ее влияния на формирование политической структуры мира. На основе исследования предложенных автором вариантов развития политики нейтралитета делается вывод о том, что наиболее перспективным является развитие суверенных взаимосвязанных национальных государств, придерживающихся проводимой ранее внешнеполитической стратегии с некоторой возможной ее трансформацией, не затрагивающей ее основ. Предполагается, что изменения эти будут связаны с выходом на мировую политическую арену таких новых акторов международного общения, как межправительственные и неправительственные организации.

Последнее десятилетие ушедшего века стало очередным поворотным пунктом в развитии человеческой цивилизации. Именно в этот период произошел крах социалистического блока, давший толчок формированию новой картины мира, происходящему в рамках глобализационных процессов. В связи с этим феномен глобализации стал самым обсуждаемым и исследуемым в научной среде. Наиболее известными являются труды Э. Гидденса [19], К. Омаэ [21, 22], У. Бека [4], А.И. Уткина [14], Г.П. Анилиониса и Н.А. Зотовой [2], А.Н. Чумакова [18] и др. Среди белорусских исследователей отдельного внимания заслуживает работа бывшего министра иностранных дел Республики Беларусь проф. И.И. Антоновича «Глобальная цивилизация и ассиметричный мир» [3], где помимо исследования понимания глобализации различными политическими школами анализируется ее влияние на развитие мировых процессов.

В современной исследовательской литературе преобладает мнение, что феномен глобализации – явление неоднозначное и противоречивое. Несмотря на то, что процесс глобализации имеет давнюю историю, до сих пор не выработано единого ее определения. Понимание глобализации различается в зависимости от школы. Так, реалисты, говоря о глобализации, подразумевают «процесс эволюционного развития мира, а не качественный скачок в его преобразовании» [11, с. 100]. Неомарксисты приравнивают ее к заключительной стадии развития капитализма, а как следствие – и «политической нестабильности» [11, с. 100]. Для представителей неолиберальной традиции глобализация – «это качественно новый этап развития политической структуры и мира, а также человеческой цивилизации в целом» [11, с. 101].

Различное определение глобализации дается и в зависимости от категориального аппарата научной дисциплины, в рамках которой идет ее исследование. Например, экономическая наука сосредоточила внимание на пяти основных направлениях: финансовая глобализация, становление глобальных многонациональных корпораций, регионализация экономики, интенсификация мировой торговли, тенденция к конвергенции [9, с. 13]. Историки считают, что это «один из многих этапов многовекового развития

Научный руководитель – Ю.И. Малевич, доктор политических наук, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

капитализма» [9, с. 14]. Для науки о международных отношениях при изучении данного процесса характерен акцент «на завершенность периода «холодной войны», ускорение транснационализации и усиление взаимозависимости стран, на становление международного порядка с помощью ООН и других международных организаций» [9, с. 14].

Наиболее известным и распространенным является определение глобализации, сформулированное английским социологом Э. Гидденсом: «Глобализация – это интенсификация всемирных отношений, связывающих отдаленные друг от друга места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за многие мили отсюда, и наоборот» [19, с. 160].

Автор полагает, что наиболее удачным является определение глобализации, данное Заслуженным деятелем науки Республики Беларусь, доктором физико-математических наук, профессором М.М. Ковалевым: «Глобализацией называют начавшийся в последние десятилетия прошлого века процесс возрастания взаимозависимости стран мира вследствие все более тесной интеграции (сращивания) их национальных рынков товаров, услуг и капиталов» [8, с. 5].

Ведутся дискуссии также и об исторических этапах развития глобализации. Большинство исследователей сходятся во мнении, что первый этап ее связан еще с эпохой Великих географических открытий. Профессор А.А. Маслов выделяет 3 основных этапа «собирания» стран и народов в единое планетарное целое:

1. XVI–XIX вв. – эпоха Великих географических открытий, промышленной революции, образования колониальных империй, формирование мирового рынка и возникновение международного торгово-экономического сотрудничества. Это была эпоха становления индустриальной цивилизации, которая еще только начинала свое шествие по всему миру.

2. Первая половина XX в. – эпоха становление империализма, усиления борьбы за колониальный передел мира, что привело к двум мировым войнам, образование Лиги Наций, зарождение национально-освободительного движения в колониальных странах и всеобщее господство государственно-монополистического капитализма на основе кейнсианских представлений о рыночных механизмах регулирования.

3. Вторая половина XX в. – эпоха крушения колониальной системы империализма, появление большой группы молодых независимых государств, образование ООН и расширение ее функций, возникновение и быстрое распространение транснациональных корпораций (ТНК), образование наднациональных валютно-финансовых органов (МВФ, Мировой банк и др.), создание НАТО, ВТО, Римского клуба и других международных организаций. В это же время страны Запада впервые сталкиваются со структурным кризисом капитализма, выход из которого приводит их к формированию основ постиндустриального общества. Резкое усиление информационных потоков приводит к завершающей стадии глобализации, а окончание холодной войны способствует формированию однополюсного мира, в котором главную роль играет так называемый «золотой миллиард» населения Запада [12].

С точки зрения автора статьи, в данной периодизации необходимо выделить еще один последний этап – начало XXI века – формирование новых политических центров (Россия, Китай, Индия, Бразилия), возрастание угрозы мирового терроризма, утрата Соединенными Штатами Америки явно лидирующей позиции, рост сепаратистских настроений, спад политической и культурной глобализации.

Основной характеристикой современного этапа глобализации является появление на мировой политической арене новых акторов, к числу которых относятся: международные организации, транснациональные корпорации, неправительственные организации, международные транснациональные и национальные террористические,

преступные группы и сообщества, коренные малочисленные народы и землячества [13]. Деятельность этих акторов в значительной степени ограничивает функции национальных государств. Например, гражданин любой страны может напрямую обратиться в любую правозащитную организацию для защиты своих интересов, а ресурсы, которыми обладают транснациональные компании, во много раз превышают возможности большинства государств. Более того, эти институты в связи с ростом их роли начинают ограничивать суверенитет национального государства путем вмешательства во внутренние дела (например, ситуация вокруг разработки ядерной программы Ирана).

В таком случае возникает вопрос о дальнейшей перспективе национального государства.

Мнение исследователей по данной проблеме сводится к трем позициям – гиперглобалистов, скептиков и трансформистов. Если для первых (например, К. Омаэ) очевидно, что эпоха национальных государств близка к своему концу [22], то для вторых (например, П. Херст, Дж. Томпсон) глобализация представляется мифом, не способным повлиять на позиции национального государства [20]. По мнению же трансформистов (например, Э. Гидденс), глобализация – это исторически беспрецедентный процесс, в условиях которого национальные государства вынуждены адаптироваться к происходящим изменениям [19].

Действительно, на сегодняшний день государства утрачивают контроль над многими сферами экономики, находящимися в прямой зависимости от развития мировой экономики. Как отмечает профессор С.А. Караганов, «национальные и международные неправительственные организации оказывают растущее влияние на общественное мнение, формирование политики, выработку законов, сами выполняют функции социальной защиты и даже принимают участие в деятельности комитетов и комиссий ООН» [6]. Более того, государство утрачивает контроль над информацией из-за широкой доступности Интернета. Тем не менее, нет оснований говорить о крахе национального государства. Во-первых, за ним всегда будут закреплены задачи обеспечения правопорядка и обороноспособности, контроль за добычей природных ресурсов, выработка и принятие внешнеполитических решений и т.д. Во-вторых, те же ТНК, стремящиеся в период стабильности минимизировать роль национального государства, в период кризисов обращаются за поддержкой именно к нему. Таким образом, с одной стороны, нельзя игнорировать происходящие процессы глобализации, с другой – преувеличивать их влияние. Другими словами, автор поддерживает мнение трансформистов об изменении функций национального государства под давлением складывающихся условий.

К тому же, согласно проф. А.А. Маслову, поскольку существуют «серьезные опасения, что безудержный и никем не контролируемый процесс глобализации подорвет устойчивый миропорядок и столкнет мировое сообщество в состояние хаоса, неданного со времен средневековья» [12], необходимо сохранение наций-государств. В противном случае могут сбыться прогнозы известного американского политолога С. Хантингтона о глобальном столкновении цивилизаций [16]. В соответствии с этой концепцией глобализация приведет к конфронтации цивилизационных «очагов» и борьбе за выживание этносов. Исследователь считает неизбежным столкновение западно-христианского мира с исламским и, возможно, буддистско-конфуцианским цивилизационными блоками.

Еще один пессимистический сценарий дальнейшего развития представлен в статье «Конец истории?» американского исследователя Ф. Фукуямы. С его точки зрения, «рыночная демократия» представляет собой конечный идеал, «абсолютную идею» международных отношений [15]. Иными словами, человечество достигнет наивысшей точки своего развития и ему попросту больше некуда будет двигаться, что и будет означать «конец истории». Автору данная точка зрения представляется утопической, по-

скольку в ней изначально заложено искаженное представление о «рыночной демократии», из которого сделан несоответствующий реалиям вывод.

Интересны перспективы глобальных процессов, предложенные еще одним американским мыслителем И. Валлерстайном. На основе собственной мир-системной теории он сформулировал три основных сценария развития глобализирующегося мира:

1) наступление неофеодализма, то есть формирование автаркичных регионов с местными иерархиями, поддержание достаточно высокого уровня технологий для элиты;

2) появление «демократической диктатуры» вследствие деления мира на две «касты»: 20% богатых с более или менее справедливым распределением благ держат под жестким контролем остальную часть человечества;

3) формирование «децентрализованного и справедливого мира», появление которого связывается с децентрализованными механизмами перераспределения накопленных богатств, что потребует реального сокращения потребления [17].

Одними из наиболее известных в исследовательской среде являются потенциальные результаты глобализации, представленные Р. Робертсоном. Согласно первому сценарию образуется «всемирная деревня», где каждый житель с помощью новейших средств массовой коммуникации может стать очевидцем событий мировой важности или происшествий в дальних странах и где существует общепланетарный консенсус в вопросах, касающихся основополагающих ценностей и идей. По второму сценарию национальные государства унифицируются под эгидой некоего «мирового правительства». Третий сценарий предполагает, что в будущем мир станет представлять собой мозаику взаимно открытых суверенных национальных государств, включенных в процесс интенсивного экономического, политического и культурного обмена. В соответствии с четвертым сценарием мир может превратиться в мозаику закрытых ограниченных сообществ, равноправных и уникальных в своей институциональной и культурной упорядоченности или иерархических с одним ведущим сообществом [23].

Существует еще множество прогнозов последствий глобализации, таких, как «фрагментация» (сочетание процессов интеграции и фрагментации), «локализации» (консолидация этнических и цивилизационных образований), «глокализация» (сочетание процессов модернизации местных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации) и т. д., делающих акцент на том или ином аспекте.

Учитывая различные перспективы развития глобализации и ее влияние на устройство мировой политической системы, автор предлагает рассмотреть перспективы политики нейтралитета сквозь призму четырех возможных сценариев развития самого понятия «нейтралитет»:

- 1) останется без изменений;
- 2) нейтралитет перестанет существовать;
- 3) будет носить формальный характер, т. е. нейтральные страны лишь на словах будут заявлять о своей приверженности ему;
- 4) подвергнется определенной трансформации.

Рассмотрим каждый из предложенных вариантов.

Предположим, что мир сохранит однополярную структуру с Соединенными Штатами Америки во главе. В таком случае, казалось бы, могут произойти незначительные изменения, не влияющие на общее положение вещей. Тем не менее, история доказывает, что, во-первых, ни одно государственное образование не способно долгое время сохранять свою гегемонию (по большому счету, уже сейчас налицо явные признаки утраты США лидирующих позиций), во-вторых, ни один феномен не способен не реагировать на происходящие изменения в жизни мирового сообщества. В противном случае он просто исчезнет.

Допустим, нейтралитет действительно перестанет существовать. Необходимость в нейтралитете может отпасть сама собой при условии, что в мире перестанут существовать военные блоки и не будет войн. Такое развитие представляется маловероятным, потому что за всю многовековую историю существования человеческой цивилизации не наберется и недели, чтобы в какой-либо точке планеты не происходили военные столкновения. И даже в наши дни, когда, казалось бы, осознав уроки двух мировых войн, человечество стремится свести к минимуму шанс разгорания нового конфликтного очага, национальные интересы государств ставятся превыше всего. Подтверждением этому служат военные действия США в Афганистане и Ираке. Следовательно, такого рода основание для отмены нейтралитета является гипотетическим и на данном этапе нереально.

К тому же невозможно не учитывать данные социологических опросов по поводу возможного отказа от проведения политики нейтралитета в самих нейтральных странах. Больше половины населения не видит необходимости в данном шаге. Противникам же политики нейтралитета не удастся привести достаточно весомый аргумент, чтобы склонить сложившееся мнение к смене внешнеполитического приоритета. Именно поэтому большинство в правительствах и парламентах нейтральных государств принадлежит ее сторонникам. Таким образом, и внутри самих нейтральных государств нет оснований для отказа от проводимого внешнеполитического курса.

Еще в одном случае нейтралитет может утратить свое значение – в результате создания так называемого «глобального управления». Его сторонники считают, что из-за размывания границ между государствами потребуются некая наднациональная структура, способная регулировать политические процессы на глобальном уровне. Было выдвинуто множество концепций и моделей глобального управления – «от вполне реалистических проектов реформирования ООН до утопических из-за их технической неосуществимости и потенциально не демократических по своему характеру проектов создания «мирового правительства»» [5, с. 44].

Автор статьи полагает, что данные теории ошибочны, так как их авторы не принимают во внимание либо не до конца осознают такие феномены, как суверенитет государства и национальный интерес. Как отмечает российский исследователь Л.Н. Клепацкий, «игнорирование национального государства, его суверенитета и интересов – это ложный путь, ведущий к конфликтам» [7]. Ни одно государство добровольно не откажется от своего суверенитета. Оно может лишь передать часть своих суверенных прав какому-либо наднациональному органу, как это происходит в случае с участием в Европейском союзе. Однако опять же из-за расхождения национальных интересов внутри этого интеграционного объединения зачастую не удастся выработать единых позиций по ряду вопросов, например в отношении конституции Европейского союза.

Кроме того, «глобализация не формируется из чего-то «всевышнего», она развивалась из национального начала и должна служить ему» [7]. Таким образом, глобализация и национальные интересы государства – «не взаимоисключающие, а взаимодополняющие структурные элементы развивающегося мироустройства» [7].

К тому же необходимо учитывать еще один параллельно развивающийся процесс – дезинтеграцию. В последнее десятилетие все отчетливее прослеживается стремление к сохранению национальной самобытности, «обостряется локальное самосознание и чуткость к местным традициям, неприятие единообразия» [1, с. 53]. В свете такой тенденции политика нейтралитета вновь приобретает актуальность, поскольку способствует именно этой цели, как то было неоднократно доказано в процессе ее исторического развития. Ведь изначально именно с этой целью Швейцария, Австрия и Финляндия избрали для себя такого рода тактику. Именно политика нейтралитета позволила им избежать вмешательства со стороны великих держав во внутренние дела.

Кроме того, проводимая нейтральная политика способствовала экономическому подъему этих стран.

Таким образом, очевидно, что и в дальнейшем нейтральные государства будут придерживаться провозглашенного курса. В данном случае необходимо рассмотреть еще один вариант развития политики нейтралитета. Допустим, нейтральные страны сохранят свой статус, но при этом будут нарушать основные положения нейтралитета. Такая политика будет способствовать резкому снижению авторитета этих стран, так как, во-первых, от них не будут знать что ожидать, а во-вторых, эти страны сами могут быть вовлечены в конфликт, то есть на них больше не будут распространяться права и обязанности, присущие нейтральным государствам. А, как отмечалось, именно благодаря статусу постоянно нейтрального государства, гарантирующего стабильность, например, Швейцария стала центром мировой банковской системы, а Вена и Берн – своеобразными мировыми политическими центрами, месторасположением важных учреждений ООН, ОБСЕ, МАГАТЭ, ОПЕК и других международных организаций.

Итак, формальный характер нейтральной позиции принесет убытки не только в политическом, но и в экономическом плане.

Кроме того, такое поведение будет прямым нарушением норм международного права, что должно повлечь за собой международно-правовую ответственность государства. Тем более что, например, Австрия не может в одностороннем порядке отказаться от своего статуса постоянно нейтрального государства, «поскольку конституционный закон о постоянном нейтралитете был принят во исполнение международного обязательства Австрии, вытекающего из Московского меморандума» [10, с. 421].

Из изложенного логически вытекает предположение, что наиболее вероятной организацией будущего мироустройства является многополярность взаимосвязанных и взаимозависимых суверенных государств. Следовательно, нейтральные государства останутся на прежних позициях, но при этом им придется координировать свою деятельность с другими государствами в вопросах решения глобальных проблем.

Более того, учитывая тот факт, что глобализация влияет практически на все области жизнедеятельности человечества, представляется вполне возможным, что в будущем потребуются очередное переосмысление содержания нейтралитета. И поскольку нейтралитет довольно гибкое понятие, неоднократно подвергавшееся трансформации в предыдущие эпохи, автор считает, что вероятны определенные изменения как в нем, так и в проведении политики нейтралитета. Хотя на сегодняшний день трудно предсказать, какой из аспектов нейтралитета будет затронут. Скорее всего это будет связано с выходом на мировую политическую арену таких новых акторов международного общения, как межправительственные и неправительственные организации.

Итак, проанализировав несколько потенциальных сценариев дальнейшего развития глобализации и политики нейтралитета, автор пришел к выводу, что наиболее перспективным является развитие суверенных взаимосвязанных национальных государств, придерживающихся проводимой ранее внешнеполитической стратегии с некоторой возможной ее трансформацией, не затрагивающей ее основ. То есть в перспективе возможно изменение в понятии «нейтралитет» и, как следствие, в политике нейтралитета как таковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абулмагд, А. К. Преодолевая барьеры: диалог между цивилизациями / А. К. Абулмагд [и др.]. – М. : Логос, 2002. – 192 с.
2. Анилионис, Г. П. Глобальный мир: единый и разделенный / Г. П. Анилионис, Н. А. Зотова. – М. : Междунар. отношения, 2005. – 676 с.

3. Антонович, И. И. Глобальная цивилизация и асимметричный мир / И. И. Антонович. – М. : Наука, 2002. – 256 с.
4. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
5. Евзеров, Р. Я. Концепции глобального управления в современных идейно-политических процессах (к постановке проблемы) / Р. Я. Евзеров // *Мировая политика, международная безопасность, и транснациональные процессы в XXI веке: уроки, вызовы и выбор России* : сб. науч. докладов Третьего Всероссийского конгресса политологов, Москва, 29–30 апреля 2003 г. / Российская академия наук ; ред.-сост. С. В. Патрушев. – М., 2003. – С. 38–44.
6. Караганов, С. А. Современные международные отношения в условиях глобализации / С. А. Караганов // Информационно-аналитический портал «Наследие» [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : http://www.nasledie.ru/global/17_1/kniga1/article.php?art=8. – Дата доступа : 18.01.07.
7. Клепацкий, Л. Н. Проблемы современной трансформации международных отношений / Л. Н. Клепацкий // Информационный портал [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/35272514.html>. – Дата доступа : 29.09.2006.
8. Ковалев, М. М. Глобализация и проблемы участия в ней Беларуси / М. М. Ковалев // *Что дает Беларуси глобализация? : материалы Междунар. конф. «Что на данный момент принесли Беларуси процессы глобализации и какие дискуссии ведутся вокруг них?»* / Белорус. гос. ун-т, Фонд им. Фридриха Эберта ; ред. совет : В. Л. Ключня [и др.]. – Минск, 2004. – С. 5–50.
9. Кузнецов, В. Что такое глобализация / В. Кузнецов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1998. – № 2. – С. 12–21.
10. Кунц, Д. Л. Австрийский нейтралитет / Д. Л. Кунц. – М. : Олма-пресс, 2000. – 481 с.
11. Лебедева, М. М. Мировая политика / М. М. Лебедева. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 352 с.
12. Маслов, А. А. Глобализация и ее основные противоречия / А. А. Маслов // РУДН [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/26010>. – Дата доступа : 29.09.2006.
13. Плигин, В. Неизбежность мирового плюрализма / В. Плигин // *Журнал «Эксперт»* [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/20/neizbezhnost_mirovogo_plyuralizma/. – Дата доступа : 29.05.2007.
14. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. – М. : Логос, 2001. – 254 с.
15. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Веб-проект Futura [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://www.futura.ru/index.php3?idart=129>. – Дата доступа : 29.09.2006.
16. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – СПб. : АСТ, 2003. – 603 с.
17. Мунтян, М. Глобализация, международные отношения и мировая политика / М. Мунтян // *Некоммерческое партнерство `Научно-Информационное Агентство`Наследие Отечества* [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=282843>. – Дата доступа : 29.09.2006.
18. Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира : монография / А. Н. Чумаков. – М. : ТК Велби, Проспект, 2005. – 432 с.
19. Giddens, A. *The Consequences of Modernity* / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press. – 186 p.

20. Hirst, P. Globalization and the Future of the Nation State / P. Hirst, G. Thompson // *Economy and Society*. – 1995. – Vol. 24. – № 3. – P. 408–442.
21. Ohmae, K. *The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy* / K. Ohmae. – New York : Ballinger Pub Co, 1990. – 240 p.
22. Ohmae, K. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies* / K. Ohmae. – L., 1995. – 213 p.
23. Robertson, R. *Globality, Global Culture, and Images of World Order* / R. Robertson // *Social Change and Modernity* [Electronic resource]. – 1992. – Mode of access : <http://content.cdlib.org/xtf/view?docId=ft6000078s&chunk.id=d0e12130&toc.depth=1&toc.id=d0e12130&brand=eschol>. – Date of access : 29.09.2006.

Grynyova O.N. Globalization and policy of neutrality: the perspectives of development

One of the most discussing problems of the last century became globalization. Lots of monographs, articles, conferences were dedicated to the research of this phenomenon. Today the attention is paid not to globalization itself, but to its different aspects. The perspectives of the policy of neutrality are analyzed in the article in the light of the existing in the scientific literature scenarios of the future development of globalization and its influence on the forming of political structure of the world. On the base of the research of offered by the author versions of the development of policy of neutrality the conclusion is made that the most perspective one is the development of sovereign interrelated national states, which follow the carried out foreign policy strategy with some possible its transformation, not touching its bases. It is supposed that these changes will be connected with the outlet on world political arena such new international actors of as intergovernmental and nongovernmental organizations.

НАВУКОВЫЯ ПАВЕДАМЛЕННІ

УДК 340.1.001.8 (07)

Б.М. Лепешко, А.Ф. Займист

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И КОНКРЕТИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОВ В ПОДЗАКОННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ

В сообщении раскрывается специфика развития и конкретизации положений законов в подзаконных нормативных правовых актах с точки зрения формальной логики, сущностного содержания и юридической техники. Анализируются такие формы, как воспроизведение, детализация, конкретизация и иные. Показаны те проблемы, решение которых будет способствовать оптимальному переходу от закона к подзаконному правовому нормативному акту в процессе правотворческой деятельности.

Правовое регулирование различных общественных отношений в силу их содержания, особенностей и отраслевой специфики требует дальнейшего развития и конкретизации положений законов в нормах подзаконных актов.

Ряд авторов, прежде всего российских (С.В. Поленина, С.А. Иванов, И.В. Котелевская и др.) [1; 2], полагают, что могут быть предложены разного рода формы соотношения норм актов более высокой юридической силы с нормами актов меньшей юридической силы. Причём формулировки собственно форм здесь могут быть самыми разными: от «методов конкретизации норм законов» до «приёмов законодательной техники» и «юридически значимой деятельности». Между тем, смысл подходов можно свести к терминам «развитие» и «конкретизация», которые в данном контексте понимаются как развитие «содержательного» поля законов и их конкретизация, формой чего, в свою очередь, и выступают подзаконные нормативные акты.

Одна из проблем связана с логическим характером анализа. Так, очевидно, что норма видового значения не может быть принята без нормы родового значения. Другими словами, норма родового значения конкретизируется и развивается в нормах видового значения. Значит ли это, однако, что всякий подзаконный акт есть, условно говоря, «вид», а закон – «род»? Данная связь в формальной логике называется соподчинением. Если ответить на этот вопрос утвердительно, то следует, что каждый подзаконный акт есть закон, что неверно. Выход, возможно, может быть найден в следующей констатации: связь между законом и подзаконным нормативным актом носит ступенчатый характер, поскольку мы имеем дело с нормативными правовыми актами разных уровней. Наличие смысловых «посредников» позволяет именно дополнять, развивать и конкретизировать закон на уровне подзаконных нормативных актов, оставляя в стороне вопрос о жёсткой «соподчинённой» связи между ними.

Следует учитывать, что установление оптимального соотношения закона и подзаконного нормативного акта не является прямым, непосредственным, прямолинейным, техническим в смысле правотворческой деятельности. Здесь всегда действуют сложные, в ряде случаев противоречивые закономерности, требующие внимания со стороны не только непосредственных разработчиков того или иного нормативного правового акта, но и со стороны законодательных органов, которые должны «просчитывать» последствия принятого решения и характера его применения в практической деятельности. Причём потребность в появлении того или иного подзаконного нормативного акта должна быть просчитана исходя из анализа объективной ситуации, не связана с

конъюнктурными соображениями, не должна обслуживать чьи бы то ни было корпоративные интересы.

Возможна такая ситуация, когда сам правотворческий орган определяет необходимость появления на свет подзаконного нормативного правового акта; возможен и иной вариант развития событий, когда такого рода возможность уже заложена (в том или ином виде) в самом законе. Надо учитывать и тот факт, что в ряде случаев может быть оговорена и невозможность «развития» и «конкретизации» того или иного закона в правотворческой деятельности. Здесь имеются в виду сферы исключительного регулирования законом.

Одной из форм развития положений закона в подзаконных правовых актах является воспроизведение. Очевидно, речь не идёт о некоем «автоматическом» переносе положений закона в подзаконный акт, да и такого рода процедура являлась бы бессмысленной. Здесь важны два момента. Во-первых, воспроизведение не означает точного копирования, оно в обязательном порядке включает в себя некоторые существенные правовые характеристики, расширяющие, углубляющие предмет разговора. Во-вторых, возможно своего рода «переформатирование» ключевых формулировок, связанное со спецификой подзаконного правового акта.

В системе подзаконных нормативных актов Республики Беларусь редко встречается «идентичное» воспроизведение норм закона в подзаконном правовом акте. В том же случае, когда это делается, указываются конкретные статьи того или иного закона. Здесь одна из проблем заключается в том, что отсутствует чётко прописанный механизм трансформации закона, непонятны «ступени» перехода от закона к подзаконному правовому акту, требует осмысления сам процесс правотворческой деятельности в данном аспекте. Хотя необходимо признать тот очевидный факт, что наше обращение к закону с целью подготовки, формулировки подзаконного нормативного акта способствует углубленному пониманию собственно закона.

Скажем, деятельность правительства Республики Беларусь, Российской Федерации, а также их нормотворческая деятельность регулируется не только соответствующими Конституциями, но и Законами «О Правительстве», а также Регламентами, утверждёнными постановлениями правительств Республики Беларусь и Российской Федерации. В Законе Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь» определяется место постановлений правительства Республики Беларусь в иерархии нормативных актов, а также закрепляется возможность принятия и других актов (протоколов, указаний, поручений), обязательных для исполнения подчинёнными органами и должностными лицами, но не носящих нормативный характер. В свою очередь, в аналогичном Законе Российской Федерации, именуемом Федеральным конституционным законом о Правительстве Российской Федерации, дублируются и уточняются основополагающие нормы Конституции Российской Федерации.

Очевидно, что такая форма, как «воспроизведение», может быть наиболее востребованной в сочетании с иными формами, скажем, тем же развитием и конкретизацией. Важно лишь, чтобы существовали чёткие различия между нормативными правовыми актами, чтобы они не сводились лишь к повторению статей; должны существовать определённые отличия, связанные с развитием и конкретизацией тех или иных положений. Вообще говоря, между законом и подзаконным правовым актом должны быть чёткие различия, благодаря которым мы могли бы без особых затруднений идентифицировать как первый, так и второй нормативный правовой акт.

Определённые затруднения вызывает и применение такой формы конкретизации закона, как детализация. Дело не только в том, что фактически нет указаний (кроме прямо «прописанных» в законе), когда может быть применена детализация, а когда её применение нецелесообразно. Речь идёт и о том, что детализация не позволяет охватить

все регулируемые отношения с максимальной точностью. Чаще всего детализация применяется там и постольку, где и поскольку можно обратиться к одной норме или группе норм, без разъяснения, истолкования которых не может быть полностью обеспечена реализация законодательных положений.

Если в законе только называется вопрос, а его регулирование поручено другому правотворческому органу, то в таком случае будет использована такая форма развития положений закона, как отсылка. Если, скажем, правительству страны на основании закона поручено устанавливать величину прожиточного минимума, то правительство обязано с той или иной периодичностью издавать соответствующие постановления.

Конечно же, необходимо учитывать тот факт, что понятие «закон» может рассматриваться в различных формах. Закон – это и Конституция страны, и федеральные конституционные законы (в случае федеративного устройства), федеральные законы. Кстати, именно федеральные законы чаще иных связаны с изданием подзаконных актов. Причём единой формы, закрепляющей отношения закона со всеми видами подзаконных нормативных актов, не существует. Часто же используемая формула «на основании и во исполнение закона» является приемлемой исключительно в части указания на подчинённое положение акта по отношению к закону. Однако механизм «перехода» от закона к подзаконному правовому нормативному акту нигде не прописан.

Часто применяемая формула «не должны противоречить закону» создаёт важную основу для реализации принципов логического закона противоречия (непротиворечивости) применительно к рассматриваемой проблеме. То есть каждый подзаконный нормативный правовой акт не должен содержать нормативных предписаний, противоречащих нормативным предписаниям акта большей юридической силы. Применение такого подхода может привести к разрыву иерархических связей нормативных актов и может деформировать правовую систему в целом.

Многие проблемы, возникающие в рамках конкретизации и развития законов в подзаконных правовых актах, имеют своей основой логические неточности. Так, например, российские авторы (И.В. Котелевская и др.) приводят примеры, связанные с деятельностью различных органов власти. Скажем, в нескольких постановлениях Конституционного суда Российской Федерации распространена формулировка, согласно которой подзаконные акты не должны противоречить «конституционно значимым целям». Однако нигде не отмечено, что означает эта формулировка, какие цели являются «конституционно значимыми», а какие не являются. Подобные примеры достаточно широко приведены в работе «Логические основы правовой практики» [3].

В заключение имеет смысл уточнить, что все возможные формы конкретизации и развития закона имеют смысл лишь при соблюдении ряда обязательных условий. Среди таковых выделяются обязательное соблюдение требований логики (непротиворечивость, субординация и так далее), сочетание различных форм конкретизации (детализация, дополнения и т.д.), определение критериев деления форм развития и форм конкретизации, которые носят не только рабочий, но и принципиальный характер, а также пониманием изменения роли закона, подзаконного акта в жизни общества и государства. Актуальность рассмотренных вопросов связана не только с тем фактом, что белорусское национальное государство делает свои первые шаги, в том числе и в правовой сфере. Речь идёт и о том, что имеющиеся противоречия между системой законов и подзаконных правовых актов существенно снижают эффективность правотворческой деятельности, затрудняют определение путей развития этой важной сферы общественного сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов, С. А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта Российской Федерации / С. А. Иванов. – М. : Народный учитель, 2002. – 178 с.
2. Котелевская, И. В. Закон и подзаконный нормативный акт / И. В. Котелевская // Журнал российского права. – 2000. – № 2. – С. 30–34.
3. Лепешко, Б. М. Логические основы правовой практики / Б. М. Лепешко. – Брест : Издательство БрГУ им. А. С. Пушкина, 2002. – 145 с.

Lepeshko B. M., Zaimist A. F. Some problems of development and concretization of law dispositions in subordinate regulatory acts

In the report the specific character of the development and concretization of law dispositions in subordinate regulatory acts is revealed in terms of formal logic, essential content and juridical technique. Also such forms as reproduction, specification, concretization and others are analyzed. The report shows the problems, the solution of which will favor an optimal transition from law to subordinate regulatory act in process of lawmaking activities.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ:

Аляксейчыкава І.М. – аспірантка кафедры гісторыі і культуры Беларусі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова.

Антановіч Н.А. – кандыдат палітычных навук, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Брэскі А.В. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Галімаў К.Г. – аспірант кафедры канстытуцыйнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Грынёва В.М. – аспірантка кафедры міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Грыцэнка Д.У. – аспірант кафедры сацыялогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Займіст А.Ф. – студэнт трэцяга курса юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Зданевіч А.А. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і методыкі фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Кавалевіч І.В. – аспірантка кафедры псіхалогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Корзík С.В. – выкладчык кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Косаў А.П. – аспірант кафедры новай і навейшай гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Крывацэй Д.А. – кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Рэспублікі Беларусь Інстытута гісторыі НАН Беларусі.

Крыштофік Э. – магістр педагогікі ў вобласці культуралагічнай педагогікі Беластоцкага ўніверсітэта (Беласток, Рэспубліка Польшча).

Лысюк А.І. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Сугака Л.А. – выкладчык кафедры гісторыі і культуры Беларусі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова.

Храмаў С.М. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Чарняўская Ю.В. – кандыдат культуралогіі, дацэнт, дактарант кафедры культуралогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.

Шукевіч Л.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і методыкі фізічнага выхавання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Якавук Т.І. – кандыдат культуразнаўства, доктар сацыялагічных навук, прафесар кафедры тэорыі і методыкі эстэтычнай адукацыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Якуш А.І. – асістэнт кафедры педагогікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркушаі, ў электронным варыянце на дыскеце 3,5 дм. у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21 x 29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15 x 23 см або 23 x 15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1–2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносака.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1–2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнацю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаваанне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая, Т.І. Шкапіч*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 19.06.2008. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 14,55.

Тираж 100 экз. Заказ № 256.

Издатель и полиграфическое исполнение:

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина».

224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.

ЛИ № 02330/277 от 30.04.2004.